

Джанни Родари Римские фантазии

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155664

Джанни Родари «Римские фантазии»: Правда; Москва; 1987

Содержание

Мисс Вселенная с зелено-венерианскими глазами	5
Робот, который захотел спать	15
Принц Пломбир	29
Уйду к кошкам	40
Все началось с крокодила	50
Мотти и пакетик	62
Кукла на транзисторах	77
Зеленое яйцо	87
Неопознанный самолет	98
Как Марко и Мирко ловили бандитов	108
Карлино, Карло, Карлино, или как отучить ребят от плохих привычек	118
Венецию надо спасать, или как просто стать рыбой	129
Как Марко и Мирко играли с чертом	140
Почтальон из Чивитавеккья	149
Подарочные мышки	160
Мистер Каппа и «Обрученные»	178
Роза и хлыст	188
Рыболов с моста Гарибальди	197
Волшебники на стадионе	208
Десять килограммов Луны	219

Могущество пустых банок	228
Профессор Угрозный, или смерть Юлия Цезаря	238
Пришельцы и Пизанская башня	247
Для кого прядут три старушки	257

Джанни Родари

Римские фантазии

Мисс Вселенная с зелено- венерианскими глазами

Кто такая Дельфина? Бедная родственница синьоры Эулалии Борджетти – той самой, которая держит химчистку на Канале Гранде в Модене. Софрония и Бибиана, дочери вдовы Борджетти, немного стыдились своей двоюродной сестры, которая вечно ходила в поношенном сером халате и без конца чистила замшевые куртки, гладила брюки и рубашки. Между собой сестры называли ее «эта замарашка». Мать взяла ее в дом из милости, а также потому, что работала она за двоих и налог за нее платить не надо было – родственница.

Случалось порой, что и у сестер просыпались какие-то добрые чувства, и тогда они брали ее с собой в кино, где покупали ей самый дешевый билет в самый последний ряд.

– Они такие добрые, мои девочки! – говорила синьора Эулалия, внимательно следя за Дельфиной – вдруг она возьмет еще кусочек фаршированной свиной ножки. Но Дельфина и

не думала брать еще кусочек. И пила воду, а не сок. А из фруктов ела только самые дешевые яблоки, а не мандарины. И она же мыла посуду после обеда, пока Софрония и Бибиана ели шоколадные конфеты. И еще она же ходила в церковь, потому что должен ведь хоть кто-нибудь из семьи ходить туда.

А на грандиозный бал по случаю избрания президента республики Венера Дельфина не поехала. На бал отправились на космическом корабле торговой палаты Софрония и Бибиана с тетушкой Эулалией. На других кораблях на Венеру полетела еще половина жителей Модены и, наверное, половина Европы. В небо взлетели сотни космических кораблей с пылающими, как у ракет, хвостами.

Дельфина слыхала, что праздничные балы на Венере просто великолепны. На них слетаются юноши и девушки со всего Млечного Пути. Оранжеда и мороженого там сколько угодно. И все бесплатно!

Дельфина постояла у двери, повздыхала, завидуя счастливым, и вернулась в химчистку. Ей нужно было привести в порядок платье синьоры Фольетти, которое та наденет завтра, когда пойдет в оперный театр на «Золушку» Россини. Чудесное платье, черное, с золотым и серебряным шитьем, – ну прямо звездная ночь! Однако на бал синьора Фольетти это платье надеть не может – она уже была в нем два месяца назад на балу по случаю избрания другого президента Венеры. На этой планете то и дело меняют президентов, чтобы

почаще устраивать празднества.

Дельфина решила (ошибочно, но она еще этого не знала), что ничего – ни плохого, ни хорошего – не случится, если она примерит это красивое платье. Оно прекрасно сидело на ней! И зеркало подтвердило это, лукаво подмигнув ей. Кружась в танце, Дельфина выскользнула за дверь. Улица была пустынна, и Дельфина стала танцевать на тротуаре. Вдруг слышались чьи-то шаги и голоса. О боже, куда бы спрятаться! Неподалеку стоял небольшой семейный космический корабль. Он назывался «Фея-2», и люк у него оказался открытым. Дельфина забралась в корабль и спряталась на заднем сиденье. Ах, как хорошо было бы взлететь на этом корабле в небо и полетать спокойно от звезды к звезде, без забот и обязанностей, без придирчивой тетушки, болтливых кузин и ворчливых клиентов... Шаги и голоса приближались. Вот они уже совсем рядом! Передний люк открылся, и в корабль сели двое людей. Дельфина узнала их, испугалась еще больше и соскользнула на пол, сжавшись в комочек, чтобы ее не заметили.

– Ой, мамочка! Это же синьора Фольетти! Если она увидит меня в своем платье... – прошептала Дельфина.

– Как бы не опоздать! – сказала синьора Фольетти своему мужу синьору Фольетти, владельцу фабрики запасных деталей для консервных ножей. – И ровно в полночь вернемся обратно. Я хочу завтра утром слетать в Коккокуруино за свежими яйцами.

Синьор Фольетти пробурчал в ответ что-то невнятное, зажег спичку и закурил сигарету. В то же время он нажал на стартовую кнопку, и корабль взлетел со скоростью света (плюс два сантиметра в секунду). И еще раньше, чем спичка погасла, «Фея-2» прибыла на Венеру.

Дельфина подождала, пока синьор и синьора Фольетти вышли из корабля и удалились, а затем решила:

– Раз уж я тут, пойду и я взгляну на бал. Народу там будет, конечно, очень много, так что синьора Фольетти наверняка не заметит ни меня, ни своего платья.

Президентский дворец был совсем рядом. Ярко светился миллион его окон. В самом большом зале семьсот пятьдесят тысяч гостей разучивали новый танец «Сатурн». Лучшего места, чтобы потанцевать никем не узнанной, и не найти!

– Разрешите пригласить вас, синьорина?

К Дельфине подошел высокий элегантный молодой человек спортивного вида.

– Знаете, я только что прилетела и еще не умею танцевать «Сатурн».

– Но это очень просто! Я научу вас! Этот танец похож на танго-вальс и на самбу-гавот. Видите, танцевать его так же просто, как ходить.

– В самом деле, очень просто! А мы до сих пор танцуем менуэт-твист.

– Вы землянка, не так ли?

– Да, из Модены. А вы венерианин? Это видно по вашим

зеленым волосам.

– Но и вас отличает чудесный зеленый цвет. Я бы даже сказал, наш венерианский зеленый цвет. Это ваши глаза!

– Правда? А мои кузины говорят, что глаза у меня цвета цикория.

Дельфина и молодой венерианин станцевали «Сатурн» и еще двадцать четыре других бальных танца. Они остановились, лишь когда умолкла музыка и по громкоговорителю на всех языках Млечного Пути объявили, что через несколько минут президент республики Венера вручит приз самой красивой девушке праздника.

«Вот счастливая! – подумала Дельфина. – Но не пора ли мне бежать к кораблю? Слава богу, еще только половина двенадцатого. Фольетти улетят ровно в полночь. И вернуться я могу только с ними. Снова спрячусь на заднем сиденье». Но тут к ней подошли какие-то два господина в парадных мундирах. Один из них взял ее за руку и повел на сцену. «Это конец! – испугалась Дельфина. – Наверное, синьора Фольетти увидела меня и заявила о краже своего вечернего платья! Кто знает, куда отправят меня теперь эти венерианские карабинеры?»

А господа в парадных мундирах привели ее прямо на сцену, и кругом раздались аплодисменты. «Какие недобрые люди, – подумала Дельфина. – Радуются, что меня арестовали. Никому и в голову не приходит, что я невиновна».

– Дамы и господа! – прозвучал голос из громкоговорите-

ля. – Слово президенту республики Венера!

Как?! Это президент? Но это же тот самый молодой человек, который весь вечер танцевал с Дельфиной? Кто бы мог подумать... Да, так и есть. Президент республики Венера! Он подошел к микрофону и торжественно провозгласил Дельфину Мисс Вселенной. Он ласково улыбнулся ей, а его помощники тут же вынесли на сцену множество подарков: холодильник, автоматическую стиральную машину с двадцатью семью программами, флакончики шампуня, тюбики зубной пасты, пакетики с таблетками от головной боли и космических недомоганий, золотой консервный нож (подарок фирмы «Фольетти», Модена, Земля).

– А теперь, – объявил голос из громкоговорителя, – президент подарит синьорине кольцо с драгоценным камнем цвета ее глаз!

У Дельфины дрожали пальцы, когда президент надевал ей кольцо... Вдруг взгляд ее случайно упал на наручные часы... Полторы минуты первого!... Космический корабль супругов Фольетти!... Химчистка!...

Дельфина вздрогнула, словно ее укусила оса, уронила кольцо, спрыгнула со сцены и пустилась бежать, расталкивая толпу, которая, впрочем, вежливо расступалась перед Мисс Вселенной.

К счастью, «Фея-2» еще стояла на космодроме. Супруги Фольетти немного задержались на балу. Наверное, они захотели посмотреть, как чествуют Мисс Вселенную.

Дельфина проскользнула на свое место и затаилась в ожидании.

– Странно, – сказала синьора Фольетти мужу, когда они сели в корабль, – у девушки, которая весь вечер танцевала с президентом и потом была провозглашена Мисс Вселенной...

– Очень красивая девушка! – воскликнул синьор Фольетти. – Видела, как она обрадовалась нашему золотому консервному ножу? Сразу видно, знает в них толк!

– Я хотела сказать, – продолжала синьора Фольетти. – Тебе не кажется, что на ней было точно такое же платье, как мое? Ну помнишь, то черное, вышитое золотом и серебром, которое стоит пятьсот...

– Да что ты!

– Если б я сама не отдала его в химчистку...

Синьор Фольетти закурил сигару. И в Модене они приземлились, прежде чем он успел выпустить облачко дыма.

На следующее утро Софрония и Бибиана прибежали похвастаться перед Дельфиной – рассказать, что видели, слышали и делали на балу.

– Мы чуть не потанцевали с президентом!

– Я почти коснулась его руки!

– Такой красавец! Вот только этот недостаток...

– Какой недостаток?

– У него зеленые, как цикорий, волосы. Будь я его женой, непременно заставила бы покрасить их.

– А он женат?

– Почти. Говорят, женится на Мисс Вселенной. Она блондинка и какая-то чудная. Представляешь, в полночь убежала! Говорят, что, если она возвращается домой после двенадцати ночи, мать бьет ее.

Дельфина, разумеется, промолчала.

А в полдень вся Модена заволновалась. С чрезвычайной миссией, получив двойные командировочные, в город прибыли посланцы планеты Венера. Они начали обходить все улицы дом за домом.

– Что им надо? Кого они ищут?

– Представляете, говорят, будто Мисс Вселенная – это одна из девушек Модены.

– Модены или Рубьеры...

– В суматохе на балу забыли спросить, как ее зовут. А президент Венеры непременно хочет сегодня же жениться на ней, иначе он подаст в отставку и вернется на свою фотониколонку.

Посланцы Венеры ходили с кольцом и сравнивали цвет драгоценного камня с цветом глаз моденских девушек, но сходства так ни разу и не нашли.

Софрония тоже побежала примерить кольцо.

– Синьорина, но у вас черные глаза!

– Ну и что! Они у меня переменчивые. Вчера вечером, например, мои глаза вполне могли быть зелеными.

Потом побежала примерить кольцо Бибиана.

– Нет, синьорина, не то! У вас же карие глаза!

– Ну и что! Если кольцо подойдет на мой палец, значит, девушка, которую вы ищете, – я.

– Синьорина, не мешайте работать!

Наконец посланцы с Венеры добрались до Канала Гранде и подошли к химчистке Борджетти. Но их немного опередила синьора Фольетти, которая пришла за своим платьем.

– Вот оно, – вся дрожа, сказала Дельфина.

– Но оно еще не готово! – возмутилась синьора Фольетти.

– Как же так? – изумилась синьора Эулалия Борджетти. – Оно должно было быть готово еще вчера до захода солнца! Что это значит, Дельфина?

Дельфина побледнела. Но тут в дверях появились венерианские послы. От страха Дельфина приняла их за карабинеров, решила, что они пришли арестовать ее за воровство, и упала в обморок.

Когда же она очнулась, то увидела, что сидит на лучшем во всей химчистке стуле, а вокруг стоят посланцы с Венеры, двоюродные сестры, тетушка, синьора Фольетти, клиенты. За дверью на улице собралась огромная толпа горожан, и все с волнением ждали, когда она придет в себя.

– Вот они! – вскричали посланцы. – Вот они, глаза зеленого, зелено-венерианского цвета!

– А вот и платье, в котором Мисс Вселенная была вчера на балу! – радостно воскликнула синьора Фольетти.

– Я... Я надела его... Но я не нарочно... – пролепетала

Дельфина.

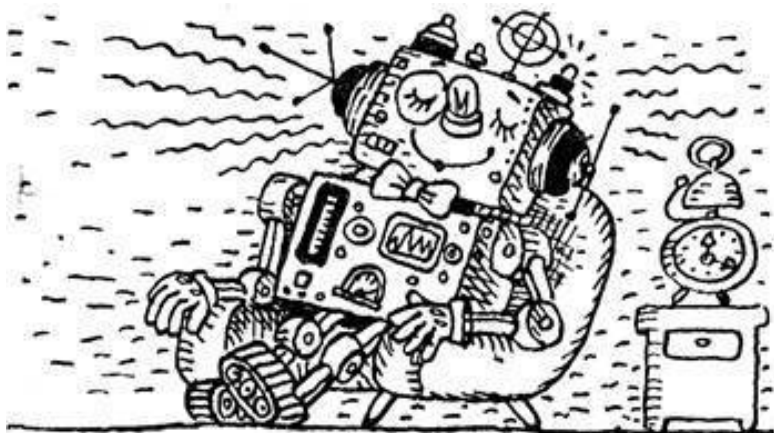
– Что ты говоришь, детка? Это платье – твое! Какая честь для меня! Какая честь для Модены и Коккокурино! Наша Дельфина станет женой президента планеты Венера!

И начались поздравления.

В тот же вечер Дельфина улетела на Венеру и вышла замуж за президента Венерианской республики, который, чтобы никогда не расставаться с нею, тут же отказался от высокого поста и вернулся на свою фотоноколонку.

Пришлось венерианцам выбрать нового президента и устроить еще один грандиозный бал. Туда отправилась и синьора Фольетти. Она передала Дельфине привет от тетушки Эулалии, Софронии и Бибианы, которые поехали лечиться на воды в Кьянчано-Терме. А еще синьора Фольетти привезла Дельфине дюжину крупных свежих яиц, купленных в Коккокурино.

Робот, который захотел спать

В 2222 году домашние роботы уже нашли широчайшее применение на всем земном шаре. Катерино был одним из них. Великолепный электронный робот, он призван был обслуживать семью профессора Исидоро Корти – преподавателя истории одного из римских лицеев. Катерино, как и все прочие домашние роботы, умел делать массу вещей: готовить еду, стирать, гладить, вытирать пыль и так далее. Он ходил за покупками, подсчитывал расходы, выключал и включал телевизор, помогал детям делать уроки, печатал на машинке корреспонденцию профессора, водил автомобиль,

разносил новости по соседям... Словом, это была отличная машина!

Будучи машиной, Катерино, естественно, не нуждался в сне. По ночам, когда все отдыхали, он, чтобы не скучать, снова и снова отутюживал складку на брюках профессора Исидоро, потом заканчивал вязание синьоры Луизы, мастерил игрушки детям, красил и перекрашивал стены в кухне, покрывал лаком стулья. Когда же он не находил себе совсем никакого, даже самого простого дела, то отправлялся в гостиную, усаживался в кресло и принимался решать кроссворды. Синьор Исидоро выписывал специальный журнал для роботов, в котором кроссворды были составлены из самых трудных слов, какие только можно отыскать в словаре. Так что роботам приходилось немало попыхтеть над ними.

Однажды ночью Катерино ломал голову над словом из семнадцати букв, как вдруг обратил внимание, как громко храпит в своей спальне профессор Исидоро. Он и прежде не раз слышал этот звук. Он даже нравился ему – такая приятная, нежная музыка. Она вносила некоторое разнообразие в ночную тишину. На этот раз, однако, Катерино поразила одна мысль. «Интересно, почему люди спят? – задумался он. – Любопытно, что они при этом чувствуют?»

Он встал и на цыпочках прошел в детскую. Детей было двое – Роландо и Лучилла. Дверь они всегда оставляли открытой, чтобы чувствовать себя поближе к родителям, спавшим в соседней комнате. На тумбочке между их кроватя-

ми горела небольшая настольная лампа с голубым абажуром. Катерино внимательно посмотрел на спящих детей. Лицо Роландо было спокойным и безмятежным, а на розовом личике Лучиллы, напротив, блуждала легкая улыбка.

«Улыбается! – с удивлением отметил Катерино. – Словно видит что-то хорошее. Но что можно видеть с закрытыми глазами?»

Катерино в задумчивости вернулся в гостиную. Сел в кресло, но теперь уже у него не было никакой охоты решать кроссворды.

«Надо будет как-нибудь и мне тоже попробовать поспать», – решил он.

Роботы существовали уже почти сто лет, но до сих пор никому из них еще никогда не приходила в голову такая смелая мысль.

«Гм, а что, собственно, мешает мне сделать это сейчас же? Да просто немедленно! – подумал Катерино. – Спокойной ночи, Катерино! Приятных сновидений!» – добавил он, сказав самому себе слова, которые каждый вечер говорила детям, укладывая их спать, синьора Луиза.

Катерино припомнил, что его хозяева, чтобы уснуть, прежде всего закрывали глаза. Он попробовал сделать так же, но не сумел. Его глаза были устроены иначе, они все время – и днем, и ночью – оставались открытыми: у него не было век. Катерино поднялся, отыскал кусочек картона, вырезал из него два овала, поудобней устроился в кресле и при-

крыл ими свои глаза. Сон, однако, не приходил, а сидеть с закрытыми глазами было ужасно скучно. Ведь он не видел при этом ничего такого, что могло бы вызвать у него ту же улыбку, что была у Лучиллы. Он видел только одну темноту, плотную и неприятную.

Всю ночь Катерино провел в тщетных попытках уснуть. И утром, когда пришел, как обычно, с чашечкой черного кофе будить профессора, решил хорошенько понаблюдать за ним.

В тот же день он обратил внимание на то, что обычно после обеда профессор Исидоро усаживался в кресло почитать газету. Некоторое время он действительно читал ее, а потом ронял на колени, глаза его закрывались, и из носа снова начинала звучать эта красивая и нежная музыка. «Песнь сна!» – подумал Катерино. Он с трудом дождался ночи и, едва вся семья улеглась спать, тоже уселся в кресло и принялся читать газету. Он прочитал ее всю насквозь, включая сообщения в траурных рамках и объявления, затем сосчитал все запятые и точки, сосчитал все слова, которые начинались на «а», все, которые начинались на «б», все, в которых было две буквы «т», но так и не уснул до самого рассвета, оставаясь бодрым, как часы, что тикали у него на руке.

Катерино, однако, не прекратил на этом свои наблюдения и как-то раз за обедом обратил внимание на одну странную фразу, которую синьора Луиза сказала профессору:

– Вчера вечером, чтобы уснуть, я стала считать овец. Знаешь, сколько я их насчитала? 1528. Пришлось прекратить, и

уснула я только после того, как приняла снотворное.

«Считать овец! – повторил про себя Катерино. – Что бы это значило? В квартире никаких овец нет и не было. И я не заметил, чтобы ночью проходило под окнами какое-нибудь стадо».

Он думал над этим еще два дня и наконец решил спросить об этом Роландо. Задавая свой вопрос, Катерино испытывал жгучий стыд: ему казалось, что он, пользуясь доверием ребенка, хочет выведать у него какой-то очень важный секрет. Но все же он набрался храбрости и спросил:

– Как нужно считать овец, чтобы уснуть?

– Да очень просто! – ответил Роландо, не подозревая, что предает в этот момент человечество. – Закрываешь глаза и притворяешься, будто видишь овец. Затем представляешь изгородь, представляешь, будто заставляешь овцу прыгать через изгородь и считаешь – раз! Затем представляешь то же самое заново и так далее: это так скучно, что в конце концов волей-неволей засыпаешь. Мне никогда не удавалось насчитать больше тридцати овец. Лучилла однажды дошла до сорока двух, во всяком случае, она так говорит, но я нисколько ей не верю!

Узнав такой волнующий секрет, Катерино с трудом удержался, чтобы тут же не помчаться в ванную и не попробовать посчитать овец. Но вот наконец настала ночь, и он смог начать свой эксперимент. Он растянулся в кресле, прикрыл глаза газетой и попытался представить овцу. Сначала

он увидел только белое, неопределенной формы облачко. Затем облачко стало приобретать какие-то контуры – появилось нечто похожее на голову, и очень скоро это действительно оказалась овечья морда. Затем облако выпустило ноги и хвост – это была овца! Гораздо труднее оказалось вообразить изгородь. Катерино никогда не был в деревне и об изгородях имел довольно смутное представление. Поэтому он попробовал заменить изгородь стулом. Представил превосходный, покрытый белым лаком стул из кухонного гарнитура и заставил овцу перепрыгнуть через него.

– Прыгай! – приказал Катерино.

Овца послушно перепрыгнула через стул и исчезла. Катерино тут же попытался представить вторую овцу, но тем временем исчез и стул. Пришлось все начинать сначала, но, когда он наконец снова увидел стул, овца почему-то отказалась прыгать через него. Катерино взглянул на часы и с ужасом обнаружил, что только на двух овец он потратил больше четырех часов. Он вскочил и бросился в кухню заниматься своей обычной ночной работой.

«И все же, – подумал он, – одну овцу мне все-таки удалось заставить перепрыгнуть через стул. Надо не отступать, Катерино! Надо верить в себя! Завтра вечером будут две овцы, потом три, и ты добьешься своего!»

Не будем рассказывать во всех подробностях, как долго тренировался Катерино, чтобы научиться представлять целое стадо овец. Достаточно сказать, что месяца через три по-

сле эксперимента с первой овцой Катерино удалось насчитать их сто штук, но сто первую он уже не увидел, потому что сладко уснул. Всего несколько минут, но он действительно спал! Он мог засвидетельствовать это с точностью часов. Еще через неделю ему удалось поспать целых три часа. А когда он уснул в воскресенье, то даже впервые увидел сон. Ему приснилось, будто профессор Исидоро чистит его ботинки и завязывает ему галстук. Прекрасный сон!

В доме напротив жил профессор Тиболла. В ту ночь он проснулся незадолго до рассвета. Ему захотелось пить, и он пошел на кухню за водой. Прежде чем вернуться в спальню, профессор Тиболла случайно взглянул в окно, которое было как раз напротив гостиной профессора Корти. И что же он увидел там? В ярко освещенной комнате сладко спал в кресле робот Катерино! Профессор Тиболла рассмотрел его как следует, а когда прислушался, то ему показалось, будто он слышит какой-то негромкий звук. Неужели Катерино храпит?

Профессор Тиболла распахнул окно и как был, в одной пижаме, не страшась простуды, закричал на всю улицу:

– Тревога, тревога! Скорее сюда!...

Сразу же захлопали окна и двери, проснулись все соседи. В ночных рубашках и пижамах люди выбежали на балконы, а самые сердитые, едва только поняли, в чем дело, поспешили на улицу и стали громко возмущаться под окнами профессора Корти. Профессор Исидоро и синьора Луиза тоже

испуганно выглянули в окно и спросили:

– Что случилось? Землетрясение?

– Какое там землетрясение! – рассердился профессор Тиболла, который кричал особенно громко и создавал больше шума, чем пожарная сирена. – Землетрясение у вас в доме! Вы спите на динамите, уважаемый профессор!

– Вообще-то меня действительно интересует только античная история, – стал оправдываться профессор Исидоро, – но всем известно, что в древние времена динамит еще не был изобретен.

– Мы мирные люди, – робко добавила синьора Луиза. – Никому не мешаем. И я просто не понимаю, из-за чего весь этот шум. Правда, наш сын вчера разбил мячом стекло, но мы уже сказали, что готовы возместить ущерб.

– Вы лучше посмотрите, что делается у вас в гостиной! – сурово потребовал профессор Тиболла.

Синьор Исидоро и синьора Луиза в недоумении посмотрели друг на друга, решили, что, пожалуй, не остается ничего иного, как последовать этому совету, и, шлепая домашними туфлями, направились в гостиную.

В это время Катерино продолжал спать. На его металлическом лице блуждала счастливая улыбка, которая словно солнце освещала все его болты. Катерино спал и блаженно храпел. Храпел со свистом и мелодичным жужжанием. Звук эти чередовались подобно звукам скрипки и рояля в какой-нибудь прекрасной сонате Бетховена. Свист словно за-

давал вопрос, а жужжание как бы отвечало ему. Оно явно возражало против чего-то, и тогда свист становился еще шаловливее, точно маленький внук, убегающий от бабушки, который хочет наказать его. Профессор Корти и его жена пришли в такой ужас, как будто еще никогда никто в мире не издавал носом подобных звуков.

– Катерино! – вскричала синьора Луиза со слезами в голосе.

– Катерино! – вскричал в тысячу раз более строго профессор Исидоро.

С другой стороны улицы профессор Тиболла безапелляционно заявил:

– Тут нужен молоток, уважаемый коллега! Возьмите молоток и стукните его по голове. И я еще не уверен, что он при этом проснется. Не исключено, что понадобится хороший электрический разряд.

Профессор Исидоро отыскал на кухне молоток и собрался привести в исполнение совет своего коллеги и соседа.

– Осторожно, не сломай его! – попросила, синьора Луиза. – Ты ведь знаешь, во сколько он обошелся нам, к тому же за него еще нужно уплатить последний взнос.

На улицах, на балконах, во всем квартале люди стояли, затаив дыхание. В ночной тишине удары молотка профессора Корти по голове Катерино прозвучали подобно ударам судьбы, которая стучится в дверь, – «тук-тук-тук!»

Катерино сладко зевнул, вытянул руки и с удовольствием

потянулся. Всеобщее «ох!» раздалось на всех наблюдательных пунктах. Катерино вскочил и сразу же понял, что полгорода, не считая профессора Корти, походившего на статую, олицетворяющую негодование, присутствовало при его пробуждении.

– Я спал? – спросил он.

Ужас! Просто кошмар!! И он еще спрашивает об этом, бессовестный!

Тут все услышали полицейскую сирену. Полиция, которую вызвала одна перепуганная старая дева из дома напротив, спешила, чтобы внести свой вклад в решение проблемы. Вклад этот был очень простым. Катерино арестовали, надели на него наручники, погрузили в фургон и отвезли в суд, куда срочно вызвали судью, который должен был разобраться в этом странном и необъяснимом случае. Судья, весьма благообразный старичок, тут же осудил Катерино на пятнадцать суток и посоветовал полиции поменьше распространяться о случившемся. Так или иначе, газеты ничего не сообщили об этой истории. Но, как читатель уже легко догадался, в толпе, которая присутствовала при пробуждении Катерино, было немало и домашних роботов. И прежде всего там был робот профессора Тиболлы – Терезио. Не вмешиваясь в разговор своего хозяина с профессором Корти, он наблюдал за всем происходящим из окна кухни и не упустил ни одной детали. Были там и роботы из соседних домов. Им не так хорошо было видно, как Терезио, но тот был настолько лю-

безен, что на следующий день, в четверг, когда домашние роботы, имея право работать только полдня, прогуливались, как обычно, в парке, подробно информировал их обо всем, что видел.

– Могу заверить вас, многоуважаемые коллеги, что Катерино СПАЛ точно так же, как это делают люди. Больше того – и не сочтите это за преувеличение, – его манера спать отличалась совершенно особым изяществом. К тому же, это ведь был электронный сон. Он храпел, это верно, но лучше было бы придумать какое-нибудь другое, более красивое и музыкальное слово для определения того звука, который он издавал во сне. Так или иначе, это была электронная музыка!

Роботы – и мужчины, и женщины – с волнением слушали рассказ Терезио. В их железных головах, начиненных сложнейшими электромагнитными устройствами, транзисторами, предохранителями, проводами и болтами, уже пронеслась и загудела, словно под напряжением в три тысячи вольт, мысль о том, что, если сумел уснуть Катерино, значит, они тоже могут спать. Нужно только понять, каким образом это делается. Пока что это было секретом Катерино, а его окружали стены тюрьмы и молчание газет. Подождать, пока Катерино выйдет из-под ареста, и попросить поделиться опытом? Нет, это было бы недостойно роботов с электронным мозгом.

Выход из положения нашел Терезио. Он знал, какая тесная дружба связывает Катерино с детьми профессора Кор-

ти. Маленький Роландо, когда умело расспросили его и угостили жевательной резинкой, охотно сообщил, что Катерино, по-видимому, научился заставлять овец прыгать через изгородь. В ту же ночь Терезио тоже провел эксперимент, и весьма успешно. Потому что всегда ведь так бывает – самые большие трудности выпадают на долю первооткрывателя, и те, кто следует за ним, идут уже по проторенной дороге.

А на третью ночь весь город был разбужен какой-то неслышанной музыкой – тысячи роботов, расположившись в креслах, устроившись на кухонных столах, на балконах среди горшков с геранью, на коврах в гостиных, спали и при этом блаженно храпели. Это была революция. В полиции, у пожарных, в муниципалитете телефон звонил не умолкая. Но ведь невозможно арестовать всех роботов в Риме! Не было даже такой большой тюрьмы, которая могла бы вместить их всех!

И тот же судья, который осудил Катерино, теперь заявил, выступая по телевидению, что «совершенно необходимо прийти к соглашению».

Действительно, не оставалось ничего другого, как договориться с роботами и признать их право спать по ночам. Иначе пришлось бы организовать специальную службу для ночного надзора за ними, понадобились бы тысячи стражников с молотками, которые должны были бы следить, чтобы роботы не засыпали. А кроме того, смогут ли уснуть под грохот стольких молотков сами горожане?

Городу пришлось пойти на уступки. И вслед за Римом на это пошли Милан, Турин, Цюрих, Марсель, Лондон и Тумбукту. Даже в Тумбукту, в сердце Черной Африки, долетела к домашним электронным роботам великая новость о том, что роботы тоже могут спать.

В тот день, когда Катерино вышел из тюрьмы, его радостно встретили десять или, быть может, пятнадцать тысяч коллег обоего пола.

Не будем описывать их аплодисменты и приветствия. Самое время сообщить, что робот Виллибальдо, принадлежавший дирижеру оркестра работников трамвайного парка, даже специально написал по этому случаю гимн, который был исполнен хором из ста семнадцати роботов с золотыми болтами. В гимне говорилось:

Пусть живет наш Катерино
Без поломок и починок
Целый век, целый век!
Он – великий человек!

Распевая гимн, роботы прошли по улицам Рима, и надо сказать, что славные римляне, забыв, как сердились недавно, наградили их аплодисментами.

Ведь единственное, что никогда никого не удивляет в Риме, это желание поспать. Римляне любят спать ночью, любят поспать утром, охотно спят и днем, проводя в объятиях Морфея трудные для пищеварения часы. Один остроумный

ученый, изучив и проанализировав факты, которые мы сообщили здесь, изложил свои выводы в книге, насчитывающей 2400 страниц, со множеством цветных иллюстраций, и заключительный абзац этого фундаментального научного труда выглядел так: «Только в Риме могло возникнуть у электронного робота желание спать, ибо ни в каком другом городе на нашей планете нет для этого более благоприятных условий».

Принц Пломбир

Синьор Мольтени (третий этаж, квартира 12) был крайне обеспокоен. Он купил в рассрочку отличный холодильник марки «Двойной полюс», но вот уже два месяца не мог уплатить очередной взнос. А тут вдруг позвонили из магазина и говорят: «Или вы немедленно уплатите, или мы забираем холодильник!» А у синьора Мольтени нет ни денег, ни богатых друзей. Что делать?

В то утро он с тоской посмотрел на холодильник, ласково погладил его и поговорил с ним, как с человеком: «Дорогой мой, боюсь, что нам придется расстаться, а без тебя дом станет для меня пустыней!» Холодильник хранил ледяное молчание, но синьор Мольтени все равно понял, что он хотел сказать, и согласился с ним: «Да, я знаю, ты должен делать холод, а не деньги!»

В это же утро синьора Сандрелли (четвертый этаж, квартира 15) открыла свой холодильник – простенький «Пингвин», чтобы взять бутылку молока, и вдруг обнаружила, что он битком набит малюсенькими человечками, а один из них даже сидит на яйце.

Человечки были в серебряных комбинезонах и в прозрачных скафандрах, сквозь которые виднелись их личики цвета сливочного масла и сиреневые волосы. Человечки спокойно посмотрели на синьору Сандрелли своими глазами цвета зе-

леного горошка и даже не шелохнулись. Только тот, что сидел на яйце, помахал ей ручкой, как бы говоря: «Чао, чао!»

– О господи, марсиане! – вскричала синьора Сандрелли. – Вот уж не думала, что они такие крохотные! Эй, что вы там делаете в моем холодильнике? А ты давай слезай с яйца, еще разобьешь его!

Человечек, однако, не послушался. Тогда синьора Сандрелли, особа весьма энергичная, взяла его двумя пальцами и поставила на банку сардин.

– Марсианин ты или нет, а только заруби себе на носу – здесь команду я!

– Закройте дверцу, а то сюда входит горячий воздух! – услышала она строгий и властный голос.

– Что, что?

– Мы прилетели с планеты, которая вся покрыта льдом, и еще не привыкли к вашей температуре. Пожалуйста, закройте дверцу, как вам уже было приказано.

– Хотела бы я знать, – воскликнула синьора Сандрелли в совершеннейшем негодовании, – кто это смеет мне приказывать! А кроме того, как вы попали в мой дом?

– Через форточку в кухне. Вы ведь оставляете ее открытой на ночь, опасаясь случайной утечки газа.

– О, да вы, я вижу, неплохо осведомлены!

– Весьма неплохо. Мы многие месяцы изучали ваши нравы и обычаи, а также ваш язык, прежде чем начать оккупацию. Закройте дверцу!

– А почему надо было начинать оккупацию именно с моего холодильника?

– Это уж вас не касается. К тому же мы захватили все холодильники в этом доме. Так что закройте дверцу и оставьте нас в покое!

– И не подумаю закрывать! Вернее, закрою, но выключу холодильник, понимаете? Я вам покажу оккупацию!

Один из человечков указал пальцем – так во всяком случае рассказывала потом синьора Сандрелли – на стул и предложил:

– Ну-ка, взгляните!

Белый крашенный стул вдруг сделался красным и тут же сторел без всякого дыма. От него осталась только кучка пепла. На все это понадобилось ровно столько времени, сколько нужно, чтобы сосчитать до десяти.

– Выключите ток – сождем весь дом.

Синьора Сандрелли с силой захлопнула дверцу холодильника и позвала привратницу:

– Синьора Анна, вы знаете, что происходит?

– Что, синьора Сандрелли? Батареи холодные?

– Дело в том, что...

И синьора Сандрелли обо всем рассказала привратнице. Та – всем жильцам. Спустя несколько минут на всех этажах – с первого по пятый – во всех квартирах происходило одно и то же: открывались и тут же захлопывались дверцы холодильников – где с удивлением, где со страхом, и повсюду с

изумленными и взволнованными возгласами.

Синьор Мольтени тоже бросился к своему «Двойному полюсу» и в молчаливой толпе космических пришельцев в серебристых костюмах сразу же заметил человечка, который выделялся своим высоким ростом и прекрасным золотым комбинезоном.

– Так вы, наверное, самый главный? – полюбопытствовал синьор Мольтени, останавливая свою младшую дочь, которая уже протянула руки, чтобы завладеть этими великолепными игрушками.

– Я принц Пломбир, – ответил золотой комбинезон. – На нашем языке мое имя звучит, разумеется, иначе. Но для вас сойдет и это. Кроме того, ко мне следует обращаться – ваше высочество.

– Конечно, ваше высочество, – согласился синьор Мольтени. – А не может ли ваше высочество сказать, как долго вы собираетесь пробыть здесь?

– Это зависит от погоды, – ответил принц Пломбир. – Нам нужен свежий снег, чтобы заправить звездолеты. Как только выпадет снег, мы продолжим путешествие. Мы собирались приземлиться на Северном полюсе, но попали сюда.

– Значит, вы намерены обосноваться на Земле?

– На Северном полюсе, как я уже сказал. Вы ведь там все равно не живете. А нашей планете угрожает столкновение с кометой, которая может растопить лед. Поэтому нам пришлось искать убежище в этой части Млечного Пути. И я воз-

главляю наш передовой разведывательный отряд. Как только мы устроимся на Северном полюсе, мы дадим знать на нашу планету, и все остальные наши соотечественники тоже придут сюда.

– Интересно, сколько же вас, ваше высочество, если не секрет?

– Всего лишь полтора миллиарда. Мы займем очень мало места. Мы даже не думали сообщать вам о себе после прибытия на Северный полюс, но обстоятельства, как видите, изменились. А теперь, будьте любезны, закройте дверцу, потому что от такой жары у меня начинает болеть голова.

Синьор Мольтени повиновался, а затем бросился к окну. В февральском небе, голубом и прозрачном, солнце сияло со всей своей весенней силой. Синьор Мольтени с удовлетворением потер руки.

– Глупец! – рассердилась синьора Мольтени. – У тебя захватчики на кухне, а ты радуешься.

– Ты не понимаешь, – возразил синьор Мольтени, – ты просто не понимаешь, как нам повезло...

Но в ту минуту синьора Мольтени так и не смогла узнать, в чем же им повезло, потому что в квартиру позвонили.

Это был служащий фирмы «Двойной полюс».

– Синьор Мольтени, здравствуйте. Я пришел за холодильником. Или, быть может, вы все-таки уплатите очередной взнос?

– Ах, мне очень жаль, но у меня нет сейчас ни одной лиры.

– В таком случае...

– Разумеется, – сказал синьор Мольтени, – в таком случае вы должны будете... И так далее, и так далее. Только ничего этого вы сделать не сможете.

– Как это не смогу?

– Не думаю, чтобы его высочество позволило вам...

– Какое еще высочество? Что за глупые шутки, синьор Мольтени?

– Пройдите, пожалуйста, сюда, присядем тут, в кухне...

– Ну вот, это уже другой разговор!

– Да, только кончится он совсем не так, как вы думаете.

Вот ведь какая история!

Синьор Мольтени открыл холодильник и поспешил принести принцу Пломбиру свои извинения.

– Ваше высочество, простите, этот синьор...

– Я слышал, я все слышал. У нас своя система связи, дорогой Мольтени. Не беспокойтесь, в данный момент холодильник принадлежит мне. Так что его никто не тронет.

– Что за шутки? – возмутился, вытаращив глаза, служащий фирмы «Двойной полюс». – Что это еще за гномики? Послушайте, синьор Мольтени, я не знаю, что за фокус вы придумали, чтобы не платить, но должен вам сказать, что моя фирма еще никогда никому не позволяла обманывать себя, хотя уже многие пытались сделать это и находились люди похитрее вас. А вы, господа, извольте поискать себе другое пристанище, вот хотя бы в раковине. Моя фирма наме-

рена вступить во владение этим холодильником, и несколько жалких кукол не смогут помешать ей осуществить это намерение.

Услышав такое оскорбление, принц Пломбир и его подданные ужасно возмутились. Но голос его высочества звучал громче всех и очень повелительно.

– Синьор служащий, в наказание отправляйтесь под стол и засуньте руки в рот, так вы, по крайней мере, помолчите.

Это было и просто и необыкновенно – в ту же минуту служащий фирмы «Двойной полюс» засунул все десять пальцев в рот, забрался под стол и повернулся лицом к стене. Видно было только, как вздрагивают от рыданий его плечи. Семья Мольтени дружно заплодировала.

– Ваше высочество, как вам это удалось?

– Пустяковая шутка. Мы хорошо изучили ваш мозг и знаем, как заставить вас повиноваться. Пожалуйста, закройте дверцу. До свидания.

– До свидания, ваше высочество! Всегда к вашим услугам!

Теперь уже синьоре Мольтени не надо было ничего объяснять. Теперь она бросилась к окну.

– Как было бы хорошо, если б такая погода продержалась подольше! – воскликнула она.

И погода действительно долгое время стояла отличная – солнце без устали сияло на голубом, безоблачном небе. Между тем известие о том, что космические пришельцы захватили холодильники, обошло все газеты. Люди с интере-

сом пожирали бесконечные статьи, в которых подробно излагались беседы plombиров – так стали называть захватчиков – с земными учеными, съехавшимися со всех концов планеты. Но больше всего людей, как обычно, интересовали разные «подробности. Они хотели знать, что ел на завтрак принц Пломбир (скромное блюдо из подсахаренного льда), они записывали рецепты, которые синьора Сандрелли получала у своих гостей (рецепты разных сортов мороженого, разумеется, одно лучше другого), и переживали за синьора Мольтени, на которого фирма „Двойной полюс“ подала в суд. Так что возле дома на улице Макмагон с утра до вечера в ожидании новостей стояла толпа.

– Принц Пломбир получил еще сорок предложений руки и сердца...

– Говорят, дочка привратницы тоже влюбилась в него...

– У plombиров, что живут на втором этаже, в четвертой квартире, аллергия от сливочного масла...

Когда принц Пломбир согласился выступить с небольшим заявлением по телевидению, весь город с интересом прильнул к экранам, разглядывая его. А потом предложения руки и сердца уже тысячами посыпались со всех пяти континентов. Но принц Пломбир сообщил, что он уже обручен с девушкой, которая живет на его родине и которую зовут Лун-Лун, что означает «ледник в цвету».

Наконец небо затянули серые тучи, и метеорологические бюллетени сообщили, что ожидается снег. Пломбиры из-

влекли свои звездолеты из-под листьев салата, которыми прикрыли их на нижней полке холодильника, и стали готовиться к отлету.

Синьор Мольтени очень заволновался. В суде все складывалось не в его пользу. Скоро он опять окажется в трудном положении: или придется платить задолженность, или расставаться с холодильником. Однажды утром он выглянул в окно и увидел, что улицы и крыши домов укрыты снегом. «Все кончено! – решил он. – Пойду хоть первым сообщу эту новость его высочеству».

Но принц Пломбир уже знал, что выпал снег.

– Вижу, вижу, – сказал он. – У нас своя система наблюдения сквозь двери холодильников. Мы уже собрали снег на балконе, звездолеты готовы к старту.

– Итак, прощайте! – невольно вздохнул синьор Мольтени. А про себя добавил: «Прощай и мой холодильник!»

– Да нет, – улыбнулся принц Пломбир, словно прочитав его мысли. – Не надо с ним прощаться. Взгляните-ка на это!

«Это» был листок, на котором принц Пломбир собственноручно написал огромными буквами – можете себе представить, как это было трудно ему, такому крохотному, – следующее заявление: «Я считаю, мне очень повезло, что мне было оказано гостеприимство в одном из холодильников марки „Двойной полюс“. И я со всей ответственностью заявляю, что это лучший холодильник во всей Солнечной системе. Принц Пломбир».

– Вот увидите, – продолжал его высочество, – получив такую рекламу, фирма «Двойной полюс» не только не вспомнит о неуплаченных взносах, но и не потребует от вас новых. Можете считать, что холодильник ваш и вам не придется больше платить ни чентезимо!

Так и было. Вот почему синьор Мольтени, когда кто-нибудь из его друзей оказывается в затруднительном положении с деньгами, обычно утешает его так:

– Не унывай! Марсиане помогут!

РИМСКИЕ
ФАНТАЗИИ

Уйду к кошкам

У синьора Антонио, пенсионера, в прошлом начальника железнодорожной станции, была большая семья – сын, невестка, внук Антонио, которого звали просто Нино, и внучка Даниела. Но у него не было никого, кто бы уделял ему хотя бы немножечко внимания.

– Помню, – начинал он вспоминать, – когда я был заместителем начальника станции в Поджибонси...

– Папа, – перебивал его сын, – дай мне спокойно почитать газету. Меня очень интересует правительственный кризис в Венесуэле.

Синьор Антонио обращался к невестке и начинал все сначала:

– Помню, когда я был помощником начальника станции в Галларате...

– Папа, – прерывала его синьора невестка, – почему бы вам не прогуляться немного? Вы же видите, что я натираю пол «голубым воском, который дает больше блеска».

Не больше успеха имел он и у внука Нино. Тому надо было прочитать захватывающий рассказ в картинках «Сатана против дьявола», запрещенный детям до восемнадцати лет (а ему было шестнадцать). Синьор Антонио очень надеялся на внучку, которой позволял иногда надевать свою фуражку начальника станции, чтобы поиграть в железнодорожную ка-

тастрофу, в результате которой сорок семь человек погибло и сто двадцать бывало ранено. Но Даниела тоже была занята.

– Дедушка, – говорила она ему, – не мешай мне смотреть детскую передачу, она очень познавательна.

Даниеле было семь лет, но она очень любила учиться. Синьор Антонио вздохнул.

– Да, видно, в этом доме нечего делать пенсионерам, бывшим служащим государственной железной дороги! Вот я обижусь когда-нибудь и уйду. Даю слово. Уйду к кошкам.

И действительно однажды утром он вышел из дома, сказав, что идет играть в лото, а сам направился на площадь Арджентина, где среди руин античного Рима нашли себе прибежище тысячи кошек. Он спустился по лестнице, перешагнул через железную перекладину, которая отделяет царство кошек от царства автомобилей, и превратился в кота. И сразу же стал облизывать свои лапы, чтобы не занести в эту новую жизнь пыль с человеческой обуви. Тут подошла какая-то довольно облезлая кошка и принялась внимательно разглядывать его. Разглядывала, разглядывала и наконец сказала:

– Извини, но ты не был прежде синьором Антонио?

– Не хочу даже вспоминать о нем! Он подал в отставку.

– Значит, мне показалось. Знаешь, а я была той учительницей-пенсионеркой, которая жила в доме напротив. Ты, конечно, видел меня. Или, быть может, мою сестру.

– Да, я видел вас. Вы всегда ссорились из-за канареек.

– Верно! Но мне так надоело ссориться, что я решила уйти

к кошкам.

Синьор Антонио очень удивился. Он думал, что только ему одному пришла в голову такая хорошая мысль. И вдруг оказалось, что среди всех этих кошек, живущих на площади Арджентина, только половина – настоящие кошки, то есть такие, чьи родители были настоящими котами и кошками. А остальные – это все люди, которые расхотели быть людьми и превратились в котов и кошек. Был тут мусорщик, сбежавший из приюта для престарелых, были одинокие синьоры, которые не ужились со своими служанками, был тут даже судья – еще довольно молодой человек, женатый, имеющий детей, машину, четырехкомнатную квартиру с двумя ванными, и никто не понимал, почему он пришел к кошкам. Однако он не важничал, и когда «кошкины мамы» приносили кульки с рыбьими головами, колбасной кожурой, сырными корочками, макаронами, косточками и куриными потрохами, он брал свою долю и удалялся на самую высокую ступеньку какого-нибудь античного храма.

Кошки-кошки не ревновали к кошкам-людям. Они держались с ними совершенно на равных, без всякого высокомерия. Друг другу, однако, они нередко говорили:

– А вот нам бы и в голову не пришло стать людьми – при теперешних-то ценах на ветчину!

– У нас тут очень славная компания, – сказала синьору Антонио кошка-учительница. – А сегодня вечером у нас лекция по астрономии. Придешь?

– Конечно. Ведь астрономия – моя страсть. Помню, когда я был начальником станции в Кастильон дель Лаго, то установил на балконе телескоп с двухсоткратным увеличением и по ночам рассматривал кольца Сатурна, спутники Юпитера, которые выстроились в ряд, словно косточки на счетах, и туманность Андромеды, похожую на запятую.

Послушать его рассказ собралось много кошек. В их компании еще никогда не было бывшего начальника станции. А они так много хотели разузнать о железной дороге. Спрашивали, например, почему в туалетах вагонов второго класса никогда нет мыла и так далее. Когда же стемнело и на небе стали хорошо видны звезды, кошка-учительница начала свою лекцию.

– Вот, – оказала она, – посмотрите сюда. Это созвездие называется Большая Медведица. А это – Малая Медведица. Повернитесь, как я, и посмотрите направо от башни Арджентина. Это Змееносец.

– Ну прямо зоопарк, – заметил кот-мусорщик.

– Кроме того, тут есть Козерог, Овен и Баран, а также Скорпион.

– Даже? – изумился кто-то.

– А вон там созвездие Пса.

– Черт возьми! – заволновались кошки-кошки. Больше всех возмущался Рыжий Разбойник, которого так прозвали потому, что он, хоть и был совершенно белый, отличался очень воинственным нравом. Это он-то и спросил вдруг:

– А созвездие Кота есть?

– Нет, – ответила учительница.

– И звезды нет, хотя бы самой маленькой, которая называлась бы Кошка?

– Нет.

– Выходит, – возмутился Рыжий Разбойник, – дают звезды собакам и свиньям, а нам нет? Хорошенькая история!

Раздалось возмущенное мяуканье. Кошка-учительница повысила голос, чтобы оправдать астрономов: они знают, что делают, у каждого своя профессия, и если они решили, что не надо называть Котом даже астероид, значит, у них есть на то свои основания.

– Основания, которые не стоят и мышинного хвоста! – отрезал Рыжий Разбойник. – Послушаем, что скажет об этом судья.

Кот-судья объяснил, что ушел в отставку как раз для того, чтобы больше никого и ни о чем не судить. Но в данном случае он сделает исключение:

– Мое мнение таково: астрономы – негодяи!

Раздались оглушительные аплодисменты. Кошка-учительница выразила сожаление, что защищала их, и пообещала пересмотреть свои взгляды на жизнь. Собрание решило организовать демонстрацию протеста. Специальные послания были немедленно отправлены с курьером всему кошачьему населению Рима – и в форумы, и в мясные лавки, и в больницу Сан-Камилло, где под каждым окном сидит по ко-

ту в ожидании, не выбросят ли им больные свой ужин, если он окажется невкусным.

Послания полетели также котам в Трастевере, бродячим кошкам римских пригородов, а также котам среднего сословия, на случай если они пожелают присоединиться, забыв на время свое изысканное меню, пуховую подушечку и бантик на шее. Встречу назначили в полночь в Колизее.

– Великолепно! – оказал кот-синьор Антонио. – Я был в Колизее туристом и просто посетителем, но котом еще никогда не был. Это будет для меня новый волнующий опыт.

На следующее утро посмотреть Колизей явились американцы – пешком и в машинах, немцы – в автобусах и старинных фаэтонах, шведы – с кожаными мешками через плечо, жители Абруцци – с тещами, миланцы – с японской кинокамерой. Но никто ничего не смог увидеть, потому что Колизей был оккупирован котами. Заняты все входы и выходы, арена, лестницы, колоннады и арки. Почти не видно было древних камней – повсюду только кошки и кошки, тысячи кошек. По сигналу Рыжего Разбойника появился транспарант (работы учительницы и синьора Антонио), на котором было написано: «Колизей захвачен! Хотим звезду Кот!»

Туристы, путешественники и прохожие, которые, остановившись, забыли, что им надо следовать дальше, с восторгом зааплодировали. Поэт Альфонсо Кот произнес речь. Не все поняли, что он хотел сказать, но один только вид его убедил всех, что если поэт может быть Котом, то уж звезда и по-

давно. Начался большой праздник. Из Колизея отправились коты-посланцы в Париж, Лондон, Нью-Йорк, Пекин, Монтепорцио Катоне. Агитацию решено было проводить в международном масштабе. Предусмотрено было захватить Эйфелеву башню, Биг-Бен, Эмпайр Стейт Билдинг, площадь Небесного Согласия, табачную лавку «Латини» – словом, все самые известные места. Коты и кошки всей планеты обратятся к астрономам со своим призывом на всех языках. И в один прекрасный день, вернее, ночь, созвездие Кот засияет собственным светом.

В ожидании новостей римские коты и кошки разошлись по своим «домам». Синьор Антонио и кошка-учительница тоже поспешили на площадь Арджентина, строя по пути новые планы захвата.

– Как было бы хорошо, – мечтал он, – если бы вокруг купола святого Петра стояли кошки с поднятыми вверх хвостами!

– А что бы ты сказал, – спросила учительница, – если бы я предложила занять Олимпийский стадион в тот день, когда там будут играть футбольные команды Рима и Лацио?

Синьор Антонио хотел было сказать: «Потрясающе!» – с восклицательным знаком, но не успел произнести и полслова, потому что услышал вдруг, как его зовут.

– Дедушка! Дедушка!

Кто это? Даниела! Она вышла из школы и узнала дедушку. Синьор Антонио уже приобрел некоторый кошачий опыт и

притворился, будто не слышит. Но Даниела настаивала:

– Ну что же ты, дедушка! Зачем ты ушел к кошкам? Я уже столько дней ищу тебя повсюду – на суше и на море. Сейчас же возвращайся домой!

– Какая славная девочка! – заметила кошка-учительница. – В каком она классе? Наверное, у нее прекрасный почерк? И она хорошо моет руки? И, уж конечно, она не из тех детей, которые пишут на дверях туалета: «Долой учительницу!»?

– Нет, она большая умница, – сказал синьор Антонио, немного разволновавшись. – Пойду провожу ее. Посмотрю, чтобы не переходила улицу на красный свет.

– Все понятно! – вздохнула кошка-учительница. – Ну что ж, а я пойду посмотрю, как поживает моя сестра. Может быть, у нее начался деформирующий артрит, и она не может сама надеть туфли.

– Ну, дедуля, пошли! – приказала Даниела.

Люди, слышавшие это, не удивились. Они подумали, что так зовут кога. Что ж тут особенного, ведь есть же коты, которых зовут Бартоломео и Джерундио, что означает деэпричастие. Придя домой, кот-синьор Антонио сразу же забрался в любимое кресло и пошевелил ухом в знак приветствия.

– Видели? – спросила Даниела, очень довольная. – Это же сам дедушка!

– Верно! – подтвердил Ниво. – Дедушка тоже умел двигать ушами.

– Ладно, ладно, – сказали несколько смущенные родители. – Ну а теперь за стол!

Но лучшие, самые вкусные куски передавали коту-дедушке. Его угощали мясом, сгущенным молоком, печеньем. Его ласкали и целовали. Слушали, как он мурлычет. Просили дать лапку. Чесали за ушком. Сажали на вышитую подушку. Устроили для него туалет с опилками.

После обеда дедушка вышел на балкон. В доме напротив он увидел кошку-учительницу, которая поглядывала на канареек.

– Ну как? – спросил он ее.

– Великолепно! – ответила она. – Сестра обращается со мной лучше, чем с папой римским.

– А ты призналась, кто ты?

– Ну что я – дурочка! Узнает, так еще упрячет в сумасшедший дом. Она дала мне одеяло нашей бедной мамы, на которое прежде даже смотреть не позволяла.

– А я и не знаю, как быть, – признался кот-синьор Антонио. – Даниела хотела бы, чтобы я снова стал дедушкой. Все они очень любят меня.

– Ну и глупец! Открыл Америку и бросаешь ее. Смотри, пожалеешь!

– Прямо не знаю, – повторил он, – как быть. Готов сдать. Так хочется закурить...

– Однако как же ты думаешь снова превратиться из кота в дедушку?

– О, это проще простого! – сказал синьор Антонио.

И действительно, он пошел на площадь Арджентина, переступил железную перекладину в обратном направлении, и на месте кота тут же появился пожилой синьор, закуривающий сигарету. Он вернулся домой в некотором волнении. Даниела, увидев его, запрыгала от радости. На балконе дома напротив кошка-учительница приоткрыла один глаз в знак доброго пожелания, но про себя проворчала: «Ну и глупец!»

Рядом с ней на балконе стояла ее сестра. Она с нежностью смотрела на кошку и думала: «Не надо слишком привязываться к ней, ведь если она умрет, я буду очень страдать, и у меня начнется аритмия».

А потом настал час, когда кошки, живущие на форумах, проснулись и пошли ловить мышей, а кошки с площади Арджентина собрались в ожидании тех добрых женщин, которые приносят им кулечки с лакомством. Коты и кошки, живущие в больнице Сан-Камилло, расположились на клумбах и аллеях, надеясь, что ужин будет невкусным и больные тайком выбросят его за окно. И все эти бродячие коты, которые прежде были людьми, вспоминали, как они когда-то водили автопоезда, работали за токарным станком, печатали на пишущей машинке, были молодыми и влюблялись в красивых девушек.

Все началось с крокодила

Вчера, 23 марта, в 10 часов утра – я был дома один – у входа зазвонил колокольчик. Я открыл дверь и увидел перед собой крокодила.

Беглого взгляда было достаточно, чтобы заметить, что поверх обычной пластинчатой кольчуги на пресмыкающемся надет коричневый костюм. Его дополняли белая рубашка в узкую голубую полосочку, черные ботинки, зеленый галстук, темная, недурного фасона шляпа и большие очки в роговой оправе.

Других подробностей так, с ходу мне разглядеть не удалось. Не столько потому, что я был ослеплен этим невероятным галстуком, сколько потому, что мои руки сами собой тут же захлопнули дверь и накинули цепочку.

Как журналист я привык встречаться с самыми разными людьми, но впервые ко мне явился, и к тому же без всякого предупреждения, крокодил.

«Куда только смотрит привратница! – рассердился я. – Мало того, что она позволяет разносчику из булочной пользоваться лифтом, хотя это строжайше и категорически запрещено всеми жильцами, мало того, что целые дни только и делает, что считает, кто сколько раз из соседей чихнул, теперь она еще пропускает в дом животных из зоопарка!»

– Синьор! – раздался между тем из-за двери вполне че-

ловеческий голос. – Синьор, выслушайте меня! Отбросьте предрассудки и не судите по одежде.

– Я принимаю только тех, с кем заранее уславливаюсь о встрече, – твердо заявил я.

– Конечно, конечно. Но вы так нужны мне!

– Могу себе представить. И все же я бы посоветовал вам выбрать на завтрак какого-нибудь другого жильца. Я слишком тощ, вешу всего пятьдесят семь килограммов, в одежде. А кроме того, имейте в виду, что моя жена очень дорожит нашим персидским ковром. Если вы съедите меня, а затем начнете проливать, как обычно, свои крокодиловы слезы и намочите ковер, вы думаете, моя жена простит вам это?

– Синьор! Впустите меня! Я все объясню! За мною гонятся!

– Еще бы! Уверен, что служители зоопарка сейчас схватят вас и посадят в бассейн.

– Уверяю вас, я не имею никакого отношения к зоопарку! Впрочем, вы и сами должны были бы понять это. Разве вы видели когда-нибудь говорящего крокодила?

– Гм... Нет, – вынужден был согласиться я.

– То-то! – продолжал крокодил. – Так что успокоились?

– При закрытой двери и с заряженным револьвером я всегда чувствую себя совершенно спокойно.

Револьвер, по правде говоря, лежал в ящике письменного стола, но мой визитер ведь не мог узнать, что я обманываю его.

– Прошу вас, откройте! Мне грозит смертельная опасность!

В его голосе прозвучала такая мольба, что я заколебался.

– Подождите минуту, – сказали.

– О, ради бога, скорее!

Я бросился к столу, схватил револьвер, убедился, что он заряжен, и вернулся к двери.

– Откройте, а то будет поздно!

– А по мне так наоборот – никогда не будет рано, – сердито возразил я, снимая цепочку.

Крокодил влетел в квартиру и остановился, тяжело переводя дыхание. Я заметил, что у него была с собой большая кожаная сумка, а когда я увидел, что из кармана пиджака выглядывает фиолетовый платок, то чуть сознания не лишился от такой безвкусицы.

– Спасибо, – поблагодарил крокодил, падая на диван и вытирая пот своим ужасным платком. – Клянусь, вы не пожалеете, что помогли мне. Наша компания очень сильна и никогда не забывает оказанные ей услуги.

– Так вы не один? – невольно содрогнулся я. – Уж не хотите ли вы сказать, что все нильские крокодилы явились в Италию с моим адресом в кармане?

– Я не с Нила, уважаемый синьор. Я прибыл с планеты Дзерба.

– Понимаю, понимаю. Вы, значит, своего рода космический крокодил.

– Конечно, вам это кажется очень странным. Ведь у вас тут крокодилы влачат жалкое, бессмысленное существование в реках или сидят всю жизнь в зоопарках, ни о чем не беспокоясь. На планете Дзерба, напротив, мы, крокодилы, за многие тысячелетия создали высочайшую цивилизацию.

– А люди?

– Подобных четвероногих у нас там нет. Планету населяем только мы.

– Рад за вас, – сухо произнес я. – Вижу, у вас там выпускают превосходные зеленые галстуки...

– Мы выпускаем их всех цветов, – заявил дзербианский крокодил. – Однако я, например, ношу только зеленые. Это цвет моей фирмы.

– А, так вы, значит, занимаетесь коммерцией?

– Я работаю в фирме «Дзѳру», которая выпускает знаменитый стиральный порошок для домашних стиральных машин. Наш девиз: «Где только „Дзѳру“ применяют, там о грязи забывают!» И на Землю я прилетел в специальную командировку, чтобы изучить возможности сбыта здесь нашей продукции. Командировка – разведка, понимаете? Нужно изучить местные товары, продукцию конкурирующих фирм, цены и так далее.

– Теперь я действительно начинаю кое-что понимать, – перебил я. – Очевидно, за вами охотятся представители наших земных фирм, выпускающих стиральные порошки. Наверное, хотят воспользоваться вашим, извините, видом и поса-

дить вас в зоопарк. Да, трудные настали времена, дорогой синьор, трудные! Тяжелая конкурентная борьба идет не на жизнь, а на смерть!

– Нет, нет, вы ошибаетесь. Подобной опасности, во всяком случае сейчас, еще нет. Я материализовался, прибыв с планеты Дзерба, всего каких-нибудь полчаса назад, на крыше этого дома. И вы первый землянин, с которым я вступил в контакт. По чистой случайности, должен признаться, не только по крайней необходимости. Опасность исходит для меня совсем с другой стороны – с планеты Морва, что значит мор.

Я вскочил с кресла так, словно сел на кнопку.

– Неужели еще одна планета, населенная крокодилами?

– К сожалению, нет, синьор. Морва населена чудовищными существами. Но самое ужасное, что морвиане тоже выпускают стиральный порошок. Причем он не идет ни в какое сравнение с нашим. Уж мне-то вы можете поверить – я ведь занимаюсь этим делом уже четверть века. И вся беда в том, что морвиане тоже, как говорится, положили глаз на вашу Землю.

– Должно быть, мы прославились во Вселенной как страшные грязнули и неряхи, – заметил я.

Дзербианец не поддержал мою шутку. Он пояснил, что несколько минут назад едва не попался в лапы двум морвианам.

– Если они схватят меня, я исчезну, и Земля, можно ска-

зять, пропадет.

– Для вашей фирмы, вы хотите сказать?

– Пропадет, пропадет, синьор. Вы, земляне, еще не знаете морвиан! По-плохому или по-хорошему они заставят вас покупать огромное количество их стирального порошка. Ваша экономика придет в упадок. Начнутся голод, нищета, войны и революции.

– Забавный вы, однако, тип! – прервал я его. – У нас отличные земные стиральные порошки, их вполне достаточно, и нам вовсе ни к чему, чтобы являлись сюда всякие дзербиданские крокодилы или морвианские... Кстати, а какие животные живут на Морве?

– Там живут...

Требовательный звон колокольчика украл у меня его ответ.

– Это они, – прошептал крокодил и в волнении вскочил с дивана. – Ради бога, спрячьте меня!

– Но это может быть почтальон или сантехник...

– Это они! Я узнаю их по запаху. Ради всего святого, спрячьте меня в какой-нибудь шкаф!

– У меня есть предложение получше. Раздевайтесь поскорее, и я посажу вас в ванну. Она как раз наполнена теплой водой, потому что я собирался принять ванну, как делаю это каждое утро. И я скажу, что вы мой личный крокодил. Сейчас многие держат дома крокодилов. Никакие законы не запрещают этого. Ну, давайте живее! Все равно другого выхо-

да нет!

Крокодил покраснел.

– Мне неудобно... Раздеваться перед незнакомым человеком...

– О господи, нашли время думать о таких пустяках!

Колокольчик между тем продолжал упорно звенеть. Я затолкнул дзербиянца в ванную и постарался притвориться заспанным. Затем открыл дверь и широко зевнул, будто только что проснулся:

– Что вам угодно?

На лестничной площадке стояли два индюка. Я сразу понял, что это именно индюки, несмотря на красные фраки, в которые они были одеты, и желтые цилиндры, которые они приподняли, приветствуя меня.

– Вы, судя по всему, привыкли встречаться с индюками? – не без лукавства спросил один из них.

– Я встречаюсь с ними обычно за праздничным столом в новогодний вечер, – ответил я, – при этом они всегда хорошо зажарены, окружены гарниром из картофеля, а в качестве приправы я предпочитаю кремонскую горчицу.

– Остроумно, – заметил морвианин, – но неправдоподобно! Впрочем, тот факт, что вы несколько не удивлены нашим появлением, все сразу упрощает. Совершенно ясно, что вы ждали нас и, значит, все знаете. Ясно также, что коммерческий разведчик фирмы «Дзиру» находится в вашем доме. Выдайте нам его. И без всяких фокусов. Имейте в виду – по-

пытаетесь помешать нам, будете иметь неприятности.

– Какие еще неприятности? – спросил я, притворяясь, будто подавляю зевок.

Морвианин номер два, не отвечая на мой вопрос, прошел в прихожую и принялся осматривать квартиру.

– Эй, послушайте! – возмутился я. – Кто дал вам право вторгаться в чужой дом? У вас есть ордер на обыск?

Морвианин номер один тоже вошел в квартиру, потянул два-три раза носом и решительно направился к ванной.

– Кто там? – спросил он, пытаясь открыть дверь, которую осторожный дзербианец закрыл изнутри.

– Там купается мой крокодил. К вам это не имеет никакого отношения.

– Ваш крокодил, не так ли? Прекрасно. А с каких это пор крокодилы, купаясь, запираются в ванной?

– Он всегда так делает. Он не любит, чтобы его беспокоили, когда моется. Это очень скромное, застенчивое существо.

Морвианин бросил на меня уничтожающий взгляд своим левым глазом. Затем ткнул клювом в дверь, и та рассыпалась в прах. Если уж быть точным до конца, от нее осталось не больше чайной ложечки дымящегося пепла.

– Час от часу не легче! – вскричал я. – Врываются в мой дом, сжигают двери... Да за такие дела полагается каторга!

Я бы, наверное, высказал еще множество других соображений, но тут меня сразило совершенно необыкновенное

зрелище – удобно устроившись в моей ванне, спокойно тер себе спину розовый слоненок, причем делал это щеткой с длинной ручкой, которую обычно употребляю для этой операции я. Слоненок радостно затрубил в знак приветствия, а затем окатил морвиан из хобота парой ведер мыльной воды.

– И это, по-вашему, крокодил? – спросил морвианин номер один, вытирая глаза цилиндром.

– Это слон, – пробормотал я, – но зовут его Крокодил. Его могли бы также звать Джумбо, Дум-Дум или Верчинджеторидже... А вам разве не все равно?

– Все равно заберем его, – сказал морвианин номер два. – Уж очень это все подозрительно!

– Не стоит, – сказал первый. – Нам некогда возиться тут со всякими слонами. Этот проклятый дзербьянец все-таки провел нас, но он не мог уйти далеко!

– А моя дверь? – возмутился я, следуя за ними к выходу. – Кто мне заплатит за дверь?

– Отправьте счет фирме «Дзиру», – ответил морвианин номер один.

За подобное взезное остроумие я готов был задушить его. Расставшись с индюками, я бросился в ванную. Зеркало отразило мое лицо – с открытым от удивления ртом оно выглядело на редкость идиотским. А розовый слоненок исчез.

Я вздрогнул, потому что снова зазвонил колокольчик.

– Что еще стряслось? – заорал я в совершеннейшем бешенстве. – Меня нет дома ни для крокодилов, ни для индю-

ков, ни для слонов, ни для носорогов!

И все же я пошел и открыл дверь. В квартиру влетел дзержбианский крокодил.

– Извините, – воскликнул он, – я забыл у вас свою сумку!

– Пойдите! – сказал я, придержав его за рукав. – Вы же должны были сидеть в ванне?

– Только этого еще не хватало! – ответил он, передернувшись. – Они поймали бы меня! Я вылез в окно и забрался на крышу.

– А розовый слоненок?

– Какой еще слоненок?

– Ну тот, что сидел в ванне вместо вас и что без разрешения воспользовался моей щеткой!

Крокодил упал на пол и забился в рыданиях.

– Это конец! – застонал он. – Я не посмею теперь вернуться домой!

– Простите, но в чем дело? Объясните наконец. Имею же я право знать, что происходит в моей ванне!

– Этот слон – агент с планеты Цокка, он работает на фирму «Песс». Если б вы только знали, какие это негодяи! Они выжидают, пока мы сделаем всю черновую работу, пока отыщем рынки сбыта, подготовим почву, а затем заявляются и продают свой стиральный порошок за полцены, подрывая все наши планы.

Крокодил безутешно рыдал. И вдруг я в ужасе заметил, что он льет свои слезы на персидский ковер, которым так

дорожит моя жена.

– Несчастный! Посмотрите, что вы наделали! Уходите, и чтоб чешуи вашей тут не было больше!

Он ушел, утирая слезы своим ужасным фиолетовым платком.

Когда он уже спускался по лестнице, я нагнал его и спросил, почему же морвианские индюки не узнали цоккианского слона.

– Да потому что он переоделся, разве не понимаете?

– Нет, совершенно ничего не понимаю!

– Цоккианцы – не слоны. Это леопарды! И только мне одному известны все их трюки. Да что толку! Прощайте, сеньор, прощайте.

Вот так-то. Потом было опубликовано много разных сообщений по этому поводу, но никто лучше меня не знает истинную причину наших несчастий. Все началось у меня дома, именно так, как я рассказал.

Остальное, к сожалению, уже всем известно. Морвиане, дзербвианцы и цоккианцы сговорились и поделили между собой нашу планету, так что теперь нашу старушку Землю и не узнать!

Дзербвианцы получили право на монопольную торговлю в Европе и Африке. Видите, во что они превратили Альпы? И следа не осталось от гор Монблан и Червино. Исчезла и Мармелада. И вместо горного хребта, высоких, укрытых ледниками вершин, вместо прекрасных долин на многие километ-

ры растянулась высеченная на остатках альпийского хребта гигантская надпись: «Где только „Дзиру“ применяют, там о грязи забывают!» Ночью, подсвеченная гигантскими прожекторами, она хорошо видна с Луны. Ничего не поделаешь – межпланетная реклама! Новинка для нашей Галактики.

Морвиане и дзербианцы то же самое сделали с континентами и океанами, которые достались их фирмам. Так что Земля вертится теперь в космическом пространстве простым рекламным шариком.

А звезды на небосводе располагаются ночью так, что образуют рекламу крупной фирмы «Дзер-Мо-Цок», которая была создана недавно предпринимателями трех прежде соперничавших планет. Сейчас эта фирма «выбросила» на Землю новую мастику для паркета. Навсегда изуродован прекрасный рисунок Большой Медведицы, расколоты и другие созвездия, разбит на куски Млечный Путь. И всего лишь маленькой деталькой в буквах «и» светятся звезды Арктур, Антарес и Сириус. По всему небосводу без конца повторяется теперь по вечерам все одна и та же назойливая реклама: «Мастика „Билибонц“ блестит, как сотня солнц!»

Мотти и пакетик

Портрет синьора Корнелиуса

Мотти был умным вором. Инспектор Джеронимо всегда говорил это своему помощнику Де Доминичису:

– Де Доминичис, знаете, что я вам скажу?

– Да, да, слушаю, инспектор.

– Этот Мотти не похож на других воров. У него есть воображение, вот что его отличает. Он изобрел больше трюков, чем Гульельмо Маркони ¹. Вот я и хотел бы знать, что он теперь задумал. Ведь уже больше года, как он не дает о себе знать – ни разу не попадался. А о Пакетике что-нибудь слышно?

– Нет, инспектор.

– Вот-вот. А ведь он всегда работает с Мотти. Это его тень.

– Интересно, почему Мотти, такой умный, связывается с этим Пакетиком, таким глупым?

– Чтобы голова отдыхала. Гению всегда нужен более или менее глупый помощник, чтобы он мог передохнуть, пока тот говорит или слушает. Ведь невозможно все время думать

¹ Знаменитый итальянский ученый и изобретатель

только о чересчур умных вещах.

В это время на другом конце города Мотти показывал Пакетикку свое новое изобретение. Разница в характерах и способностях отражалась в их именах. Мотти – это настоящее имя, а Пакетик – всего лишь прозвище. Воришка получил его однажды, когда, ограбив ювелирный магазин, вместо того чтобы сунуть добычу в карман и поскорее смыться, принялся упаковывать часы, кольца и драгоценные камни в пакетик и перевязывать его шелковой ленточкой. Так что полиция смогла сразу же без труда задержать его.

– Не пройдет и двух месяцев, как благодаря этой штуке мы станем богачами, – сказал Мотти, показывая какой-то аппарат.

– Но это, конечно, не фотоаппарат? – спросил Пакетик.

– А что же, по-твоему?

– Очень похоже, но я бы все-таки не стал утверждать, чтобы не ошибиться.

– Можешь утверждать, Пакетик, без всякого опасения. Это действительно фотоаппарат. И сейчас ты увидишь, как он работает. Встань вон там и подумай о чем-нибудь.

Пакетик послушно встал в позу и постарался подумать о чем-нибудь умном. К сожалению, на ум ему пришла только колбаса, которую он видел однажды в одном колбасном магазине и которая поразила его своей длиной.

Мотти щелкнул затвором, удалился ненадолго в темную комнату, вернулся со снимком и принялся изучать его с по-

мощью лупы.

– Наверное, я плохо вышел, – сказал Пакетик. – Интересно, почему у меня на снимках всегда такой глупый вид?

– Колбаса зато вышла очень хорошо, – сказал Мотти.

– Что? Мотти, не уверяй меня, что с помощью этой машины ты можешь фотографировать мысли!

– И все же дело обстоит именно так. Посмотри сам.

Пакетик взял лупу, присмотрелся и увидел колбасу. В его голове она тоже была такой длинной, что занимала весь мозг от уха до уха.

– Ты просто молодец, Мотти! Тебе хорошо заплатят, если ты запатентуешь эту штуку.

– Очнись, Пакетик! Есть другой способ заработать деньги, и побыстрее.

Система Мотти оказалась исключительно простой и продуктивной, как, впрочем, и все другие его изобретения. Дня через два в городе начались прямо-таки фантастические кражи. Один богатый человек, который никогда никому не доверял секрет своего сейфа, обнаружил, что тот пуст. И инспектор Джеронимо не нашел ни малейших следов взлома. А по ночам банки, казалось, сами открывались, чтобы пропустить воров. Один старый скупец, который прятал свои деньги на балконе в горшке с геранью и никогда ни одной душе не говорил об этом, чуть не сошел с ума от огорчения, когда горшок исчез.

– Это работа Мотти, – сказал инспектор Джеронимо, ко-

гда зафиксировали уже двадцатую кражу. – Пойдем-ка навестим его.

Пошли он и Де Доминичис. И обнаружили, что Мотти и Пакетик занялись честнейшим делом. Они стали фотографами. Пакетик снимал клиентов в ателье. Мотти ходил по городу и снимал на улицах.

– Новый год – новая жизнь! – улыбнулся Пакетик, с поклоном встречая гостей.

– Новый год? Но ведь у нас сейчас август!

– Никогда не поздно начать честную жизнь, – возразил Мотти, появляясь из темной комнаты с пленкой в руках.

Когда полицейские ушли, Мотти подмигнул Пакетику и показал ему свою новую жертву. Он незаметно снял синьора Корнелиуса, самого богатого человека в городе, и в его мыслях можно было легко, как в книге, прочитать, что тот собирается на следующий день уехать в Париж и взять с собой в черной кожаной сумке сто миллионов. Когда он уезжал, Мотти и Пакетик тоже были на вокзале, и сумка исчезла.

Сто миллионов это не сто орешков. Мотти и Пакетик разделили их по-братски, закрыли фотоателье и удалились от дел.

– Эти двое обвели меня, – проворчал инспектор Джеронимо, узнав об этом. – Нужны, однако, доказательства. Мотти так хитер, что, если мы арестуем его без улик, он может высмеять нас на суде. Давай сначала заглянем к Пакетику.

Пошли он и Де Доминичис. Пакетик жил в скромном до-

мике на окраине города. Он принял их в огороде, в домашней одежде, потому что окучивал клубнику.

– Мое почтение, инспектор, – радостно улыбнулся он, – приветствую вас, бригадир Де Доминичис. Не хотите ли пройти в дом?

А там инспектор Джеронимо увидел над комодом фотографию, вставленную в красивую серебряную рамку.

– Это мой дядя Густав, – объяснил Пакетик. – Очень хороший человек! Оставил мне небольшое наследство, поэтому я и бросил дело.

– Твой дядя Густав почему-то как две капли воды похож на синьора Корнелиуса, – заметил инспектор.

– Ну что вы! Они даже незнакомы. Корнелиус... Надо же! Ах, будь у меня его миллионы...

– Кто знает, – заметил инспектор Джеронимо. – Может статься, они именно у тебя.

Он снял портрет со стены и просто так, по привычке, словно его интересуют отпечатки пальцев, принялся рассматривать его с помощью лупы, с которой никогда не расставался. Ну и, разумеется, поскольку зрение у него было хорошее, он увидел то, что нужно было. Он увидел в голове синьора Корнелиуса мысль о черной сумке со ста миллионами и даже время отхода поезда.

– Вот, значит, что изобрел Мотти! – воскликнул он не без восхищения.

Пакетик побледнел и проклял про себя тот день, когда ре-

шил выразить признательность синьору Корнелиусу, повесив на стене его портрет – тот самый фотопортрет, который Мотти так советовал сжечь.

Мотти и Пакетик оказались в одной камере, что, впрочем, вполне справедливо. Пакетик поначалу со страхом ожидал упреков от своего руководителя. Но Мотти был истинным джентльменом – он никогда не опускался до грубых слов.

– Идея Мотти была гениальна, – комментировал позднее инспектор. – Ведь в самом деле большинство людей только и думает, что о своих деньгах, хотя можно думать о стольких других прекрасных вещах, Не так ли, Де Доминичис?

– Совершенно с вами согласен, инспектор.

Заколдованная пластинка

Пакетик был большим любителем современной эстрадной музыки. Он целые дни проводил в магазинах грампластинок и с увлечением слушал там разные песенки. Вечером он возвращался с горящими глазами, возбужденный, и ноги его танцевали сами собой даже в кровати.

– Сегодня слушал такую пластинку!... Чуть с ума не сошел! – рассказывал он Мотти.

– Вижу, – отвечал Мотти, отрываясь от рассказа в картинках, который он рассматривал, чтобы пополнить свое обра-

зование.

– Каким образом, Мотти, дорогой мой?

– Ты же знаешь, я хорошо разбираюсь в людях.

– И что же ты еще увидел, Мотти, в своем драгоценном Пакетике?

– Я заметил, что с некоторых пор ты очень часто употребляешь выражение «сойти с ума».

– Это опасно? Может быть, мне следует показаться кому-нибудь врачу или специалисту по грамматике?

– Думаю, что выражение «сходить с ума» принесет нам именно то, что нужно.

– Нужно, Мотти? Но ведь нам ничего не нужно. У тебя еще гора рассказов в картинках, а у меня – еще двести магазинов грампластинок, в которых надо побывать.

– Нужно что-то отложить и на старость, Пакетик. И нам придется самим позаботиться об этом, потому что правительство, к сожалению, пока еще не установило пенсию для воров.

– Я не умею думать, Мотти, ты ведь прекрасно знаешь это. Последний раз после того, как я думал, у меня две недели болела голова.

Мотти подумал, подумал, а потом недели две что-то делал. Ходил в какие-то лаборатории... Принес домой множество странных приборов... Он забросил рассказы в картинках и читал труды по электронике, от страха перед которыми у Пакетика мурашки пробегали по коже.

– Оставь ты все это, Мотти, – советовал он. – У меня голова кружится от одного вида этих книг.

Однажды вечером Мотти вернулся домой с квадратным конвертом.

– Постой, Мотти, – сказал Пакетик, – на этот раз я точно знаю, что ты купил. Пластинку!

– Я не покупал ее.

– Но это же пластинка. Как это мило с твоей стороны! Ты знаешь, что я обожаю музыку...

– Успокойся, Пакетик. Сядь и послушай.

– Хорошо, Мотти, сажусь и слушаю.

Он действительно приготовился слушать – сидел весь внимание. А через секунду он уже сходил с ума в диком, безудержном танце – вскакивал на стол, прыгал по стульям, размахивал как безумный руками, тряс головой и издавал такие вопли, что стекла дрожали.

– Что такое, Мотти? Что случилось? – удивился он, отирая пот со лба, когда музыка умолкла. – Почему не ставишь пластинку?

– Я поставил ее.

– Так что же, она беззвучная, что ли? Или это какая-нибудь шутка?

– Это заколдованная пластинка, Пакетик. Пластинка, которая сводит с ума. Ты танцевал все время, пока она звучала, но даже не помнишь этого.

– А ты? Ты тоже танцевал? Я не видел. Ты все время сидел

за столом, Мотти.

Мотти вынул из ушей два больших ватных тампона.

– У меня было вот это, – объяснил он.

– Ради бога, Мотти, объясни мне, что происходит? Что ты изобрел на этот раз?

– Пластинку, которая сводит с ума. В буквальном смысле, а не в переносном. Слишком долго было бы объяснять, как я это сделал, какие использовал акустические законы и так далее. Достаточно сказать, что эта пластинка действует на нервную систему. Тот, кто слушает ее, не может не танцевать. И пока танцует, так захвачен танцем, что ничего не замечает. А когда музыка умолкает, тут же обо всем забывает.

Пакетик подумал немного, рискуя вызвать головную боль.

– Не понимаю, – сказал он затем, – если я ничего не замечаю – какое же это развлечение?

Мотти объяснил ему, терпеливо и старательно подбирая самые простые и ясные слова, чтобы Пакетик не очень пострадал от них, в чем состоит развлечение. К концу объяснения Пакетик так широко открыл глаза, что даже не смог закрыть их, и в ту ночь ему пришлось спать и видеть сны с открытыми глазами.

Утром Мотти и Пакетик вместе вышли из дома.

Выбрали магазин грампластинок, где было особенно много народу.

Прежде чем войти, хорошенько заткнули себе уши ватой.

– Смотри, Пакетик, горе тебе, если вздумаешь вынуть ва-

ту. Забудь свою любовь к музыке. На повестке дня стоят более важные вопросы.

– Я скорее отрежу себе уши, чем выну вату, Мотти.

На этот раз Пакетик сдержал слово. Он устоял перед всеми соблазнами, не вынул вату и вел себя как настоящий, вполне сложившийся вор, каким он, в сущности, и был. Все прошло великолепно. Мотти попросил у продавца какую-то пластинку, прошел в кабину для прослушивания, поставил на проигрыватель заколдованную пластинку, которую принес с собой, и, не сомневаясь в успехе, распахнул дверь кабины...

Стоило музыке зазвучать на весь магазин, как начался конец света. Затанцевали даже продавцы и продавщицы – они прыгали по прилавкам, забирались на самые высокие шкафы и, словно обезьяны, цеплялись за люстры. Покупатели вели себя точно так же. Солидные мужчины, которые пришли в магазин, чтобы купить Девятую симфонию Бетховена в исполнении оркестра под управлением Тосканини, танцевали, как студенты-первокурсники на карнавале. Элегантные дамы средних лет, которые минуту назад еще колебались, не зная, что же выбрать – танго Бьянки или романс Тости, плясали, как девчонки в джинсах на концерте Битлзов. Все буквально сошли с ума.

Пакетик, вежливый и спокойный, ходил между танцующими и не упустил никого.

– Позвольте! Я только на минуту возьму ваш бумажник.

Благодарю, все в порядке. Можете продолжать танец, приятного развлечения! Синьора, будьте добры, вашу сумочку. Спасибо, вы очень любезны! Молодой человек, можно вас на минутку? Мне нужно осмотреть ваши карманы. Вот и все. Вы свободны! Танцуйте, танцуйте!

В три минуты он наполнил баул, который принес с собой, бумажниками, дамскими сумочками, кошельками и разной мелочью. Когда же ему показалось, что работа закончена, он подмигнул Мотти и вышел из магазина.

А Мотти спокойно дождался, пока пластинка доиграет до конца. Он сиял ее, положил в большой карман, который был у него на подкладке пальто, протиснулся сквозь толпу покупателей, которые уже вернулись в прежнее состояние и совершенно не помнили, что с ними только что было, вернул продавцу пластинку, сказал, что зайдет в другой раз, поблагодарил, попрощался и ушел, насвистывая веселую песенку.

Минуту спустя в магазине грампластинок снова начался конец света, только теперь уже совсем другого свойства. Синьор, который решил купить Девятую симфонию, обнаружил, что у него нет бумажника. То же самое произошло и со всеми остальными.

– Моя сумочка!

– Мои деньги!

– У меня все украли!

Кассирша упала в обморок – Пакетик не забыл прихватить и всю утреннюю выручку.

Комиссар Джеронимо, прибывший на место происшествия по вызову хозяина магазина, ничего не понимал. Карманник может украсть один бумажник, может украсть три. Но каким образом этот вор, который побывал тут, смог обчистить десятки и десятки карманов, да еще так, что этого никто не заметил?

– Знаете, мы слушали музыку... – попыталась объяснить одна синьора.

– И все были в невероятном экстазе, не так ли? – с иронией подхватил комиссар. – Ну-ка, Де Доминичис, соберите показания. Пока нам не остается ничего другого.

Бригадир Де Доминионе составил протокол допроса на двенадцати страницах. У него рука заболела – столько он писал. К великому огорчению, часа через три ему снова пришлось поработать шариковой ручкой – таинственный карманник побывал еще в одном магазине грампластинок.

А в это время Мотти и Пакетик в спокойной домашней обстановке составляли опись награбленного. Пакетик разложил на столе в строгом порядке тридцать семь бумажников, двадцать пять сумочек и разные другие емкости для денег: конверты, сложенные вдвое открытки и даже один завязанный узелком платочек.

– Находятся же еще люди, которые носят деньги в платочке! – недовольно проворчал он. – Это же просто оскорбление для фирм, которые выпускают кожгалантерею. Интересно...

– Что тебе интересно, мой славный Пакетик?

– Интересно, у кого я взял этот узелок? Там, во втором магазине, была одна старушка... Совсем седая старушка! Очень похожа – теперь я вспоминаю – на мою бедную маму. Может, она выбирала пластинку для внука, в подарок ко дню рождения. Ай-ай-ай...

– Что еще, Пакетик?

– А вдруг он болен?

– Кто?

– Этот мальчик. Тот, которому старушка хотела подарить пластинку. Представляешь, Мотти, а вдруг у него краснуха? И он должен лежать в постели, все время один – ведь детей к нему не пускают. Ты же знаешь, Мотти, что больных краснухой изолируют! Бедный малыш!

– Прости, но с чего ты взял, что он болен?

– Я чувствую это, Мотти. Мне говорит об этом какой-то голос... Мотти, дорогой, он болен! И его бабушка, совсем седая бабуленька, достала из комода свои сбережения, завязала их в узелок и пошла покупать пластинку, чтобы внуку было не так скучно... И вместо этого...

– Пакетик, ты хочешь, чтобы я прослезился?

– Нет, Мотти, не надо плакать. Я сам уже плачу, видишь... Не знаю, что со мной творится. Это все из-за платочка. Он напомнил мне мою бедную маму. Мотти, дорогой, а нельзя было бы хотя бы этот платочек...

– Что, Пакетик? Объясни же наконец толком, а то действуешь на нервы.

– Не сердись, Мотти. Я подумал, что хотя бы раз... Ну что нам стоит отказаться от этой горсти монет в узелке? Там и двух тысяч лир² не наберется...

– Ладно, Пакетик. Договорились. Завтра утром вернешься в магазин и сделаешь вид, будто нашел этот узелочек на полу.

– Ну, а как они узнают, что он принадлежит старушке? Ах, Мотти, Мотти, если б ты мог вернуть его ей. Ты такой умный, Мотти! Ты бы просто осчастливил меня.

Пакетик горестно рыдал, вспоминая свою бедную маму, платочек, старушку, краснуху...

Мотти пришлось довольно долго думать, чтобы найти способ осушить эти слезы.

– Пакетик, – сказал он, поразмыслив. – Что было в магазинах, после того как мы ушли?

– По-моему, Мотти, ничего особенного. Вызвали полицию, полиция опросила присутствующих и составила список ограбленных. Вот и все, Мотти, больше ничего, уверяю тебя.

– Значит, в полиции есть и адрес старушки.

– О господи, Мотти! Ну конечно!

– Так вот, если мы вернем только платочек, это вызовет подозрение, и старушка будет иметь неприятности.

– О нет, только не это, Мотти! Ни за что на свете!

– Тогда нужно вернуть все, Пакетик! И не только во второй, но и в первый магазин. Полиция совсем прекратит следствие, и старушку оставят в покое. Ты ведь знаешь этого

² Тысяча лир – примерно один рубль.

несчастливого комиссара Джеронимо – дай ему хоть какой-нибудь след, дай ему старушку, даже самую маленькую, и он доведет дело до конца. Ну как, решено?

– Решено, Мотти. Ты просто ангел!

На следующее утро владельцы обоих магазинов нашли возле дверей узлы с бумажниками, сумочками и тому подобным.

С помощью списков, составленных бригадиром Де Доминичисом, быстро отыскивали пострадавших и вернули им все, что было украдено. И старушке тоже вернули узелочек, хотя у нее не было никаких внуков – ни больных, ни здоровых, она просто любила музыку и экономила на ужине, чтобы купить пластинку с прелюдиями Шопена.

– Поистине загадочный случай, комиссар, – заявил Де Доминичис.

Комиссар Джеронимо не ответил. Он подумал, что никогда не угадаешь, что творится в душе человека, даже если этот человек вор, и закрыл дело.

Кукла на транзисторах

– Ну и что же? – спросил синьор Фульвио у синьоры Лизы, своей жены, и синьора Ремо, своего шурина. – Что же мы подарим Энрике на Новый год?

– Красивый барабан! – с готовностью предложил синьор Ремо.

– Что?

– Ну да, большой барабан. С палочками, чтобы бить в него! Вам! Бум! Вам! Бум!

– Ну что ты, Ремо! – удивилась синьора Лиза, которой он приходился братом. – Такой барабан занимает слишком много места. И потом, что скажет жена мясника?!

– Я уверен, – продолжал синьор Ремо, – что Энрике очень понравилась бы пепельница из цветной керамики в виде лошади, а вокруг нее много других маленьких пепельниц, тоже из цветной керамики, только в виде головки сыра качкавала.

– Энрика не курит, – строго заметил синьор Фульвио. – Ей всего семь лет.

– Ну тогда серебряный череп, – снова нашел выход из положения синьор Ремо. – Или медный ящичек для ящериц, а можно еще открывалку для черепак или пульверизатор для фасоли в виде зонтика...

– Ну, что ты, Ремо, – возразила синьора Лиза, – мы же серьезно говорим.

– Ладно. Буду серьезен. Два барабана. Один, настроенный на до, другой – на соль.

– Я знаю, – перебила его синьора Лиза, – что понравится Энрике! Хорошая электронная кукла на транзисторах, исполняющая множество команд. Знаете, из тех кукол, которые умеют ходить, говорить, петь, записывать телефонные разговоры, ловить стереофонические радиопередачи и ковырять в носу.

– Согласен! – заявил синьор Фульвио со всей категоричностью отца семейства.

– Ну, а мне все равно. Покупайте что хотите. Я пошел спать, – сказал синьор Ремо.

Прошло несколько дней, и наступил Новый год со множеством ярких игрушек, украшающих витрины всех магазинов, со множеством пепельниц в виде маленького флорентийского писца, выставленных повсюду, где только можно, и со множеством волынщиков – подлинных и поддельных, со снегом на альпийских вершинах и туманом в Поданской долине.

Новая кукла уже сидела под новогодней елкой и ждала Энрику. Дядя Ремо – это все тот же синьор Ремо, который синьору Фульвио приходится шурином, синьоре Лизе – братом, а для дворника просто счетовод, для продавца в газетном киоске – покупатель, для городского стражника – пешеход, а для Энрики – дядя (как же много разных людей может соединиться в одном человеке!), так вот, этот дядя Ремо

с насмешкой посмотрел на куклу. Надобно вам сказать, что потихоньку от всех он очень серьезно изучал колдовство и мог, к примеру, одним только взглядом расколоть мраморную пепельницу. А теперь он прикоснулся к кукле в нескольких местах, передвинул кое-какие транзисторы, снова усмехнулся и ушел в кафе. Тут в комнату вбежала Эврика и испустила радостный крик, который родители с наслаждением подслушали из-за двери.

– Какая красивая! Какая чудесная кукла! – в совершеннейшем восторге вскричала Энрика. – Я сейчас же приготовлю тебе завтрак!

Она принялась торопливо рыться в углу, где лежали игрушки, отыскала там большие чашки для кофе, блюдца, стаканы, вазочки, бутылочки и так далее и расставила все это на кукольном столике. Затем велела новой кукле пойти на свое место, позвать несколько раз «маму» и «папу», наконец, повязала ей на шею салфетку и собралась кормить ее. Но кукла, едва девочка отвернулась на минутку, хорошим пинком отшвырнула накрытый стол. Блюдца разбились, чашки покатились по полу и, ударившись о батарею, тоже раскололись, и от них остались одни черепки...

Тут, разумеется, прибежала синьора Лиза. Она испугалась, что Энрика ударилась или поранилась. Прибежала и, не разобравшись, в чем дело, тут же накричала на дочь, назвав ее «плохой, противной девчонкой», и добавила:

– Какая ты нехорошая! Обязательно в Новый год надо что-

то натворить. Смотря, будь осторожна, а то заберу у тебя куклу, и ты больше не увидишь ее!

И ушла в ванную комнату.

А Энрика, оставшись одна, схватила куклу, отшлепала ее как следует, назвала ее «плохой, противной девчонкой» и упрекнула в том, что она устраивает неприятности как раз в Новый год:

– Смотри, веди себя хорошо, а то запру в шкаф и не выпущу больше оттуда!

– Почему? – спросила кукла.

– Потому что ты разбила блюдца.

– А я вовсе не хочу играть с ними, – заявила кукла. – Я хочу играть с машинками.

– Я тебе покажу машинки! – рассердилась Энрика и шлепнула ее еще разок. Кукла не растерялась и вцепилась ей в волосы.

– Ой! Что ты делаешь? Почему бьешь меня?

– Законная самозащита, – ответила кукла. – Ты же сама научила меня драться! Ты первая ударила. Я и не знала, как это делается.

– Ну ладно, – ответила Энрика, желая сменить тему разговора. – Будем играть в школу! Я буду учительницей, а ты – ученицей. Вот твоя тетрадь. Я вижу, ты сделала в диктанте много ошибок, и я ставлю тебе двойку!

– А при чем здесь эта цифра «два»?

– При том, разумеется. Так делает в школе учительница.

А кто пишет без ошибок, тому она ставит пять.

– Почему?

– Потому что так учатся!

– Ну и насмешила ты меня!

– Я?!

– А кто же! – ответила кукла. – Ну подумай сама – ты умеешь ездить на велосипеде?

– Конечно!

– А когда училась и падала с него, тебе кто-нибудь ставил двойку или кол?

Энрика в смущении замолчала. А кукла продолжала:

– Вот подумай: когда ты только еще училась ходить и вдруг ни с того ни с сего садились на пол, твоя мама ставила тебе на попку двойку?

– Нет...

– Но ходить ты все равно научилась? И говорить научилась, и пить, и есть, и пуговицы застегивать, и шнурки завязывать, и зубы чистить, и уши мыть, и открывать и закрывать двери, и звонить по телефону, и включать проигрыватель и телевизор, и спускаться и подниматься по лестнице, и бросать и ловить мяч, и отличать своего дядю от незнакомого человека, собаку от кошки, холодильник от пепельницы, ружье от штопора, сыр пармезан от горгонцолы, правду от лжи, воду от огня. И все это без каких бы то ни было отметок, плохих или хороших. Не так ли?

Энрика притворилась, будто не заметила вопросительно-

го знака, и предложила:

– Давай я вымою тебе голову!

– Ты с ума сошла? В Новый год...

– Но я очень люблю мыть куклам голову!

– А я очень не люблю, когда мне мыло попадает в глаза!

– Ну знаешь! Ты – моя кукла, и я могу делать с тобой что захочу. Ясно?

Это «ясно?» было из словаря синьора Фульвио. И синьора Лиза тоже нередко завершала свои разговоры этим выразительным «ясно?». Теперь настала ее, Энрики, очередь заставить уважать свои родительские права. Но кукла, похоже, даже не обратила внимания на это веское слово. Она забралась на самую верхушку елки, разбив по пути несколько цветных лампочек, и стала раскачиваться, как на качелях.

Энрика, чтобы не ругаться с нею, отошла к окну. Во дворе мальчишки играли с мячом, катались на самокате, на велосипеде, пускали стрелы из лука, играли в кегли.

– Почему не пойдешь во двор поиграть с ребятами? – спросила кукла, засунув палец в нос, чтобы подчеркнуть свою независимость.

– Там одни мальчишки, – ответила Энрика. – Они играют в мальчишеские игры. А девочки должны играть в куклы. Они должны учиться быть хорошими мамами и хозяйками, должны уметь накрывать на стол, стирать, чистить обувь для всей семьи. Моя мама всегда чистит ботинки папе. И сверху и снизу.

– Бедняжка!

– Кто?

– Твой папа! У него, значит, нет рук...

Энрика решила, что настал самый подходящий момент дать кукле пару хороших пощечин. Чтобы добраться до нее, надо было залезть на елку. Ну а елка, разумеется, не растерялась и тут же воспользовалась случаем, чтобы свалиться на пол. Вдребезги разбились лампочки и стеклянные игрушки – ужас! А кукла оказалась под столом и решила, что в этой ситуации лучше всего захныкать. Однако она первая забеспокоилась и бросилась к Энрике:

– Ты не ушиблась?

– Я не хочу с тобой разговаривать! – заявила Энрика. – Это ты во всем виновата! Ты невоспитанная кукла. Уходи! Ты не нужна мне больше!

– Наконец-то! – воскликнула кукла. – Теперь-то ты наконец поиграешь с машинками!

– И не подумаю! – возразила Энрика. – Возьму свою старую тряпичную куклу и буду играть с ней.

– Ах, вот как! – вскричала новая кукла. Она осмотрелась, нашла тряпичную куклу, схватила ее и вышвырнула в окно – сквозь стекла, даже не открывая его.

– Я буду играть с моим плюшевым мишкой! – заявила Энрика.

Новая кукла отыскала плюшевого мишку и забросила его в мусорный бак. Энрика расплакалась. Родители услышали

ее плач и прибежали как раз вовремя, чтобы увидеть, что новая кукла завладела ножницами и напропалую кромсает наряды из кукольного гардероба.

– Что это за безобразие! – вскричал синьор Фульвио.

– Ох я несчастная! – вскричала синьора Лиза. – Думала, что купила куклу, а оказывается, принесла в дом ведьму!

Папа и мама бросились к маленькой Энрике, подхватили ее на руки, стали ласкать, жалеть, целовать.

– Паф! – сказала кукла с самого верха шкафа, куда она забралась, чтобы подрезать свои волосы, которые, по ее мнению, были слишком длинными.

– Ты слышала? – испугался синьор Фульвио. – Она сказала «паф!» Этому ее мог научить только твой брат!

Синьор Ремо появился в дверях, словно его кто-то позвал. Ему достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что происходит.

Кукла подмигнула ему.

– Что случилось? – спросил дядя, притворившись, будто с неба свалился.

– Она не хочет быть куклой, – захныкала бедная Энрика. – Бог знает что о себе возомнила!

– Я хочу пойти во двор и играть в кегли! – заявила кукла, посыпая сверху пряди волос. – Я хочу барабан! Хочу в лес, на луг, в горы! Хочу кататься на самокате! Хочу стать физиком-атомщиком, железнодорожницей, педиатром. И еще сантехником! И если у меня будет дочь, я пошлю ее в спор-

тивный лагерь. И если она вздумает мне сказать: «Мама, я хочу быть домашней хозяйкой, как ты, и чистить обувь своему мужу. Сверху и снизу», – я отправлю ее в наказание в бассейн, а затем поведу в театр.

– Да она с ума сошла! – сказал синьор Фульвио. – Наверное, у нее испортился какой-нибудь транзистор.

– Ну-ка, Ремо, – попросила синьора Лиза, – взгляни, в чем там дело. Ты ведь разбираешься в этом.

Синьор Ремо не заставил себя долго упрашивать. И кукла тоже. Она прыгнула ему на голову и стала делать сальто-мортале. Синьор Ремо прикоснулся к кукле в нескольких местах, что-то повернул, что-то подкрутил, и кукла превратилась в микроскоп.

– Ты ошибся, – заметила синьора Лиза.

Синьор Ремо снова что-то подкрутил. Кукла превратилась, в диапроектор, потом в телескоп, в роликовые коньки, в стол для игры в пинг-понг...

– Но что ты делаешь? – удивился синьор Фульвио. – Ты сейчас совсем испортишь ее! И где ты видел куклу, которая походила бы на стол?

Синьор Ремо вздохнул и еще что-то покрутил. Кукла опять стала нормальной говорящей куклой с длинными волосами.

– Мама, – сказала она на этот раз кукольным голосом, – я хочу устроить стирку.

– О, наконец-то! – воскликнула синьора Лиза. – Вот это

другой разговор. Ну-ка, Энрика, поиграй со своей куклой. Еще успеешь провести хорошую стирку до обеда.

Но Энрика, на глазах у которой происходили все эти превращения, похоже, была в чем-то не уверена. Она посмотрела на куклу, на дядю Ремо, на родителей и наконец с глубоким вздохом произнесла:

– Нет, я хочу пойти во двор и играть там с ребятами в кегли. И может быть, даже стану делать сальто-мортале.

Зеленое яйцо

Старый Омобоно жил в маленьком домике на окраине села совсем один. Жена его давно умерла, а детей у него не было. Так что компанию ему составляли куры в курятнике, боров в свинарнике да осел в хлеву. Осел помогал обрабатывать землю. Боров ни в чем не помогал. Однако Омобоно знал, что кормит его не напрасно, – рано или поздно он обернется ветчиной, колбасой и сосисками. Ну а куры несли ему яйца.

И вот однажды утром Омобоно сходил в курятник за свежими яйцами и, вернувшись в дом, вдруг обнаружил в корзине среди белых яиц одно зеленое.

– Такого я еще никогда не видел, – проворчал он. Старики, известное дело, нередко разговаривают сами с собой вслух. – Зеленое яйцо! Готов спорить, что его снесла Пимпа. Эта курица уже давно стала какой-то странной, будто кто-то запугал ее. Зеленое яйцо! Прямо хоть пиши об этом в газету!

Он взял яйцо и поднес к уху.

– Надо же! Вот так новости! Яйцо, а гудит, как машина. Словно там мотор вместо желтка.

Старик положил белые яйца в буфет, а зеленое – на стол и принялся разглядывать его. Гула вроде не было, но стоило Омобоно приложить яйцо к уху, как он снова слышал его.

Тогда Омобоно взял ложечку, осторожно разбил скорлупу

и отколупнул два или три кусочка, чтобы заглянуть внутрь, но испугался и положил яйцо на стол. И тут из отверстия в скорлупе вдруг один за другим начали выскакивать крохотные, ростом не больше ногтя, человечки. Омобоно насчитал сначала десять человечков, потом еще десять и еще... И каждый что-то нес на спине или тащил за собой на невидимой веревочке, только непонятно было, что именно. В одно мгновение человечки разбежались во все стороны. Кто спешил сюда, кто – туда. Некоторые как будто что-то забивали молоточками, другие пилили. А все вместе – работали дружно, быстро, старательно и совершенно бесшумно. Но когда Омобоно наклонился к столу и прислушался, ему показалось, что он слышит удары топора, скрип, скрежет и даже чьи-то повелительные голоса.

«Это, наверное, какие-нибудь начальники», – решил Омобоно.

А минут через десять человечки уже построили что-то очень похожее на железную дорогу, которая вышла из яйца и очертила вокруг него исключительно ровную окружность радиусом в пятьдесят сантиметров. Затем из яйца выехал поезд, состоящий из двадцати вагонов, каждый из которых был не длиннее спички. Локомотив (это был, наверное, электровоз, потому что он не дымил) был короче, но довольно массивный. Поезд бежал по рельсам, точно игрушечный. Он часто останавливался, и человечки что-то выгружали из вагонов. Тут Омобоно вспомнил, что у него где-то есть лупа.

Он отыскал ее в ящике буфета и увидел с ее помощью, что они выгружали автомобили, велосипеды, тракторы, подъемные краны, строительные конструкции, детали домов, двери, окна, разного рода мебель и машины, много машин, бесконечное множество легковых машин. Разгрузив вагоны, человечки тут же принялись разносить вещи во все стороны, словно у них в голове был четкий план. Впрочем, план этот скоро стал ясен и Омобоно.

– Да ведь они строят у меня на столе целый город. И как отлично все делают!

Поезд, совершив круг, возвращался к яйцу, въезжал в него и спустя немного выезжал с новым грузом. А кроме того, из яйца беспрестанно появлялись все новые и новые человечки. Омобоно насчитал их сначала несколько десятков, затем несколько сотен, а потом и считать перестал – ясно, что их было теперь уже не меньше десяти тысяч. А из яйца все выбегали и выбегали новые – парами, группами, в одиночку. И казалось, они уже хорошо знают, куда именно им надо идти, потому что сразу же без колебания направлялись в тот или иной квартал города... Да, да, уже появились кварталы, улицы, и по ним проносились туда и сюда машины, куда-то спешили пешеходы, работали магазины, из окон домов выглядывали люди, во дворах играли дети...

– Ай да молодцы! – подивился Омобоно, рассматривая сквозь лупу то один, то другой уголок города.

А потом вдруг из яйца вынесся целый табун лошадей, а за

ними выбежали собаки, кошки, вылетели птички – маленькие, еле видимые, меньше самой малюсенькой мошки – и полетели над крышами домов, а некоторые даже принялись строить гнезда.

От удивления Омобоно даже выронил лупу. К счастью, она упала рядом с городом, иначе, наверное, убила бы кого-нибудь. И тут человечки вдруг замерли. Очевидно, удар лупы о стол показался им оглушительным раскатом грома. Затем, как будто кто-то успокоил их, они снова принялись за работу.

– Жаль, что не слышно, о чем они говорят, – огорчился Омобоно. – Интересно, что же все это значит...

И тут ему пришла в голову одна мысль. Он вышел из дома, осторожно закрыв двери на ключ, и отправился на поиски того, что ему понадобилось.

Продавец в магазине очень удивился:

– Усилитель? Динамик? Микрофон? Зачем вам все это?

– Хочу послушать, о чем говорят муравьи, – отрезал Омобоно. – Какое вам дело? Скажите, сколько это стоит, и до свидания.

– Ладно, не сердитесь. В конце концов мое дело продавать, а не интересоваться, кто и зачем покупает эти вещи.

– Вот и отлично. Сколько?

Омобоно уплатил, попросил объяснить, как пользоваться этими устройствами, и вернулся домой, не обращая внимания на людей, которые оборачивались ему вслед, потому что

привыкли видеть его с лопатой или мотыгой на плече.

А дома Омобоно ожидал новый сюрприз.

– Черт возьми, готов поклясться, что человечки выросли, а город стал больше и дома выше. Не резиновые же они, чтобы так раздуваться.

Город занимал теперь почти весь стол, а человечки были уже в два раза выше ростом.

– Ну-ка посмотрим, – решил Омобоно, – что из этого выйдет?

Он расположил приборы так, как ему объяснили в магазине, надел наушники, как у телеграфиста, поправил держатели и стал слушать. Теперь звуки слышны были громко и отчетливо: шум двигателей, тарактенье моторов, крики детей, голоса на стройплощадке, шум поезда, который без усталости ездил в яйцо и обратно.

– Алло, алло! – услышал он вдруг голос, перекрывший все остальные звуки.

И тут умолкли все другие голоса, машины остановились, и город замер в полной тишине.

– Внимание, внимание! Выходим на связь с землянином! Нам неизвестны его намерения, поэтому объявляется Малая Тревога!

– Вот это да! – удивился Омобоно. – Они хотят говорить со мной... Надо полагать, именно со мной, ведь единственный землянин тут – это я... Гм, а они? Разве они не земляне? Ведь их же снесла моя курица!

– Алло, алло! – снова раздалось в наушниках. – Мы обращаемся к землянину, который слушает нас. Вам хорошо слышно?

– Да куда уж лучше! – ответил Омобоно. – Только объясните мне, кто же вы такие и что делали в яйце моей курицы? Да, и долго ли собираетесь занимать мой стол?

– Прежде всего, – услышал он в ответ, – предупреждаем вас, что вы лишены возможности причинить нам какой-нибудь вред. То обстоятельство, что мы пока еще такие маленькие, не должно вводить вас в заблуждение. Мы способны спастись от любого нападения. К тому же мы его не провоцируем.

– Хорошенькое дело, – ответил Омобоно. – Послушаем, что вы еще расскажете.

– Да будет вам известно, что мы прибыли с очень далекой и совершенно не известной вам планеты. К сожалению, в последние века условия жизни там стали совершенно невыносимыми. Наше солнце начало остывать, вся растительность погибла, ледяной панцирь покрыл один за другим все наши города. Спасти можно было, только покинув планету и переселив всех ее обитателей в другие миры Вселенной. Вы меня слышите?

– Слышу, слышу и даже записываю ваш рассказ на магнитофон.

– Мы делаем то же самое. Наш Комитет общественно-го спасения после тщательного изучения проблемы предло-

жил следующее. Все население планеты и животные, которые еще не погибли, а также города, фабрики, заводы и вообще вся техника, созданная нашей цивилизацией, все с помощью особой системы, которую я не стану вам объяснять, потому что вы все равно не поймете...

– Вот уж спасибо!

– ...одним словом, все и вся было уменьшено до ультрамикроскопических размеров и помещено в семечко тыквы, которое с помощью специальной системы передачи на расстояние было сброшено на вашу Землю.

– Вернее, ко мне во двор... А моя курица склевала его... И снесла яйцо... И вы вышли из него...

– Да, именно так все и было.

– Сколько же вас всего?

– Очень мало, к сожалению. Не более тридцати миллионов.

– Тридцати – чего?

– Миллионов.

– И что же вы от меня хотите? Чтобы я держал в доме тридцать миллионов гостей? Думаете, я в силах вас всех прокормить? Дорогие мои, я начинаю думать, что вам было бы лучше вернуться внутрь яйца... Эй, что случилось? Что такое? Куда вы делись?

Город, машины, человечки, железная дорога – все вдруг исчезло, словно по мановению волшебной палочки. На столе лежало только зеленое яйцо с дырочкой на боку.

– Вы там, что ли, внутри? – спросил Омобоно.

Никто не ответил. Но из яйца теперь, как и прежде, снова доносился гул. А затем все повторилось сначала: выбежали человечки ростом не больше ногтя... Построили железную дорогу... Появились дома, машины... Город был восстановлен в мгновение ока. Не прошло и часа, как весь стол снова был занят человечками и в наушниках снова раздался голос:

– Алло, алло!

– Слушаю! – ответил Омобоно. – Куда вы делись?

– Сами того не желая, – услышал он в ответ объяснение, – вы объявили Большую Тревогу.

– Я? Каким образом? Я ничего не объявлял.

– Выслушайте нас, и ради бога в следующий раз будьте осторожны! Дело в том, что мы изобрели особую систему сигнализации. Она, как вы видели, совершенно безотказна, но и опасна. Стоит произнести слова: «Внутрь яйца!» – как наш рост прекращается, и мы все немедленно возвращаемся в яйцо.

– Удобно, – заметил Омобоно.

– Не совсем. Нам ведь приходится делать все заново... К сожалению, теперь мы в ваших руках. Послушайте, что мы вам предлагаем. Нам известно, что на вашей планете есть совершенно необитаемые пустыни, например, Сахара, Гоби и другие. Отдайте нам одну из этих пустынь, с помощью нашей техники мы сделаем ее обитаемой и будем жить там, насколько не беспокоя землян.

– Минутку, – сказал Омобоно, – вы что-то говорили о росте. А на сколько вы еще можете вырасти?

– Наш нормальный рост – пять метров, но мы приспособимся к земным меркам и во всем станем походить на людей.

– А кто поручится, что вы не вздумаете завладеть всей нашей планетой?

– Вы же в любую минуту можете вернуть нас в яйцо. Вы же знаете сигнал Большой Тревоги.

Омобоно задумался, разглядывая зеленое яйцо.

– А знаете, – сказал он наконец, – я хочу произвести небольшой опыт.

Он осмотрелся, остановил взгляд на шапке, висевшей на гвозде у двери, и воскликнул:

– Шапка, внутрь яйца!

Шапка тут же исчезла. Омобоно заглянул в яйцо и с помощью лупы разглядел, что она лежит там – крохотная, не больше точки. И тогда он засмеялся:

– А вот этого вы мне не сказали!

– Что не сказали? Мы все объяснили вам.

– Но вы умолчали о том, что яйцо «забирает» и другие вещи, не только вас.

– Но мы и сами этого не знали! Это вы только что показали нам.

– Ладно, ладно. Вполне возможно, что один крестьянин хитрее тридцати миллионов космических пришельцев. Вполне возможно. Только яйцо, с вашего позволения, я за-

беру себе.

А человечки между тем продолжали расти. Теперь они были уже больше мизинца Омобоно, а из яйца один за другим выходили все новые и новые пришельцы.

– Надо, пожалуй, поскорее предупредить власти, – решил Омобоно, – а то вы еще взорвете мой дом. И вот что еще я думаю. Ведь переправить тридцать миллионов человек в Сахару – это не шутка. Не лучше ли вам всем вернуться на некоторое время туда... обратно?

Человечки посовещались, и затем голос в наушниках со вздохом произнес:

– Вы правы. Мы вернемся в яйцо...

– Тогда до свидания, – сказал Омобоно.

– До свидания. Народ Аэима, внутрь яйца!

В то же мгновение со стола все исчезло, и на нем осталось только зеленое яйцо.

Омобоно взял его, сел на свой мотоцикл и поехал в город.

Не будем рассказывать о том, как он докладывал обо всем случившемся правительству, как велел человечкам выйти из яйца еще раз, чтобы доказать, что он ничего не сочиняет, а затем вернул их обратно в яйцо, как потом вместе с членами правительства полетел на самолете в Сахару и передал пустыню народу Азима и оставался с ними до тех пор, пока они не стали ростом с землян, а затем вернулся к себе в деревню с зеленым яйцом, которое держал в красивой овальной шкатулке.

«Оно еще не раз позабавит меня», – решил про себя Омобоно.

И действительно, однажды он достал яйцо и отправил в него то, что ему не нравилось больше всего. Он приказал:

– Все пушки, какие только есть на свете, – внутрь яйца!

И войны прекратились как по волшебству.

В другой раз он сказал:

– Все комары – внутрь яйца!

И никто уже не мог найти ни одного комара на всей земле – от Южного полюса до Северного.

А плохого Омобоно никому ничего не сделал, потому что он был хорошим человеком, ведь даже имя его означает Добрый Человек. Незадолго до смерти он разбил зеленое яйцо, растолок скорлупу в ступке, растер ее в порошок и развеял на своем поле, чтобы никто не мог использовать яйцо с каким-нибудь злым умыслом.

Я мог бы рассказать вам и о том, как однажды, когда яйцо еще было цело, он и сам попробовал войти в него.

– Омобоно, внутрь яйца! – приказал он сам себе.

Но сидеть там внутри, в темноте, оказалось так скучно, что он поспешил выбраться оттуда.

Неопознанный самолет

– Синьор начальник, неопознанный самолет просит разрешения на посадку.

– Неопознанный самолет? А как он сюда попал?

– Не знаю, синьор начальник. У нас не было с ним раньше никакой связи. Он говорит, что у него кончается горючее и он сядет, даже если мы будем против. Странный какой-то тип, однако.

– Странный?

– Чудак, по-моему. Я слышал сейчас, как он посмеивался в микрофон: «Тем более что все равно никто не может остановить меня...»

– Так или иначе, пусть лучше сядет, а то еще натворит каких-нибудь бед.

Самолет приземлился на маленьком летном поле на окраине Столицы ровно в 23 часа 27 минут. До полуночи оставалось 33 минуты. Притом это была не обычная, а самая важная в году полночь. Это было 31 декабря. И на всем континенте миллионы людей ожидали наступления Нового года.

Никому не известный летчик выпрыгнул из кабины на землю и сразу же распорядился:

– Выгрузите мой багаж! Там двенадцать баулов, не забудьте ни одного! И вызовите три такси, иначе их не перевезти! Может кто-нибудь позвонить по телефону от моего имени?

– Не знаю, не знаю, – уклончиво ответил синьор начальник. – Сначала надо прояснить кое-какие детали, вам не кажется?

– Не вижу никакой необходимости! – улыбнулся летчик.

– А я, однако, вижу! – возразил синьор начальник. – И прошу вас предъявить документы и бортжурнал.

– Простите, но я не стану этого делать.

Он заявил это так категорично, что синьор начальник чуть не взорвался от возмущения.

– Как угодно, – сказал он, – а пока, будьте любезны, пройдите сюда!

Летчик ответил легким поклоном. И начальнику показалось, что поклон этот был чересчур вежливым. «Уж не насмехается ли он надо мной? – подумал он. – Во всяком случае, из моего аэропорта он выйдет с совсем другой миной».

– Имейте в виду, – продолжал между тем загадочный путешественник, – что меня ждут. Очень, очень ждут.

– И должно быть, к полуночи, чтобы отпраздновать Новый год?

– Совершенно верно, дражайший!

– А я, как видите, нахожусь при исполнении служебных обязанностей и всю новогоднюю ночь проведу здесь, в аэропорту. И вам, если будете упорствовать и не пожелаете предъявить документы, придется составить мне компанию.

Незнакомец (тем временем они вошли в кабинет начальника) спокойно расположился в кресле, закурил трубку и с

интересом осмотрелся вокруг.

– Документы? Но ведь они уже у вас, синьор начальник.

– В самом деле? Выходит, вы, как фокусник, сумели засунуть их мне в карман? И сейчас еще достанете у меня из носа яйцо, а из уха часы?

Вместо ответа незнакомец указал на новый красочный календарь, висевший на стене у письменного стола.

– Вот мои документы. Я – Время. В моих двенадцати баулах находятся двенадцать месяцев, которые должны начаться через... Ну-ка, посмотрим... Через двадцать девять минут.

– Если вы – Время, – невозмутимо ответил синьор начальник, – то я в таком случае реактивный самолет. Я вижу, вы шутник. Отлично! Значит, мне не придется скучать. И все же я включу, если не возражаете, телевизор. Не хотелось бы пропустить начало Нового года.

– Включайте, включайте! Только не будет никакого Нового года, пока вы меня держите тут.

По телевизору передавали праздничный концерт. Время от времени красивая дикторша, посмотрев на большие часы, висевшие на сцене за оркестром, прямо над головой ударника, напоминала:

– До Нового года осталось двадцать пять минут... Осталось двадцать две минуты...

Неизвестный пилот, казалось, от души развлекался телевизионным зрелищем. Он подпевал певцу, отбивал такт но-

гой вместе с оркестром и весело смеялся над шутками клоунов.

– До полуночи осталась одна минута, – улыбнулся синьор начальник. – Очень жаль, что не могу предложить вам бокал шампанского. На службе я никогда не пью.

– Спасибо, но в шампанском уже нет нужды. Время остановилось. Посмотрите на свои часы.

Синьор начальник невольно перевел взгляд на циферблат своих наручных часов и поднес их к уху. «Странно, – подумал он, – они тикают, но секундная стрелка стоит на месте – видимо, испортилась».

И он стал отсчитывать секунды. Отсчитал шестьдесят и обнаружил, что минутная стрелка тоже не двигается и по-прежнему показывает без одной минуты двенадцать. И на больших часах на экране телевизора она тоже замерла.

– Должно быть, возникла какая-то маленькая неисправность... – смущенно объяснила дикторша.

Музыканты, певцы, клоуны, зрители, находившиеся в телестудии, – все словно по команде принялись изучать свои часы, трести их и с удивлением прислушиваться к ним. И вскоре все убедились, что стрелки и в самом деле больше не двигаются.

– Ха-ха! Время остановилось! – со смехом крикнул кто-то. – Наверное, выпило слишком много шампанского и уснуло, не дождавшись полуночи.

Начальник аэропорта бросил тревожный взгляд на стран-

ного незнакомца, и тот снова вежливо улыбнулся ему:

– Видели? Это вы виноваты!

– Как это я?... При чем здесь я?

– Вы все еще не верите, что я – Время? Взгляните на эту розу...

На письменном столе красовалась в вазе свежая роза – начальник любил, чтобы у него были цветы в кабинете.

– Хотите посмотреть, что с нею станет, если я прикоснусь к ней?

Незнакомец подошел к столу и легонько дунул на цветок. Лепестки тут же сморщились, высохли, опали и рассыпались в прах. От прекрасной розы осталась лишь горстка пыли...

Синьор начальник вскочил и бросился к телефону.

Были времена, когда новости развозили по свету на лошадях, и немало проходило времени, пока они объезжали весь мир. Скажем, известие о том, что началась война в Бризговии, приходило в Брисландию, когда бои уже закончились и солдаты – те, что остались в живых, – уже были дома.

В наши дни радио и телевидение опутывают всю землю гигантской невидимой сетью. Новости ловятся в эту сеть, словно рыбки, и в несколько мгновений переносятся от одного полюса к другому.

Спустя несколько минут после звонка синьора начальника министру, уже всюду – и в Америке, и в Сингапуре, и в Танзании, и в Новосибирске – знали, что Время задержано в каком-то маленьком аэропорту из-за отсутствия докумен-

тов. Миллионы людей, ожидавших наступления Нового года, тут же открыли бутылки шампанского, наполнили бокалы и стали обмениваться радостными тостами. Праздничные шествия двинулись по улицам Милана, Парижа, Женевы, Лондона и Т.Д. Написав «и так далее» с большой буквы, мы имеем в виду и все другие города, которые невозможно перечислить тут все подряд.

– Ура! – кричали люди на всех языках планеты. – Время остановилось! Мы не будем больше стареть! И никогда не умрем!

В кабинете синьора начальника аэропорта беспрестанно звонил телефон. Начальника вызывали со всех концов земли и требовали:

- Держите Время крепче!
- Наденьте на него наручники!
- Сверните ему шею!
- Подсыпьте ему снотворного!
- Какое там снотворное – крысиный яд нужен!

Премьер-министр сообщил о случившемся своим коллегам. Срочно собрался Совет Министров. На повестке дня был только один вопрос: какие нужно принять меры? Превратить задержание Времени в арест или же освободить его?

Министр внутренних дел гремел:

– Освободить? Никогда этому не бывать! Стоит только позволить людям разгуливать повсюду без всяких документов, и мы пропадем! Этот синьор должен сообщить нам свое

имя, отчество, фамилию, место рождения, место прописки, место жительства, гражданство, национальность, номер паспорта, размер обуви, номер шляпы. Он должен предъявить справку о прививках, свидетельство о благонамеренности, диплом об окончании начальной школы, квитанцию об уплате налогов. К тому же у него целых двенадцать баулов! А таможенный сбор он уплатил? Он отказывается открывать их! А если у него там бомбы?

Министру было семьдесят два года, так что вы понимаете, конечно, какой был заинтересован в том, чтобы часы стояли...

Совет Министров решил узнать мнение Организации Объединенных Наций. А там в ту пору был только швейцар, потому что все члены ООН разъехались по домам встречать Новый год.

– Сколько времени понадобится, чтобы созвать Ассамблею?

– Недели две... Хотя, если Время остановилось, две недели не пройдут, так что Ассамблею не собрать!

Эта новость тоже облетела весь мир, вызвав повсюду еще большую радость.

А спустя немного...

Впрочем, эту фразу я не вправе писать: если Время остановилось, слова «спустя немного» уже не имеют смысла.

Короче говоря, один мальчик, разбуженный шумом, узнал, в чем дело, быстро сосчитал, сколько будет два плюс

два, и возмутился:

– Что? Всегда будет СЕЙЧАС? Выходит, я никогда не вырасту? И всю жизнь буду получать подзатыльники от отца? Всю жизнь должен решать задачу про колбасника, который покупает оливковое масло, а мы, бедные школьники, вынуждены считать, сколько он потратил денег и сколько у него осталось? Ну нет, спасибо вам большое! Я против!

Он тоже схватился за телефон и принялся бить тревогу – звонить друзьям. У его друзей тоже были, естественно, друзья, братья, двоюродные сестры, всякие другие родственники. Телефону пришлось немало поработать, соединяя их друг с другом.

Ребята и слышать ни о чем не хотели. Они накинули пальто поверх пижам, вышли на улицы и тоже устроили демонстрацию. Но их требования и лозунги сильно отличались от тех, с которыми шли взрослые.

– Освободите Время! – кричали ребята. – Не хотим всю жизнь оставаться малышами!

– Хотим расти!

– Хочу стать инженером!

– Хочу, чтобы наступило лето!

– Хочу купаться в море!

– Несмышленьши! – вздохнул какой-то прохожий. – В такой исторический момент они думают о море!

– Однако, – заметил другой прохожий, – в одном они, пожалуй, правы. Если Время не будет идти, то всегда будет 31

декабря!

– Всегда будет зима...

– Всегда будет без одной минуты полночь! И мы никогда не увидим восхода солнца!

– Мой муж в отъезде, – забеспокоилась какая-то синьора. – Как же он вернется домой, если не пройдет Время?

Больной, что лежал в постели, стал жаловаться:

– Ай-ай... Надо же было Времени остановиться как раз в тот момент, когда у меня болит голова! Значит, теперь у меня всегда будет головная боль, всегда, раз и навсегда?

Заключенный, ухватившись за оконную решетку в своей камере, тоже негодовал:

– Значит, я никогда не выйду на свободу?

И крестьяне встревожились:

– И так урожаи все хуже и хуже... Если не пройдет Время и не наступит весна, все погибнет... Нам нечего будет есть!

Словом, у начальника аэровокзала вскоре стали раздаваться совсем другие звонки:

– Ну так вы отпустите его наконец? Я жду почтовый перевод. Или, может, вы мне сами его пришлете, если не отпустите Время?

– Синьор начальник, пожалуйста, освободите Время! У нас кран испортился, и если завтра не наступит завтра, мы не сможем вызвать сантехника...

А синьор Время отдыхал в удобном кресле и, улыбаясь, курил свою трубку.

– Что же мне делать? – растерялся синьор начальник. – Один говорит одно, другой – другое... Я умываю руки! Я отпущу вас...

– Молодец, спасибо.

– Но... Без приказа свыше... Вы же понимаете, я рискую своим положением...

– Тогда не отпускайте. Мне и тут очень неплохо!

Затем раздался еще один звонок:

– Вспыхнул пожар! Если не пройдет Время, не приедут пожарные! Все сгорит! Мы все сгорим! Тут старики и дети... Неужели вы ничего не можете сделать, синьор начальник?

И тут начальник стукнул кулаком по столу:

– Ладно. Будь что будет! Беру на себя эту ответственность. Идите. Вы свободны!

Синьор Время сразу поднялся:

– Позвольте, синьор начальник, я пожму вам руку. Вы добрый человек!

Синьор начальник открыл перед ним дверь:

– Уходите. Быстро. А то еще передумаю.

И синьор Время вышел из кабинета. Стрелки на часах вновь задвигались. Спустя шестьдесят секунд часы пробили полночь, и повсюду вспыхнули бенгальские огни. Новый год начался.

Как Марко и Мирко ловили бандитов

Марко и Мирко – близнецы. Но их легко было отличить друг от друга, потому что Марко всегда ходил с молотком, у которого ручка белая, а Мирко – с молотком, у которого ручка черная. Братья никогда не расставались со своими молотками. Никогда, даже если мыло попадало в глаза.

Их родителей – синьора Аугусто и синьору Эменду – тоже нетрудно было различить, потому что у синьора Аугусто был магазин бытовых электроприборов, а у синьоры Эменды – магазин одежды для собак. Утром, уходя, они ласково сказали детям:

– Марко и Мирко, пожалуйста, никому не открывайте дверь! Повсюду бродят эти ужасные бандиты, которые воруют тальк.

– Хорошо, мама! Хорошо, папа!

Разумеется, едва родители исчезли с горизонта, близнецы тут же побежали и открыли дверь в сильной надежде увидеть хотя бы одного бандита, прячущегося на площадке. Но их ожидало разочарование. Бандитов не было. Тогда они вышли на балкон и принялись тренировать свои молотки – учили их вести себя подобно бумерангу и разным другим игрушкам. Запущенные высоко в небо, молотки пикировали

на улицу, трижды облетали шляпу какого-нибудь прохожего и затем, негромко посвистывая, возвращались на балкон.

– Посвистывают, – заметил Марко. – Но еще не свистят по-настоящему.

– Научатся! – заверил Мирко.

Вдруг в доме напротив распахнулось окно, и какая-то синьора, в ужасе схватившись за голову, закричала страшным голосом:

– На помощь! На помощь! Украли тальк!

– Седьмая! – констатировал Марко, который вел счет кражам в их квартале.

– На помощь! На помощь! Помогите! – продолжала кричать женщина.

– У той синьоры, которую обокрали вчера, – заметил Мирко, – зубы были белее.

Но тут другая картина привлекла внимание близнецов. Из-за ограды дома напротив вышел какой-то человек в маске. Он был довольно подозрителен. Тем более что нес, прижимая к груди, коробочки с тальком и явно собирался поскорее удалиться.

– Вот случай, которого мы так ждали! – вскричал Марко.

– Он самый! – согласился Мирко.

В ту же минуту братья запустили свои молотки. Теперь они уже издавали в полете нечто похожее на вой сирены. Человек в маске посмотрел вверх... Лучше бы он посмотрел себе на ноги! Потому что молоток с белой ручкой нацелил-

ся на его левый ботинок, а молоток с черной ручкой – на правый. От удивления человек в маске уронил коробочки с тальком и тоже закричал:

– На помощь! Спасите!

Молотки с головокружительной скоростью вертелись вокруг его ног и не давали ему шагнуть.

– Хватит! – взмолился человек в маске. – Сдаюсь!

– Слишком быстро, – недовольно заметил Марко.

– Сначала нам нужно ваше полное и чистосердечное признание, – уточнил Мирно. – Кто вы такой, почему воруете тальк, кто ваши сообщники, кто ими руководит, как звать жену главаря, сколько ей лет и так далее.

– Меня зовут Человек-в-маске. А ворую я для известного преступника Эм-Эм, по его указанию. Больше ничего не знаю. Все.

– Адрес Эм-Эм?

– Проспект Гарибальди, 3567 с половиной, корпус два, стучать четыре раза, напевая песенку «Сердце красавицы».

Марко и Мирко отпустили человека в маске под честное слово. Молотки с радостным свистом и с сознанием выполненного долга вернулись на балкон, но им сразу же пришлось снова спуститься вниз. Правда, теперь уже другим путем – в карманах близнецов, которые отправились с визитом к знаменитому преступнику Эм-Эм.

Братья пришли по указанному адресу, постучали четыре раза. Никто не ответил. Они снова постучали четыре раза.

– Не то! – раздался голос из-за двери. – Бы должны еще спеть песенку «Сердце красавицы», иначе не открою!

– Ах да, песенку!

Марко и Мирко запели «Гимн Гарибальди», но Эм-Эм сердито прервал их:

– Все не так! Сначала!

Тут Марко и Мирко пустили в ход молотки, и дверь сразу же открылась.

– Нам очень жаль, – объяснили они, – но песенку «Сердце красавицы» мы забыли.

– Вы же сломали мне дверь! – возмутился Эм-Эм.

– Извините, пожалуйста. И все-таки расскажите нам всю правду о бандитах, которые воруют тальк.

– Зачем? Вам нужно написать сочинение для школы?

Эм-Эм, сам того не зная, нечаянно затронул самое больное место. При слове «школа» близнецы закачались, а молотки, чтобы их не отобрала учительница, сделались совсем крохотными. Эм-Эм удачно поставил точку, но, к сожалению, не заметил этого.

– Вы убежали из дома, чтобы записаться в иностранный легион? Хотите пойти юнгами на торговое судно?

Он хотел высказать еще несколько предположений, но не успел, потому что близнецы перешли в наступление – их молотки уже принялись изучать его нервные рефлексы на коленках.

– Ай! Ой! Тюремщики! Что вам от меня надо? Я ведь

только скромный организатор! Двадцать семь человек под моим началом воруют тальк и приносят ко мне на склад. Каждое утро приезжает Лысый и увозит этот тальк на зеленом грузовичке. Он платит мне за него на вес золота и серебра. Жду его и сегодня.

– Когда?

– Ровно через две минуты. Спрячьтесь, и вы все увидите.

Две минуты прошли не спеша, можно даже сказать, равнодушно. Затем приехал зеленый грузовичок, которым управлял какой-то лысый человек. Эм-Эм нагрузил в него мешки с тальком и протянул руку за деньгами. Но лысый человек плюнул в нее и сказал:

– Последнюю партию можно оплатить и таким образом!

Он хотел уехать, но не тут-то было. Молоток Марко пригвоздил его левую руку к рулю, а молоток Мирко – его правую руку к рычагу скоростей.

– Ну разве так бьют? Предательски и без предупреждения! – обиделся Лысый.

– Заплатите этому честному специалисту! – предложили Марко и Мирко.

Эм-Эм получил несколько слитков золота, вымыл руки и уехал в Ливан.

Марко и Мирно вскочили в грузовичок.

– Поехали! – обрадовался Лысый. – Поехали в зоопарк! Я куплю вам по пакетику орешков, и вы угостите обезьян.

– Никаких зоопарков! Едем к главарю!

– Ах нет! – взмолился Лысый. – Только не к нему! Лучше уж кофе без сахара!

Молотки быстро вынудили его изменить свое мнение и двинуться в путь. По дороге Лысый открыл Марко и Мирко свое сердце:

– Главарь – это профессор Дьяволус!

– Кто? Знаменитый дьявольский ученый?

– Ужасный человек! Стоит хоть чуточку послушаться, как от одного его взгляда сразу начинает болеть живот. Знаете, как он заставил меня стать его ассистентом?

– Нет, никто никогда не рассказывал нам об этом.

– Он сделал так, что я увидел во сне своего дедушку, и тот всю ночь бил меня по щекам. Я проснулся в холодном поту. А ведь мое любимое занятие – созерцать платаны.

– А как это делается?

– Выбираете какой-нибудь платан, ставите рядом шезлонг, садитесь в него и рассматриваете дерево. Можно сделать интереснейшие наблюдения. Кстати, меня зовут Второй.

– Вернемся к тальку. Что с ним делает профессор Дьяволус?

– Он нужен ему для Ансельмика. Это робот, обладающий сверхинтеллектом. Дьяволус построил его после нескольких лет научных исследований и назвал так в честь своего дяди Ансельмо.

– А зачем Ансельмику тальк?

– Он ест его. По центнеру в день. Он только и делает, что ест тальк и думает.

– О чем же он думает, синьор Второй?

– Он говорит это только профессору Дьяволусу. Когда они разговаривают, меня всегда выгоняют. Посылают колоть дрова. Ну вот, приехали! Видите, вон тот небольшой дом – белый в голубой горошек?

Марко и Мирко посмотрели туда, куда указал Второй. Вот так сюрприз! Это же их дом! Они живут тут на втором этаже вместе со своими родителями и своими молотками.

– Лаборатория находится в подвале, – объяснял Лысый. – Дьяволус выходит из дома только под видом торговца сантехническим оборудованием.

– Синьор Джачинто! – сразу догадались Марко и Мирно. – Тот, который часто дарит нам старые водопроводные краны. Надо же!

Синьор Джачинто – в костюме дьявольского ученого – очень рассердился на Второго, когда увидел, что тот привел с собой близнецов. А робот Ансельмик при виде талька даже затанцевал от радости:

– Бебимикс! Бебимикс! Ура!

Он повязал себе салфетку на шею, схватил большую ложку и принялся жадно есть. А профессор Дьяволус тем временем попытался своим дьявольским взглядом вызвать боль в животе у Марко и Мирко, чтобы избавиться от них. Но ему не удалось сконцентрировать свои усилия, потому что

молотки с улюлюканьем завертелись вокруг его ушей и звали у него морскую болезнь.

– Не сопротивляйтесь, синьор Джачинто-Дьяволус! Вы окружены!

– Хватит, хватит! – со слезами взмолился ученый. – Я во всем вам признаюсь!

Но все-таки он не смог этого сделать, по крайней мере в тот момент, потому что Ансельмик, оторвавшись от еды, испустил радостный вопль:

– Нашел! Нашел! Послушай, хозяин! «Тальк „Никсон“ даже крадут!» Какой тонкий намек, а?

Профессор Дьяволус огорчился еще больше и заговорил чуть не плача:

– Нет, это уж слишком! Как раз сегодня, когда я решил отказаться от своей затеи, потому что это очень сложно, Ансельмик вдруг заработал! Но опоздал на две минуты! Потому что вы нашли меня и разоблачили! Сколько совпадений сразу! Ведь я чуть было не достиг цели моей жизни...

– Какой цели, профессор Дьяволус?

– Найти удачную фразу для рекламы талька «Никсон» в телевизионной рекламной передаче «Карусель». Надо вам сказать, что десять лет назад фирма «Никсон» взяла меня на службу с этой секретнейшей целью. Я построил поразительного робота! Он весь целиком сделан из монеток в пять лир... Можете убедиться! Ансельмик со своим сверхинтеллектом и должен был сочинить эту фразу. Для этого я и кор-

мил его тальком. Я продолжал кормить его даже тогда, когда фирма перестала снабжать меня кормом. Пришлось заняться воровством. А теперь вы разоблачите меня как главаря банды, которая ворует тальк... Меня приговорят к каторжным работам! А вдруг я окажусь в камере с четным номером? Это я-то!... Я же так люблю нечетные числа!... Трагедия!

Ансельмик между тем продолжал прыгать по комнате, распевая во всех тональностях: «Тальк „Никсон“ так хорош, что его даже крадут!»

– Хватит! – приказал ему Марко.

– Тальк «Никсон» – дрянь! – строго добавил Мирко.

– В самом деле? – удивился Ансельмик. – А я и не знал!

И он тоже расплакался.

– Ну-ну, не плачь! – успокоили его Марко и Мирко. – Не мыло же тебе попало в глаза! Сделаем так. Мы никого не будем разоблачать. Но при условии. Первое. Профессор Дьяволус подаст в отставку и целиком посвятит себя торговле водопроводными кранами. И возвратит украденный тальк его владельцам по почте.

– Но как? Я же не знаю их адреса!

– Найдете в телефонном справочнике. Второе условие. Синьор Второй целиком посвятит себя созерцанию платанов.

– Ура! Бегу покупать шезлонг!

– Третье условие. Ансельмика запрут в шкаф, и он будет выходить оттуда только для того, чтобы сделать уроки за нас

и наших друзей. Для этого его будут кормить учебниками.

– Ура! – в восторге закричал Ансельмик. – Школьные учебники так хороши, что их даже крадут!

И побежал сам себя запирать в шкаф. Затем приоткрыл дверцу и выглянул оттуда:

– Начнем сегодня же?

– Нет, после каникул.

– Буду с нетерпением ждать, когда они окончатся!

Что еще оставалось сделать? Больше ничего. Марко и Мирко попрощались с синьором Джачинто и вернулись домой. Как раз вовремя, потому что вскоре пришли их родители – синьор Аугусто и синьора Эменда. Они были очень довольны, что их дети живы и здоровы и весь день просидели дома, избежав опасностей большого города.

– Вы были умницами! – сказала синьора Эменда. – В награду за это я устрою вам сегодня головомойку, иначе говоря – вымою вам головы.

Марко и Мирко предпочли бы пару хороших оплеух. Но гордость не позволила им признаться в этом. Увы, не все в жизни так же увлекательно и приятно, как поиски бандитов, которые воруют тальк.

Карлино, Карло, Карлино, или как отучить ребят от плохих привычек

– Вот ваш Карлино, – сказала акушерка синьору Альфио, показывая ему младенца, которого только что привезли из родильного дома.

«Ну что значит – Карлино! – тут же услышал синьор Альфио громкий детский крик. – Кончайте с этими уменьшительными именами! Зовите меня Карло, Паоло или Верчиндженторидже, зовите хоть Леопардом, но пусть это будет нормальное, полное имя! Вы меня поняли?»

Синьор Альфио с изумлением посмотрел на младенца, который еще даже рта не открывал. Но его слова каким-то образом возникли прямо у него в сознании. И акушерка тоже поняла, что он сказал.

– Надо же, – удивился синьор Альфио, – такой маленький, а уже передает мысли на расстоянии!

«Умница, – заметил мальчик, – правильно понял! Я же не могу говорить с помощью голосовых связок, которых у меня еще нет».

– Давайте положим его пока в кроватку, – предложил синьор Альфио, совсем растерявшись. – А дальше видно будет.

Они положили его в кроватку рядом со спящей матерью. Синьор Альфио вышел на минутку из комнаты. Он хотел

сказать своей старшей дочери, чтобы она выключила радио, потому что оно мешает малышу. Но малыш успел остановить его:

«Папа, ну что ты еще придумал! Дай же мне дослушать эту сонату Шуберта для арпеджоне...»

– Арпеджоне? – изумился синьор Альфио. – По-моему, это звучит виолончель...

«Разумеется, виолончель! Теперь только на ней исполняют это сочинение, которое Шуберт написал в 1824 году. В ля миноре, если уж быть точным до конца. Но писал он ее именно для арпеджоне – большой шестиструнной гитары, которую годом раньше изобрел венский мастер Иоганн Георг Штауфер. Этот инструмент называли еще гитарой любви или гитарой-виолончелью. Он, однако, не получил распространения и жил недолго. А соната очень мила».

– Прости, пожалуйста, – пробормотал синьор Альфио, – но откуда ты все это знаешь?

«О боже! – ответил все тем же телепатическим способом новорожденный. – Ты ставишь передо мной тут в шкафу великолепный музыкальный словарь и вдруг удивляешься, почему я вижу, что на восемьдесят второй странице первого тома говорится как раз об арпеджоне?»

Синьор Альфио сделал из этого вывод, что его сын не только способен передавать мысли на расстоянии, но и умеет читать закрытые книги. Даже не выучившись еще грамоте.

Когда мама проснулась, ей крайне осторожно сообщили

о происшедших событиях, но она все равно расплакалась. К тому же у нее не оказалось под рукой носового платка, чтобы утереть слезы. Но тут она увидела, как один из ящиков комода вдруг открылся сам по себе, без всякого шума, и из него выпорхнул, оставаясь аккуратно сложенным, белоснежный платочек, выстиранный с помощью «Бронка» – любимого стирального порошка прачки королевы Елизаветы. Платочек лег на подушку рядом с синьорой Аделе, и маленький Карло подмигнул ей при этом из своей кровати.

«Понравилось?» – мысленно спросил он у присутствующих. Акушерка бросилась из комнаты, воздев руки к потолку. Синьора Аделе, хоть и лежала в постели, все равно упала в обморок. Синьор Альфио закурил сигарету, но тут же погасил ее – он не это хотел сделать.

– Сын мой, – сказал он затем, – у тебя появились дурные манеры, которые никак не вяжутся с общепринятыми правилами поведения. С каких это пор воспитанные дети открывают мамины комоды, не спросив на то разрешения?

Тут в комнату вошла старшая дочь Антония, или, как ее еще называли – Чиччи, в возрасте пятнадцати лет и пяти месяцев. Она радостно приветствовала братика:

– Чао! Как поживаешь?

«Вообще-то неплохо. Разволновался немножко. Впрочем, это понятно – я ведь первый раз родился».

– Черт возьми! Ты разговариваешь телепатически? Молодец! Объясни мне, как это делается?

«Да это же совсем просто! Хочешь что-нибудь сказать, не открывай рот, а закрой его – вот и все. Это к тому же гигиеничней».

– Карло! – воскликнул синьор Альфио, очень рассердившись. – Не начинай, пожалуйста, сразу же дурно влиять на свою сестру, такую воспитанную девочку.

– Господи! – вздохнула синьора Аделе, придя в себя. – Что-то скажет привратница, что скажет мой отец, банковский служащий старой закалки и строгих нравов, последний потомок целой плеяды кавалерийских полковников!

– Ну, – сказала Чиччи, – пока! Я пошла делать уроки. Мне осталась математика.

«Математика? – задумчиво переспросил Карло. – А, понял! Эвклид, Гаусс и все прочее. Но если ты пользуешься этим учебником, что у тебя в руках, то имей в виду, что ответ на задачу № 118 неверен. Икс равняется не одной трети, а двум сорока третьим».

– Нет, вы только подумайте! Он уже позволяет себе, подобно левым газетам, критиковать школьные учебники! – с горечью произнес синьор Альфио.

На другой день он сидел в кабинете у врача и подробно рассказывал ему обо всем, что происходит с его сыном, а в приемной за дверью синьора Аделе с трудом удерживала маленького Карло.

– Да, – вздохнул доктор Фойетти, – уже не осталось ничего святого! Что-то будет дальше со всеми этими забастовка-

ми! Домработницу найти невозможно! Полиции запрещено стрелять! Крестьяне не хотят разводить кроликов! А попробуйте вызвать сантехника, и вы увидите... Да, так покажите ребенка.

Едва оказавшись в кабинете, Карло сразу же по каким-то одному ему понятным приметам догадался, что синьор Фойетти несколько лет жил в Загребе. Поэтому он обратился к нему на хорватском языке (мысленно, понятное дело): «Доктор, врло тешко пробавлям, често осъекам кисели укус, особито нека йела не могу пробавити».

(Перевод: «Доктор, у меня плохо работает желудок, часто бывает изжога, и некоторые вещи я совсем не могу есть»).

Доктор от неожиданности ответил ему на том же языке:

– Изволите лечи на постелю, молим вас... (Лягте, пожалуйста, на кушетку...)

Затем он схватился за голову и принялся за работу. Полное обследование младенца длилось два дня и тридцать шесть часов. Оно показало, что маленький Карло в возрасте сорока семи дней от роду может:

– прочесть в голове доктора Фойетти имена всех его родственников вплоть до кузенов в четвертом колене, а также усвоить все научные, литературные, философские и футбольные знания, которые отложились в ней с самого раннего детства;

– отыскать марку Гватемалы, спрятанную под восемнадцатью килограммами книг по медицине;

- перемещать как угодно одним только взглядом стрелку на весах, на которых медсестра взвешивает больных;
- принимать и передавать радиопередачи, в том числе коротковолновые и стереофонические;
- проецировать на стену телепередачи, не скрывая при этом некоторой неприязни к викторине «Рискуй всем»;
- зашить дыру на рубашке доктора наложением рук;
- посмотрев на фотографию больного, установить у него острую боль в животе и безошибочно определить аппендицит;
- сварить на расстоянии и без огня манную кашу.

Кроме того, он может подняться над землей на высоту пять метров и девятнадцать сантиметров, одной только силой мысли извлечь медаль из коробки для сигар, заклеенной тремя роликами скотча, убрать со стены картину Джулио Туркано, материализовать черепаху в шкафчике с медицинскими инструментами и барсука в ванне, магнетизировать вянущие хризантемы, вернув им свежесть и яркость красок; потрогав уральский камень, подробно, со множеством цитат изложить историю русской литературы XIX века; мумифицировать рыб и мертвых птиц; остановить брожение вина и так далее.

- Это опасно? – спросила потрясенная синьора Аделе.
- Почти безнадежный случай, – ответил доктор Фойетти. – Если он способен на такое в сорок семь дней, представляете, что он сможет сделать, когда ему будет сорок семь ме-

сяцев!

– А в сорок семь лет?

– О, к этому времени он уже давно будет на каторге.

– Какой позор для его прадедушки! – воскликнула синьора Аделе.

– И ничего нельзя сделать? – спросил синьор Альфио.

– Прежде всего его надо унести отсюда, – ответил доктор, – и дать ему подшивку «Официальной газеты». Он займется ею и не будет слушать наш разговор. Во всяком случае, можно надеяться, что не будет.

– А теперь что делать? – снова спросил синьор Альфио после того, как операция «Официальная газета» была закончена.

Доктор Фойетти минут десять шептал ему что-то прямо в правое ухо, очевидно, давая самые прямые указания и самые необходимые инструкции, которые синьор Альфио так же прямо передал синьоре Аделе в левое ухо.

– Но это же Колумбово яйцо ³! – радостно воскликнул синьор Альфио.

«Какого Колумба? – телепатически спросил Карло из-за двери. – Христофора или Эмилио? Надо быть точным в своих формулировках».

³ Остроумное решение трудной задачи, неожиданно простой и смелый выход из затруднительного положения. Выражение «Колумбово яйцо» стали употреблять после того, как Христофор Колумб в ответ на безуспешные попытки присутствующих поставить яйцо на столе сам сделал это: разбив яйцо с тупого конца, он укрепил его стоймя.

Доктор подмигнул синьору Альфио и синьоре Аделе. Все улыбнулись и промолчали.

«Я спросил, о каком Колумбе идет речь!» – рассердился малыш, силой своего пронизательного разума делая в стене дырку.

А они опять промолчали, как вареные рыбы. Тогда Карло, чтобы его слышали, вынужден был прибегнуть к другим средствам коммуникации и жалобно заплакал:

– Уа, уа, уа!

– Действует! – в восторге шепнул синьор Альфио.

Синьора Аделе схватила руку доктора Фойетти и поцеловала ее, воскликнув:

– Спасибо, целитель вы наш! Я запишу ваше имя в своем дневнике!

– Уа, уа! – настаивал маленький Карло.

– Действует! – обрадовался синьор Альфио, закружившись в вальсе.

– Вполне естественно. Секрет очень прост – стоит притвориться, будто не воспринимаете его мысли, и Карло вынужден будет вести себя, как все нормальные дети, и говорить, как последний из неграмотных.

Дети быстро усваивают все и так же быстро могут забыть то, чему научились. Спустя полгода маленький Карло уже не помнил, что превосходил своими способностями транзисторный приемник.

А из дома тем временем исчезли все книги, в том числе

энциклопедии. Не имея больше возможности практиковаться в чтении закрытых книг, малыш утратил и эту способность. Он было выучил наизусть «Божественную комедию» Данте, но забыл. Выздоровев от своих недугов, он стал гораздо спокойнее для окружающих.

Года два или три еще он развлекался, поднимая стулья одним взглядом или заставляя кукол танцевать, не прикасаясь к ним, снимал на расстоянии кожуру с мандаринов, менял пластинки на проигрывателе простым засовыванием пальца в нос, но затем богу было угодно, чтобы он пошел наконец в детский сад, где впервые, чтобы позабавить друзей, показал, как нужно ходить по потолку вниз головой. Но за это его наказали – поставили в угол. Карло так огорчился, что поклялся увлечься вышиванием бабочек, втыкая иголку в точки, специально для него намеченные заботливой воспитательницей на кусочке ткани.

В семь лет он пошел в начальную школу и материализовал на столе учительницы великолепный экземпляр лягушки. Но учительница, вместо того чтобы воспользоваться случаем и объяснить детям, что собой представляют прыгающие амфибии и как они хороши в бульоне, позвала дежурного и отправила Карло к директору. А этот синьор объяснил мальчику, что лягушки – это несерьезные животные, и пригрозил исключить его из всех школ страны и Солнечной системы, если он еще раз позволит себе подобную шутку.

– А можно хотя бы убивать микробов? – спросил Карло.

– Нет! Для этого есть доктора.

Размышляя над этим важным замечанием, Карло по рассеянности материализовал в корзине для бумаг цветущую розу. К счастью, он вовремя успел аннигилировать ее, и директор ничего не заметил.

– Иди, – торжественно произнес директор, указывая на дверь указательным пальцем (жест совершенно излишний, потому что в комнате имелась только одна дверь и было крайне трудно спутать ее с окном), – иди, будь послушным ребенком, и ты станешь утешением своих родителей.

Карло ушел. Пришел домой и стал делать уроки, и все сделал неверно.

– Ну какой же ты глупый! – сказала Чиччи, заглянув к нему в тетрадь.

– В самом деле? – воскликнул Карло, и так обрадовался, что у него чуть сердце не выпрыгнуло из груди. – Неужели я и в самом деле поглупел?

На радостях он материализовал на столе белку, но сразу же сделал ее невидимой, чтобы не вызвать подозрений у Чиччи. Когда же Чиччи ушла в свою комнату, он снова попробовал материализовать белку, но ничего не получилось. Тогда он попробовал материализовать морскую свинку, навозного жука, блоху. И опять ничего не вышло.

– Тем лучше, – вздохнул Карло, – значит, я уже совсем отучился от дурных привычек.

И действительно, теперь его снова зовут Карлино, и он да-

же не помнит, что когда-то возражал против этого.

Венецию надо спасти, или как просто стать рыбой

– Однако, – сказал однажды синьор Тодаро, страхового агент, синьоре Дзанце, своей жене, – ты только посмотри, что пишут в газетах! «По мнению профессора Со Хио Со Хио из Токийского университета в 1990 году Венеция вся целиком уйдет под воду. Из лагун будет торчать только верхушка колокольни Сан-Марко». До 1990 года осталось немного. Не пора ли искать убежище?

– И где же ты думаешь спрятаться, дорогой мой? Может, поедем к моей сестре в Каварцере?

– Бежать из Венеции? – удивился синьор Тодаро. – Нет, лучше давай превратимся в рыб! Тогда сможем жить здесь и под водой! И еще сэкономим на обуви. Ну-ка, труби скорей сбор!

Синьора Дзанце протрубила сбор, и сразу же прибежали дети – Бепи, Нане и Нина, они играли на площади Сан-Паоло. Затем пришла племянница Рина (дочка той самой сестры, что жила в Каварцере) – она проводила время у ворот, высматривая жениха.

– Так, мол, и так, – объяснил синьор Тодаро, – давайте превратимся в рыб и благополучно перенесем экологическую катастрофу.

– Я не люблю рыбу, – сказал Бепи. – Мне больше нравится кура с рисом!

– Однако, – возразил синьор Тодаро, – это не имеет никакого значения! – И скорчил сынишке гримасу.

– Но это означает, – ответил Бепи, – что ты слишком любишь командовать!

– Ладно, в рыбу так в рыбу, – согласился Нане. – Но в какую?

– Я хочу превратиться в кита! – заявила Нина.

– Двойка тебе с минусом! – воскликнул синьор Тодаро. – Разве ты не знаешь, что кит – не рыба? Ну ладно, не будем углубляться в скучные споры о классификации.

– Как это понимать? – спросила синьора Дзанце.

– А так – примемся за работу! Недаром говорят: «Начало – половина дела!», «Время не ждет!» и «Поживем – увидим!» Пошли!

– Но куда, дорогой мой? – удивилась синьора Дзанце. – Уже поздно. Все порядочные венецианские семьи наслаждаются уютом домашнего очага, и мамы – ангелы-хранители этого очага – включают телевизор.

– Однако, – прервал ее синьор Тодаро, – сейчас самое подходящее время. Быстро! Один за другим! Построились! Животы подтянуть! Грудь колесом! Вперед, шагом марш! Минутку, я только захвачу шляпу.

Они вышли на берег канала, вошли в воду и стали превращаться в рыб.

– Сначала, я советую, позаботьтесь о плавниках, – поучал синьор Тодаро. – Надо вырастить один на правой руке, другой – на левой.

– А чешуя? Какого цвета мне выбрать чешую? – спросила племянница Рина. – Может быть, фиолетовую, поскольку я блондинка?

Синьоре Дзанце захотелось сделать себе красный хвост, но она вспомнила о другом и спросила мужа:

– Однако, Тодаро, а дети завтра пойдут в школу?

– Не отвлекайся, Дзанце, сосредоточься!

Но ребята уже обрадовались. Перспектива неожиданных каникул засверкала перед ними, словно канал Гранде вечером во время какой-нибудь исторической регаты. Они удвоили усилия и в несколько мгновений сделали себе великолепные боковые плавники, которые вылезли наружу, продырявив рукава.

– Однако что стало с вашими новыми свитерами! – огорчилась синьора Дзанце.

– Молодцы! Молодцы! – похвалил синьор Тодаро.

Впрочем, он тоже вошел в воду в пиджаке, теперь и у него выглядывали из рукавов плавники.

– А вдруг мы станем маленькими рыбками? – испугалась Нина. – Тогда большие рыбы сразу съедят нас...

– Не бойся, – успокоила Рина. – Мы станем самыми крупными рыбами в лагуне и сами съедим всех!

– Я предпочитаю куру с рисом, – снова напомнил Бепи,

держась на всякий случай подальше от отца.

Утро на канале Гранде было туманным. Туда-сюда снова-ли речные трамвайчики, в самых разных направлениях двигались гондолы и моторные лодки. Синьор Рокко вел свою большую лодку с грузом горчицы, как вдруг увидел в воде крупную рыбину, которая вежливо приподняла шляпу, приветствуя его:

– Так вы будете страховаться или нет? Смотрите, какой туман! Столкнетесь ненароком с кем-нибудь и оставите тут и деньги и горчицу! Подумайте о своих детях, однако!

– Синьор Тодаро... Неужели это вы? Бедняга, не завидую вам, если вас увидят городские стражники! Вы же знаете, что в канале Гранде запрещено купаться!

– Я не купальщик. Я страховой агент.

Люди на пароходиках, в гондолах и моторных лодках с любопытством оборачивались, стараясь рассмотреть говорящую рыбу. Только один английский турист отвернулся и недовольно проворчал:

– Господи, что я вижу! При сером костюме... коричневая шляпа! С ума сойти можно!

Молодой человек по имени Себастиане Морозини – родом из Падуи, студент факультета изящных искусств, а также наследник виллы, украшенной фресками знаменитого Тьеполо, и четырех ферм, где изготовляли знаменитые итальян-

ские сыры «речото» и «амароне» – стоял на мосту у Академии и печально смотрел на след, который оставляла позади себя большая лодка с грузом черничного варенья. Молодой Себастиано был влюблен в графиню Новеллу, но графиня предпочла ему доктора экономических и коммерческих наук из Козенцы, с которым и уехала в Египет. Они встретят Новый год на вершине пирамиды. Молодой Себастиано размышлял, стоит ли покончить жизнь самоубийством сразу, тут же бросившись с моста, или лучше сначала съездить в круиз на Галапагосские острова, чтобы хотя бы раз в жизни посмотреть на игуан, живущих на воле.

Вдруг – сон это или явь? – он увидел грациозно изгибающуюся в воде Рину из Каварцере, дочь сестры жены синьора Тодаро, особенно привлекательную в этой своей фиолетовой чешуе, которая так замечательно контрастировала с ее золотистыми волосами. Померкло – при сравнении – воспоминание о графине Новелле, у которой волосы были выкрашены перекисью водорода, а нос, по правде говоря, был уж очень длинный.

– Синьорина, – обратился к Рине молодой Себастиано, охваченный волнением, – позвольте проводить вас?

Рина заметила, что у молодого человека голубые глаза, и интуитивно догадалась, что он наследник виллы, расписанной знаменитым Тьеполо. Она улыбнулась ему, давая понять, что его общество не будет ей безразлично. Молодой Себастиано, не колеблясь, бросился в воду, превратился в

рыбу и стал прогуливаться с красавицей Риной по каналу, описывая ей одну за другой все четыре свои фермы. Он рассказал ей также о своей несчастной любви к графине и изложил некоторые свои планы на будущее, как, например: нарисовать воду лагуны белой в понедельник, желтой – во вторник, красной – в среду и так далее, объединить Италию, Австрию и Югославию в одно государство со столицей в Венеции, написать роман в тысячу страниц, каждая из которых будет состоять только из точек и запятых, без единого слова, и так далее.

Красавица Рина слушала его и была счастлива.

Между тем синьора Дзанце приплыла вместе с Бепи, Нане и Ниной в район Каннареджо. И многие местные ребяташки, восплавав азартом здорового соревнования, тоже попрыгали в воду и стали учиться у детей синьора Тодаро, как превращаться в рыб. Те же немногие, кто не сумел научиться, вернулись на берег и пошли домой переодеваться. Остальные радовались и помахивали новенькими плавниками.

Но тут на беду их увидела со своего балкончика одна старая учительница-пенсионерка. Вместо того чтобы думать о своих делах, эта настырная синьора, вдова отличного игрока в деревянные шары, подумала о детях: «Жаль, что так много ребят превращается в рыб! Они же останутся без школы, без чтения, которое так любят, без дополнительных материалов по истории, географии и другим предметам, которые обожа-

ют, без тех замечательных диктантов, сочинений и изложений, в которых они души не чают».

И чем больше она думала об этом, тем больше огорчалась. В конце концов она не выдержала, надела свою старую добрую униформу учительницы, поцеловала фотографию покойного чемпиона деревянных шаров, бросилась в канал и превратилась в рыбу-учительницу.

– Дети! Идите сюда! – приказала она, хлопая плавниками.

Детям-рыбам очень хотелось уплыть куда-нибудь подальше – к острову Мурано, к острову Бурано и даже к Торчилло. Но в то же время, будучи учениками, они не могли не повиноваться повелительному призыву учительницы. Правда, они тут же принялись толкать друг друга, ябедничать, показывать язык и упражняться в десятичной системе.

Больше всех огорчились Бепи, Нане и Нина, которые ожидали, что в новых условиях у них будут вечные каникулы. Синьора Дзанце, напротив, была очень довольна, потому что, пока учительница занималась с ребятами, она могла поболтать с приятельницами, которые сидели на берегу и чистили зеленый горошек. Ее красный хвост произвел на них неотразимое впечатление.

Примечательные события произошли и в других районах города. Синьор Тодаро, используя любопытство окружающих, сумел заключить немало договоров о страховании жизни на случай пожара, на случай отравления плохой рыбой

и так далее. Однако он, пожалуй, уж слишком был на виду у всех. Слух о том, что в канале плавает большая рыба, которая, приподнимая шляпу, приветствует знакомых, привлек внимание разных бездельников, в том числе и хозяина дома, в котором снимал квартиру синьор Тодаро.

– Однако, – удивился этот хозяин, – вот, значит, какой ты придумал способ не платить мне за квартиру. Хитро! Но ты от меня не отвертись!

Он тут же бросился в воду, превратился в рыбу и поплыл за синьором Тодаро, требуя ответа:

– Так когда же ты заплатишь мне эти сорок тысяч лир? Когда? Сорок тысяч лир!

Услышав, что речь идет о деньгах, продавец бытовых электроприборов внезапно вспомнил, что синьор Тодаро еще не уплатил ему очередной взнос за телевизор. И он тоже прыгнул с мостика...

В другом конце канала один священник увидел, как прогуливаются увлеченные своими разговорами красавица Рина и молодой Себастиане. Будучи человеком прозорливым и деятельным, он сразу же понял, что влюбленные, ставшие рыбами, не смогут обвенчаться в церкви и им нужна помощь. И он немедленно принял решение стать рыбой-священником, чтобы оказывать поддержку всем новым рыбам. Сказано – сделано. И вот он уже поплыл с двумя плавниками, похожими на крылья архангела. Словом, лагуна заселялась.

Маленький Бепи не любил десятичную метрическую систему исчисления. Миллиметры ничего не говорили ему. Гектолитры тоже оставляли совершенно равнодушным. Ему больше нравилась, как мы уже знаем, кура с рисом. Вот почему он решил покинуть школьные воды и уйти на дно, чтобы поразмышлять там в гордом одиночестве. И что же он там обнаружил? Что лагуна совершенно засорена. Там, где должны были быть мягкий песок и теплый ил, лежали глиняные черепки и водоросли, высились горы не получивших хода прошений. Они были заключены в тяжелейшие контейнеры, вес которых можно было измерить только тысячами кубических метров, центнерами тонн и бесконечным количеством мегатонн.

«Однако, – подумал Бепи, – вот где скопилось все зло десятичной метрической системы. Понятно теперь, почему так поднялся уровень воды. Хотел бы я посмотреть, что стало бы с их умывальниками, бросай они туда столько бумаги!»

Не совсем ясно, кого он имел при этом в виду, но нас это не касается. Бепи, впрочем, уже побежал бить тревогу. Он остановил катер пожарных и с жаром рассказал им о своем открытии:

– Так, мол, и так. Во всем виноваты бюрократические препоны! Устраните их, и все станет на свои места!

– Однако, – воскликнул начальник пожарной команды, – а рыбий паспорт у тебя есть?

Он спросил так, разумеется, только потому, что, будучи

венецианцем, не мог не пошутить. Но потом он уже больше не терял времени даже на вопрос, кто отец Бепи. Он собрал стражей огня и воды и сразу же начал прочищать каналы, устраняя вышеназванные бюрократические препоны. И через несколько часов уже стали заметны первые положительные результаты операции. Дно освободилось от этих чудовищных тяжестей, и уровень воды в лагуне понизился. Острова, фундаменты зданий, мосты и вообще вся суша как бы выплыла наверх и заняла нормальное положение по отношению к поверхности лагуны. Венеция была спасена!

«Дин-дон! Дин-дон!» – празднично зазвонили колокола города.

Синьор Тодаро созвал семью, дал отбой тревоги и вывел своих близких на сушу.

– Больше нет нужды оставаться рыбами. Теперь мы можем снова стать венецианцами. Молодец, Бепи! Сегодня же вечером отпразднуем это событие жареными раками и кальмарами.

– Нет! – возразил Бепи, рассердившись. – Хочу куру с рисом.

Мама, брат и сестра поддержали его. Не возражали против куры с рисом и красавица Рина с молодым Себастиано, которые завтра поженятся и уедут в свадебное путешествие в Местре – в ту часть Венеции, что находится за лагуной, на суше.

– Ну ладно, – согласился синьор Тодаро, – пусть будет ку-

ра с рисом!

И ускорил шаги, чтобы оторваться от кредиторов.

Как Марко и Мирко играли с чертом

Марко и Мирко, как я уже дважды сказал (и больше уже не повторю), совершенно одинаковые близнецы-братья. Но их легко различали, потому что Марко всегда носил с собой молоток с белой ручкой, а Мирко – молоток с черной ручкой.

Однажды Марко и Мирко остались дома одни и сели делать уроки. Им надо было написать сочинение на тему «Что вы знаете о черте?».

Они старательно вывели в тетрадях слово «Сочинение» и задумались.

– Ну и что же мы можем сказать о черте? – спросил Марко.

– Скажем, что он дурак! – предложил Мирко.

– Идет! – одобрил Марко. – Только надо объяснить почему.

– Он дурак, – объяснил Мирко, – потому что делает сквородки без крышек.

Они принялись записывать эту умную фразу, забыв поставить запятую перед словом «потому», но тут из кухни доносился какой-то странный звук – словно кто-то постучал молотком по железу: «Тук-тук-тук!»

Ребята немедленно отправились на разведку. И увидели черта, занятого своим делом.

– Вот теперь я вам покажу! – воскликнул черт. – Видите, я уже сделал сковородку, а теперь делаю к ней крышку. Так что вам придется перестать писать эти глупости!

Это был небольшой чертик, вернее, не очень большой, но, судя по тому, как дымились его рога и как сильно стучал по полу хвост, очень сердитый.

– Вот на эту сковородку я и посажу вас, – продолжал черт, – накрою крышкой и поджарю!

– Ничего не выйдет, – возразил Марко.

– Конечно, – поддержал Мирко. – Сегодня же забастовка газовщиков, и газ не горит.

– А мне наплевать на газовщиков! – заявил черт. – Если мне понадобится огонь, он у меня будет!

– Выходит, ты еще и штрейкбрехер! – с негодованием воскликнули близнецы.

– Ну вот и все! – оказал черт. – И сковородка и крышка готовы!

– Проверим, – предложил Марко и запустил свой молоток. Крышка звякнула: «Дзинь!» – и скатилась в раковину.

– Она должна была звякнуть по-другому: «Дзень!», а не «Дзинь!» – возмутился Мирко. – Сразу видно, что ты использовал второсортный материал. Послушаем, как звучит сковородка.

Он запустил свой молоток, сковородка произнесла: «Дзань!» – и свалилась в мусорное ведро.

– Все неверно! – оказал Марко. – Она звякнула: «Дзань!»,

а не «Дзинь!» С ума сойти можно! Мы никогда не позволим жарить себя на такой фальшивой и притворной сковородке!

– А это мы еще увидим! – заявил черт, поднимая крышку и сковородку.

– Что увидим? – спросил Мирко.

Тем временем молотки, выполнив свой долг, быстренько вернулись в руки к близнецам, потому что это были дрессированные молотки – подражать бумерангу было для них сущим пустяком.

– Увидим, как я вас поджарю на ней! – сказал черт и сразу же понял, что солгал, потому что увидел совсем другое – увидел, как из глаз у него посыпались искры: молотки так застучали по его рогам, словно решили вогнать их внутрь навсегда.

– Ой, ой, ой! – завопил черт.

– Хорошо сказано! – одобрили Марко и Мирко.

– Так не играют! Вы должны были задрожать, как осинный лист, броситься на колени и, проживая горькие слезы, просить у меня прощения. Да бросьте вы, наконец, эти молотки, а то у меня уже голова разболелась! Ай, ай, ай!

– Сдаешься?

– Сдаюсь!

– Как тебя звать?

– Вильям.

– Вот и иди ко всем чертям!

Черт ужасно рассердился, топнул ногой и исчез. Марко и

Мирко успели только увидеть какое-то легкое облачко, которое ускользнуло в щель между кафельными плитками пола, словно сороконожка, убегающая от метлы.

Черт явился к своему начальству и доложил:

– Так, мол, и так, близнецы Марко и Мирко не питают ни малейшего уважения к чертям.

Начальник вскипел от возмущения. Чертей у него было – что волос на голове. Он вырвал один из них, явился другой черт и получил командировку на Землю – улица такая-то, номер такой-то – проучить как следует этих плутов!

Марко и Мирко тем временем продолжали писать сочинение.

– Ну а теперь что напишем? – спросил Марко.

– Чистую правду, – предложил Мирко, – то, что видели, – у черта клетчатые штаны!

Не успели они записать эту историческую фразу, как в дверь кто-то постучал – тук-тук-тук!

– Кто там?

– Это я, черт!

– Тот же самый или другой?

Вместо ответа черт со свистом влетел в замочную скважину. Сначала он был тонюсеньким, как волосок, но едва коснулся пола, как превратился в огромную овчарку с дымящимися ушами. Полаяв, он обернулся совой с огненными глазами. Уселся на люстру – все лампочки тотчас погасли, и светились только его глаза.

– Ну и что дальше? – спросили Марко и Мирко.

– Неужели не страшно?

– Нисколько! Потому что ты не вспомнил про буку.

Сова слетела на пол и превратилась в дракона, с длинными острыми клыками, из которых вылетали искры.

– Опять не испугались?

– Ни капельки! Ты опять забыл про буку. А ведь мы тебе только что подсказали! Зубы у тебя длинные, а память короткая!

– Короче, – заявил черт, – я сейчас посажу вас в мешок и унесу.

– Ничего не выйдет! – возразил Марко. – Мама не велела нам выходить из дома, а мы дети послушные.

– Поэтому сейчас, – добавил Мирко, – мы займемся твоими зубами.

Молотки немедленно отправились в нужном направлении и принялись за работу. Клыки дракона рассыпались на кусочки, упали на пол и звякнули: «Динь-динь!» А потом с легким шипением растаяли, будто масло на сковородке. Черт превратился в муху и уселся на оконное стекло.

– Тут уж вы ничего со мной не сделаете! – сказал он. – Не станете же вы бить своими молотками стекла?

– Наш дядя – стекольщик, – объяснил Марко.

– И он вставит нам стекла бесплатно, – уточнил Мирко.

– Дядя – стекольщик?! Это уже слишком! – завопил черт, стукнул лапкой по стеклу и исчез, оставив черную точку,

как это делает настоящая муха.

Черт явился к начальству, доложил обо всем, и тот от злости чуть не разорвал его на части.

– Вы все предатели! – загремел он, изрыгая дым из ноздрей и ногтей. – Теперь я сам отправлюсь туда! Я покажу вам, как надо действовать, недоумки!

Марко и Мирко продолжали делать уроки. Они писали в тетрадах левой рукой (потому что в правой держали молотки): «Черт очень боится детей!»

Черт-начальник явился к ним прямо в тетрадь – в виде маленького рисунка. Странный, однако, это был рисунок – он подмигивал, пахнул серой и громко свистел. Затем он выскочил из тетради и превратился в огромного трехметроворостого черта, широкого, как диван. Одной рукой он схватил Марко, другой – Мирко, и у него еще остался хвост, чтобы лишить их молотков.

– Как невоспитанно, – сказали в один голос близнецы, – разве можно входить в чужой дом без разрешения?! Мы скажем папе.

Черт держал их на весу и поднес поближе, чтобы рассмотреть получше.

– У вас красные глаза, – сказал Марко. – Вам не помешал бы альбуцид!

– А я могу посоветовать хороший дезодорант, – добавил Мирко. – А еще лучше, просто почаще принимать душ. Уж очень от вас паленым пахнет.

Черт захохотал:

– Послушаем, какие вы мне еще дадите советы, когда я зажарю вас на медленном огне!

В это время в замочной скважине повернулся ключ, дверь открылась, и замогильный голос произнес:

– Бука пришла!

Черт испугался и выпустил Марко и Мирко вместе с их молотками.

Кто же это? Не может быть! Да это же синьора Де Маджистрис, услужливая соседка, которую родители Марко и Мирко просили присматривать за их сокровищами. Она пришла узнать, не надо ли им что-нибудь, не слишком ли они много перебили тарелок и не сломали ли какой-нибудь шкаф.

Синьора Де Маджистрис увидела черта, прятавшегося за диваном, и схватилась за метлу:

– А вы кто такой? Выходите оттуда немедленно!

Черт, увидев метлу, очень обрадовался. Он решил, что синьора Де Маджистрис ведьма. Вышел из своего укрытия и попытался вновь захватить поле боя. Но молотки тут же безжалостно остановили его: тот, что с белой ручкой, принялся стучать по хвосту, а тот, который с черной, – по рогам.

– Синьора! – взмолился черт, кривясь от боли. – Образумьте их наконец!

– Ну, ну, дети! – сказала синьора Де Маджистрис. – Оставьте в покое этого несчастного черта! По-моему, он не замышляет ничего дурного. И вообще нельзя так обращать-

ся с теми, кто просит пощады. В таких случаях в виде милостыни всегда нужно давать людям объедки, а можно еще и фальшивую монетку, чтобы им хотя бы казалось, что вы хотите помочь.

– Молодец, синьора, – сказал черт, – правильно!

Марко и Мирко дали черту передышку, и он тут же исчез. Синьора Де Маджистрис даже не заметила этого, потому что ушла в кухню за объедками для черта. А когда вернулась с куриной требухой, удивилась:

– Ушел? Вы прогнали его? Мне показалось, это милый черт! Ну ничего, я сейчас утешу вас – расскажу сказку о Красной Шапочке.

Марко и Мирно побледнели. И вздрогнули от ужаса, словно их ударило электрическим током.

– Нет! – запротестовали они. – Ради бога не надо! Только не Красную Шапочку!

– Но почему? – удивилась синьора Де Маджистрис. – Такая хорошая сказка. Я очень любила ее, когда была маленькая. Итак, жила-была одна девочка...

Марко и Мирко в ужасе прижались друг к другу. Они уже сто раз слышали эту сказку про Красную Шапочку, но всякий раз – как впервые. Даже больше боялись, чем в первый раз. Потому что тогда они еще не знали, когда на сцене появится плохой волк... А теперь знали... Точно знали, когда именно появится этот ужасный волк... И они пугались при одной только мысли об этом. Они испытывали прямо-таки

дьявольский страх.

А синьора Де Маджистрис неумолимо продолжала рассказывать сказку. Вот Красная Шапочка попрощалась с мамой, вот она бежит по тропинке, входит в темный лес... И вот из-за куста... Так и есть – плохой волк! Марко и Мирко бросились под диван, стуча от страха зубами и умоляя о пощаде. Они обнялись там и затаили дыхание. А молотки их валялись на полу, словно забытые вещи.

– Хватит! Хватит! – взмолились братья.

Но синьора Де Маджистрис не слышала их, потому что слушала только собственный голос. И не видела их, потому что смотрела только на свои спицы. Так и застали ее синьор Аугусто и синьора Эменда, когда вернулись домой. Сначала они заметили не детей, а только их ботинки – все остальное было спрятано под диваном.

– Ах, вот вы где, мои милые чертенята! – ласково сказала синьора Эменда.

– Ну-ка вылезайте, вылезайте, плутишки! – весело добавил синьор Аугусто.

Марко и Мирко поспешно вылезли из-под дивана и крепко уцепились за мамину мини-юбку – теперь они спасены! А мама улыбнулась и сказала:

– Ах вы, милые мои молотки!

Почтальон из Чивитавеккья

Чивитавеккья – городок возле Рима – почти город, поскольку он почти большой и даже портовый – пароходы уходят отсюда в Сардинию. Естественно, что почтальонов в нем хоть отбавляй: их там более двенадцати. И самый молодой – почтальон Грилло, что значит Кузнечик. Вообще-то его зовут Анджелони Джан Готтардо, но в почтовых кругах он известен как Троттино, потому что он всегда «тротта», то есть бежит трусцой. А горожане называли его Грилло, потому что это прозвище имел еще его дед.

Грилло был так молод, что даже был еще не женат. Правда, у него была невеста по имени Анджела, девчонка прехорошенькая, спортсменка. Грилло болел за команду из Тернаны, поскольку его отец был оттуда родом. А девушка вообще не любила футбол. Она любила только Грилло.

– Ты лучший почтальон в Чивитавеккья! – говорила она. – Да что там – на всем Тирренском побережье! Попробовал бы кто-нибудь таскать такую тяжелую сумку, как ты. А когда ты несешь телеграмму, то вручаешь ее так быстро, что адресат получает ее за сутки до ее отправления.

Анджела любила Грилло так сильно, что, когда он попадал под дождь, даже высушивала феном его зонтик.

Грилло работал главным образом в отделе посылок. А что для него посылка? Пустяк! Он взваливал на себя сразу две

дюжины ящичков и шутя разносил их по городу, даже не вспо-
тев при этом нисколько. Так что носовой платок его всегда
был чист, а это – экономия на мыле!

Однажды утром вместо посылки ему поручили доставить
бочку вина. Очень тяжелую! Судите сами: вино было крепо-
стью в 14 градусов! Грилло водрузил бочку на руль своего
мопеда и помчался. В пути кончился бензин. Мопед остано-
вился. Подумаешь! Грилло подцепил бочку большим паль-
цем и отнес адресату.

Вернулся на почту, и начальник тут же позвал его к себе:

– Так, мол, и так. Что же это получается! Носишь бочку
одним пальцем, и смотри, он у тебя даже не погнулся?

– Но ведь это только одна бочка, начальник. А я привык
к настоящим трудностям. На моей шее сидит целая семья,
огромная, как голод, – мать, бабушка, две тетушки – обе ста-
рые девы – и семеро братьев: Ромул, Рем, Помпилий, Тул-
лий, Тарквиний...

– Достаточно! Разве это не имена римских императоров?

– Конечно. Рим – как-никак столица. А мой отец был хо-
рошим патриотом.

– Послушай, – продолжал начальник, – почему бы тебе не
заняться тяжелой атлетикой? Ты бы стал чемпионом мира.

– Думаете?

– Я всегда думаю. А ты когда подумаешь?

– Сегодня вечером, в девятнадцать тридцать.

В девятнадцать тридцать Грилло встретился с Анджелой,

и она, сама спортсменка, с восторгом заявила, что теперь будет болеть за тяжелоатлетов.

– Однако надо все сохранить в тайне, – посоветовала она. – И тренироваться ночью. Ты станешь сюрпризом спортивной арены! Неожиданно всех победишь и сразу же прославишься. Тебя будут интервьюировать на радио, и ты скажешь, что у тебя есть невеста и ее зовут Андже́ла!

Так они и решили. Едва стемнело, и все жители Чивитавеккья заперлись по домам и прильнули к телевизорам (так поступают повсюду: в Милане, Нью-Йорке и Форлимпополи), Грилло начал тренироваться. Сначала он поднял чей-то японский мотоцикл весом в два центнера, потом – малолитражный автомобиль, затем – огромный «кадиллак» и наконец – целый автофургон с прицепом.

– Ты сильнее Мачисте! – заявила Андже́ла, очень довольная.

Мачисте – портовый грузчик, который одной рукой поднимал ящик с болтами. И при этом у него не сидела на шее бабушка, а братьев было всего двое. Семейой он был не обременен.

На следующее утро начальник снова вызвал Грилло:

– Подумал?

– Да. От девятнадцати тридцати до одиннадцати пятнадцати. Но пока все держу в секрете. Хотите, приходите в полночь, увидите.

– В полночь, говоря по правде, ничего не разглядишь.

– Моя невеста захватит карманный фонарик.

В полночь они отправились в порт и взяли лодку. Анджела настояла на том, чтобы самой сесть за весла – Грилло необходимо беречь силы.

Начальник проворчал:

– Подумаешь... Не китов же мы едем искать, чтобы поднимать их?

Грилло в одних трусах прыгнул в воду и подплыл к грузовому пароходу под турецким флагом водоизмещением 1500 тонн.

– Але-оп! – скомандовал он и приподнял корабль над водой настолько, что обнажился винт.

На борту кто-то что-то прокричал по-турецки, но Грилло по-турецки не понимал ни слова и поэтому ничего не ответил.

– Вы видели, синьор начальник?! – воскликнула Анджела и погасила карманный фонарик.

От восторга начальник прямо в одежде бухнулся в воду, обнял Грилло и чуть было не утопил. К счастью, Анджела захватила с собой портативный фен на полупроводниках и быстро обсушила обоих, а также всю одежду начальника, в том числе и белый платочек в нагрудном кармане пиджака.

– Ты станешь гордостью всех почт и телеграфов! – воскликнул начальник. – Только советую набрать в рот воды. Никто не должен ничего знать вплоть до самого последнего дня, когда ты внезапно станешь чемпионом. Тебя будут ин-

тервьюировать на радио, спросят, кто открыл тебя, и ты ответишь: мой начальник доктор Такой-то!

– И скажешь, что у тебя есть невеста, которую зовут Андже́ла! – добавила Андже́ла.

– Можно мне это сказать? – уточнил Грилло, обращаясь к начальнику.

– Разумеется, можно! – ответила Андже́ла.

На следующую ночь, сделав вид, будто едут в Гроссето, они приехали в Рим, чтобы тайком потренироваться в столице. Грилло поднял Колизей, оторвав его от фундамента, а потом бережно поставил на место.

– Слишком торопишься, – недовольно заметил начальник. – Я просто не успел увидеть. Слишком уж ты проворен.

– Эх, начальник, будешь тут проворным, когда у тебя на шее – мать, бабушка, две тетушки – обе старые девы – и семеро братьев.

– А кроме того, – добавила Андже́ла, – он ведь собирается жениться.

– А вот это мне совсем непонятно, – зашептал Андже́ле начальник, пока Грилло мыл руки у фонтана. – Такая красивая девушка, ростом один метр семьдесят три сантиметра, весом пятьдесят четыре килограмма, с такими чудесными зелеными глазами, с такими волосами, и вдруг влюбилась в какого-то жалкого почтальонишку, да еще с такой огромной семьей на шее!

– Имейте в виду, – ответила ему Андже́ла, – что я тоже

занимаюсь тяжелой атлетикой. Если вы еще раз скажете что-либо подобное, я усажу вас на арку Константина, и тогда посмотрим, что будет дальше...

– Будем считать, что я ничего не говорил! – тут же согласился начальник. – Давайте думать о нашем чемпионе. Через две недели начнется чемпионат мира. Я финансирую участие Грилло.

Будущий чемпион потренировался еще немного. Подбадриваемый невестой и начальником, он стал подряд поднимать одно за другим – этрусские гробницы, развалины канала в Монтерано, остров на озере Больсена, гору Соратте, государственный винный склад в Черветери, ну и тому подобное. Словом, потренировался как следует и решил ждать начала мирового чемпионата, который должен был проходить в Александрии.

Начальник оплатил проезд и Анджеке тоже. На корабле она так сразила всех своей фигурой, что не было ни одного моряка, кто не поинтересовался бы, нет ли у нее сестры, на которой можно жениться.

Грилло слегка нервничал. Он чувствовал себя точно так же, как в тот день, когда доставил телеграмму за сутки до отправления.

– Успокойся, – посоветовал начальник, – ты самый сильный тяжелоатлет во всей Солнечной системе. Только не испортишь все своей вечной поспешностью.

– Хорошо, синьор начальник, – пробормотал Грилло, –

просто я не привык зря тратить время, а этот корабль, похоже, не собирается идти в Египет.

Но корабль в Египет все же пришел, спортсмены высадились в Александрии и отправились в гостиницу.

Начальник и Анджела сказали Грилло:

– Тебе надо немножко поспать, чтобы успокоить нервы. А мы тем временем заглянем в спортзал, проверим, все ли там в порядке, нет ли каких подвохов...

И Грилло пошел спать. Но во сне он так торопился, что проснулся... вчера. Посмотрел на календарь и убедился, что сегодня еще понедельник, хотя в Александрию они прибыли во вторник.

– Так и знал, – подумал он, – теперь надо спать вдвое медленнее, чтобы проснуться вовремя.

Он снова уснул, но спал еще поспешнее и проснулся за три или четыре тысячелетия до нашей эры. Проснулся в пустыне, потому что гостиницы в те времена на этом месте еще не было, и увидел перед собой человека в древнеегипетском одеянии. Тот спросил Грилло:

– Квик, квек, квак и квок?

– Ничего не понимаю, – вежливо ответил Грилло. – Мы в Чивитавеккья говорим на другом языке.

Человек повторил еще несколько раз: «Квик! Квек!» – потом позвал двух рабов, те подняли Грилло, отнесли в лодку, полную людей в древнеегипетских одеждах, и сунули в руки весло.

– Квик! – приказал хозяин лодки.

– Это я понял, – проговорил Грилло, – это значит: гребите!

И едва он начал гребсти, как все опустили весла – в них просто не было надобности. Достаточно было усилий одного Грилло, чтобы лодка стрелой полетела вниз по Нилу. Крокодилы в испуге шарахались кто куда, а хозяин так ликовал, что от радости сошел с ума, и его пришлось связать.

Грилло между тем догадался, что его везут на строительство египетских пирамид. Чтобы помочь немного. И он не ошибся. Вскоре в пустыне показалась недостроенная пирамида, а вокруг – тысячи рабов, которые с трудом волочили огромные камни. Тут же оказался и фараон. Он кричал своим секретарям все то же: «Квик! Квек!» Но было совершенно ясно, что фараон сердится, потому что работы идут ужасно медленно. Его секретари со страху попрятались кто куда – боялись потерять голову, а заодно и уши.

«Я, конечно, могу помочь, – подумал Грилло, – мне это нетрудно. Но только до обеда. А потом – премного благодарен, и а риведерчи ⁴!».

Он поднимал эти чудовищные камни, даже не затянув потуже пояс. Каждой рукой – по дюжине. Народ обступил его, и все кричали: «Ойлэ! Квек! Квек!» А фараон от изумления упал в обморок, и к его носу пришлось поднести дохлого кота, чтобы тот очнулся (таков фараонский обычай).

Не прошло и двух-трех часов, как пирамида была закон-

⁴ до свидания (ит.)

чена. Конечно, сразу же – обед для начальства, тосты, речи, поздравления... Фараон захотел поближе посмотреть на чужеземного раба, так удивившего его. С помощью пальцев и некоторых иностранных слов он попытался объяснить с ним и спросил, откуда он родом.

– Вавилония?

– Нет, ваше величество, Чивитавеккья.

– Содом и Гоморра?

– Я же сказал вам, многоуважаемый, – Чивитавеккья.

Фараону надоело спрашивать, и он сказал что-то вроде этого: ну и катись туда, откуда явился. Грилло из осторожности помалкивал: когда спрашивают, всегда лучше говорить поменьше. Он поел, когда дали есть, попил, когда дали пить, а потом ему знаками объяснили, что он может отдохнуть под пальмой.

«Тем лучше, – подумал Грилло, – теперь постараюсь спать медленно-медленно, как можно дольше, чтобы вернуться в наши дни».

Поначалу он не торопясь отсчитывал во сне века, тысячелетия, но привычка спешить все же взяла свое, и он начал беспокоиться, не пора ли просыпаться, не проспал ли.

Он проснулся как раз в тот момент, когда его помощь была совершенно необходима, чтобы закончить Суэцкий канал. Тут, к счастью, Грилло встретил земляка из Чивитавеккья. Звали его Анджелони Мартино. Он оказался школьным товарищем его прапрадедушки. На радостях Грилло даже за-

платил за него, когда они немного выпили.

Засыпая снова, Грилло решил быть умнее и совсем не торопиться. Но перестарался. Он проснулся в гостинице, в Александрии, когда чемпионат мира уже закончился и победили все, кроме участников из Чивитавеккья. Начальник почты улетел в Италию первым же самолетом. А Анджела сидела рядом и помешивала ложечкой кофе.

– Выпей, – сказала она, – уже остыл. Его принесли еще три дня назад. Видимо, тебя обманули, чтобы ты никого не победил. Подсыпали сильное снотворное. Начальник грезит, что подаст в суд. Ну, ничего, в будущем году состоятся Олимпийские игры, и ты непременно победишь и станешь чемпионом!

– Нет, – ответил Грилло, – больше я не хочу побеждать. С таким грузом на шее, как у меня, нет смысла носиться по свету и поднимать тяжести.

– Постой, а на мне не женишься?

– На тебе я женюсь тотчас же, даже на прошлой неделе.

– О нет, меня вполне устраивает завтра.

Прежде чем вернуться в Чивитавеккья, чтобы пожениться, они побывали у пирамид. Грилло сразу же узнал свою работу – труды своих почтово-телеграфных рук. Но он ничего не сказал. Великие чемпионы обычно очень скромны. А самые великие – скромнее всех. Такие скромные, что их имена навсегда остаются неизвестными. Каждый день они поднимают невероятные тяжести, но никому не приходит в голову

взять у них интервью.

Подарочные мышки

Однажды кот задумал разбогатеть. У него было трое дядюшек, и он решил отправиться к ним за советом, как это лучше сделать.

– Надо стать вором, – сказал ему дядя Первый. – Нет лучшего способа разбогатеть без особого труда.

– Я слишком честен для этого, – ответил кот.

– Ну и что? Среди воров немало честных людей, а среди честных сколько угодно воров. Так на так не получается. К тому же ночью все кошки серы.

– Ну я подумаю, – ответил кот.

– Можно стать певцом, – сказал ему дядя Второй. – Нет лучшего способа разбогатеть и прославиться без всякого труда.

– Но у меня нет голоса.

– Ну и что? Многие певцы поют, как петухи, но все равно превращаются в богатых акул. Надо же, как я удачно выразился! Постой, я запишу эту мудрую мысль. Ну так что, решил?

– Я подумаю, – ответил кот.

Дядя Третий сказал:

– Займись торговлей. Открой какую-нибудь милую лавочку, и люди будут выстраиваться в очередь, чтобы принести тебе свои деньги.

– А чем бы стоило торговать?

– Роялями, холодильниками, электровозами...

– Слишком громоздкие вещи.

– Ну тогда дамскими перчатками.

– Но в таком случае я потеряю половину покупателей – мужчин.

– Сделай так: открой табачную лавку на Капри. Великолепный остров. Круглый год прекрасная погода. Туда приезжает множество туристов, и каждый покупает хотя бы одну открытку и марку, чтобы отправить ее родным.

– Ладно, подумаю, – ответил кот.

Он думал целую неделю и наконец решил открыть небольшой продовольственный магазин. Снял подходящее помещение на первом этаже нового здания, разместил там шкафы, прилавки, кассу и усадил за нее кассиршу. А затем, чтобы не тратиться на художника, сам нарисовал вывеску: «Подарочные мышки (Новый консервный деликатес)».

– Какая прелесть! – сказала кассирша. Это была совсем молоденькая кошечка, впервые поступившая на службу. – Подарочные мышки! Гениальная мысль!

– Если б она не была гениальной, – уточнил кот, – она не пришла бы мне в голову.

На другой вывеске, поменьше, кот написал: «Тот, кто купит сразу три банки, в награду получит бесплатно консервный нож».

Кассирша нашла, что у ее хозяина прекрасный почерк.

– Так уж я устроен, – ответил кот, – пишу только прекрасно. Я бы не смог ошибиться, даже если б мне прищемили хвост.

– Однако, – заметила кассирша, – где же эти консервы?

– Будут. Всему свое время. И Рим не сразу строился.

– А если придут покупатели, что мне делать?

– Записать их заказы вот на этом листе. Пусть оставят адреса. Мы будем доставлять товар на дом.

– Синьор кот, – спросила кассирша, – а рассылного вы уже нашли? Я потому спрашиваю, что, если не возражаете, мой брат мог бы...

– Пусть придет и поработает недельку. Посмотрим, годится ли. Оплата – две банки в день.

– А мне сколько?

– Вам – три.

– С консервным ножом?

– Консервный нож вы будете получать на Новый год, в День национального праздника, а также в день моего рождения.

Кассирша нашла, что ее хозяин очень щедр.

На следующий день были получены консервные банки.

– Синьор кот, – сказала кассирша, – но ведь они пустые.

– Так и должно быть. О мышках позабочусь я сам. А вы пока наклейте на банки этикетки. И пусть вам поможет ваш брат.

Брат кассирши был совсем маленьким трехмесячным ко-

тенком. У него было прекрасное настроение, и он носился по магазину, засунув голову в банку.

– Ну-ка, веди себя получше, – сказал синьор кот, – не то я запишу тебе штраф.

Этикетки были яркие и блестящие. На каждой была нарисована мышка, подмигивающая одним глазом, и внизу такая надпись: «Подарочные мышки. Высший сорт. Следите за сроком годности. Остерегайтесь подделок».

– Как? – изумилась кассирша. – Банки еще пустые, а уже есть подделки? А что же в них? Кроты, хомяки...

– Разумеется, подделок пока еще нет, – объяснил синьор кот, – но, когда торговля пойдет полным ходом, они непременно появятся. А если и не появятся, то такая надпись все равно не помешает. Покупатели будут думать: вот как, если эти консервы даже подделывают, значит, они очень хорошие!

– А они и в самом деле будут очень хорошие?

– Великолепные! Экстра-класс!

Кассирша вздохнула. Как умен ее хозяин! У него определенно исключительные способности к торговле. К тому же он еще не женат.

Брат кассирши наклеил этикетку себе на нос и теперь не мог отодрать ее.

– Глупец! – строго сказала кассирша. – Хочешь, чтобы тебя уволили в первый же день? А ведь ты еще не знаешь, что значит заработать банку «Подарочных мышек»!

– Прошу вас, – сказал синьор кот, – присмотрите за магазином. А я отправлюсь на поиски сырья.

Кассирша проводила его томным взглядом. Она находила, что ее хозяин очень красив и усы у него, как у настоящего преуспевающего коммерсанта. Так элегантен! И какой властный взгляд!

«Коммерсант, – подумала она, – это, конечно, не генерал, но почти. А мне к тому же генералы не нравятся, потому что они, как правило, все женаты».

На следующий день кот нашел в подвале первую мышку. Она пряталась там за кучей угля.

– Добрый день, – сказал кот.

– Не знаю, – ответила мышка.

– Ну что это за ответ, любезная?

– А я не знаю, будет ли день добрым. Обычно коты не приносят мне счастья.

– Это будет великолепный день, – заверил кот, – больше того – исторический! Вы будете иметь честь стать первой подарочной мышкой на планете. Разве этого мало?

– Не знаю, – ответила мышка.

– Вы никогда ничего не знаете, – рассердился кот. – Ну-ка сделайте маленький прыжок, заберитесь в эту красивую, нарядную баночку и увидите.

– Что увижу?

– Увидите, что я прав!

– Я бы предпочла посмотреть мультфильм. Кстати, я

вспомнила, он как раз сейчас начнется. Всего доброго!

Мышка шмыгнула в свою норку и, сколько кот ни просил и ни умолял ее, не высунула наружу даже кончик хвоста.

Вторая мышка, которую нашел кот, жила на чердаке, и ее норка была за старым чемоданом.

– Вам повезло, – издали крикнул синьор кот, едва увидел ее.

– Не знаю, – ответила мышка.

– Плохо, – рассердился кот. – Такой ответ я уже слышал от одной вашей подружки, что живет там, в подвале. Придумайте что-нибудь другое.

– Сначала скажите, в чем же мне повезло.

– Да в том, что моя фирма выбрала именно вас для открытия торговли «Подарочными мышками».

– Если мне надо выступить с речью, то я не согласна.

– Никаких речей. Вам нужно только войти вот в эту красивую баночку. Затем вас продадут по нормальной цене и оценят по достоинству.

– Прекрасно!

– В самом деле?

– Жаль, но я не могу принять ваше предложение. Мне нравится идея, и я не могу не оценить мастерство, с каким выполнена этикетка. Только сейчас я собираюсь в отпуск, у меня уже есть билет в Палермо. Не могу же я обидеть государственную железную дорогу и отложить поездку. Всего доброго, и привет жене!

– Я не женат! – выходя из себя, заорал кот.

– Неважно. Передадите, когда женитесь.

Третья мышка наслаждалась свежим воздухом на полянке, на краю города, но хвостик свой опустила в норку, и его держал там ее кузен, готовый по первому же сигналу втянуть ее обратно.

– Как поживаете? – спросил кот.

– Да как вам сказать... – ответила мышка. – В вашем присутствии я обычно чувствую себя неважно.

– Уж очень вы, мышки, пугливы, – сказал синьор кот. – А ведь я пришел сюда с наилучшими намерениями...

– Наилучшими для кого?

– Для вас, разумеется! Знаете, что я думаю? Что вы будете отличным компаньоном в моей торговле продовольственными товарами. Вас устраивает?

– Что именно?

– Вот эта баночка. Смотрите, какая красивая! Будем торговать «Подарочными мышками»! Я возьму на себя большую часть работы, так как займусь продажей.

– Недурно.

– Спасибо.

– Недурно.

– Спасибо. Но почему вы дважды повторили это?

– Один раз для правого уха, другой раз – для левого.

– Ну так пошли?

– Нет.

– Почему нет?

– Потому что мне надо навестить мою бабушку и покатать ее на карусели.

– Вот! – вскипел синьор кот. – Вот все вы, мыши, такие! Вам нет никакого дела до торговли! Вы пальцем не пошевельнете для ее развития, для подъема экономики и укрепления финансов. И вдобавок у вас еще какие-то сумасшедшие бабушки – они еще способны кататься на карусели!

– Ну да, и на качелях тоже. И вы лучше оставьте мою бабушку в покое. Она потому и славная такая, что почти сумасшедшая. Всего доброго, и привет вашим детям!

– Но у меня нет детей! Я не женат.

– Так женитесь и пришлите мне свадебных конфет.

Мышка дала сигнал, и ее кузен, с силой дернув за хвост, так быстро утянул ее в норку, что коту показалось, будто она растаяла в воздухе, словно мыльный шарик, – только что была и уже нет.

– Дела идут прекрасно, синьор кот, – промяукала кассирша, встретив хозяина. – Мы получили уже 117 заказов. Графиня де Фелинис заказала двести банок. Я подсчитала, и получилось, что мы должны дать ей также 66 с половиной консервных ножей. А какую половину ножа нужно дать ей – ту, что с лезвием, или ту, что с ручкой?

Синьор кот проворчал себе в усы что-то невнятное.

– Посмотрите, как хорошо поработал мой брат, – снова заговорила кассирша.

Котенок-рассыльный уложил банки в витрине в виде пирамиды. Некоторые он, правда, перевернул, потому что не умел читать. Но радость от проделанной работы сверкала в его молодых усах.

Синьор кот сказал:

– Ладно, ладно. На сегодня хватит. Идите домой.

– Нашли хороших мышек, синьор кот? – поинтересовалась кассирша, поглаживая свою шубку, как это делают все кассирши, уходя домой.

– Я сказал – хватит! Я плачу вам за работу, а не за распросы.

Кассирша и ее братец поняли, что разговор окончен, и удалились, опустив хвосты.

Синьор кот запер магазин и снова пошел за советом к Третьему дядюшке.

– Дорогой дядюшка, так, мол, и так. Мышки ни за что не хотят забираться в банки, а завтра я должен доставить графине де Фелинис важный заказ. Что делать?

– Дитя мое, – сказал дядюшка коту, – ты забыл о рекламе. Разве ты не знаешь, что реклама – двигатель торговли?

– Конечно, знаю. Я даже пообещал покупателям консервные ножи.

– Такая реклама хороша для покупателей, но совершенно не годится для мышей.

– Но если я им тоже дам консервные ножи, они откроют банки и разбегутся...

– Лучшая реклама для мышей – это сыр.

– Швейцарский или пармезанский?

– Швейцарский, пармезанский, пошехонский – какой угодно, лишь бы они могли делать в нем дырки. Даже твердокаменный качкавал сойдет.

– Хорошо! – воскликнул синьор кот. – Я все понял!

– У тебя толковая готова! – похвалил его дядя Третий. – Впрочем, в нашей семье только такими все и растут. У твоего деда, например, всегда было два дома, и в каждом на кухне – миска для молока и блюдец с мясом.

– Каким образом?

– Днем он жил у ночного сторожа. А вечером и ночью – у учительницы. Когда она уходила в школу, он притворялся, будто провожает ее, и шел к сторожу. А когда сторож уходил на работу, провожал его тоже и возвращался к учительнице.

– Потрясающе! А как звали деда?

– В доме учительницы – Пушок, а у ночного сторожа он был Наполеоном. Мы его звали Умноженный-На-Два.

Синьор кот купил большой круг пармезанского сыра, отнес его в подвал и закрыл им вход в норку. Чтобы выбраться наружу, мышке надо было прогрызть сыр.

– А я поставлю здесь банку наготове, – смеивался кот, – и как только она выскочит из сыра, тут же – прыг! – и окажется в банке. А я – хлоп! – и закрою ее крышкой. И отнесу в магазин!

Поначалу все шло, как он задумал. Мышка, чтобы вылез-

ти из норки, забралась в сыр, проделав в нем ход. Эта работа была ей вполне по душе, потому что сыр был вкусный, выдержанный и ароматный, высшего сорта. Мышкин муж тоже немного потрудился над ним. А семеро мышиных ребятишек всю забавлялись, делая разные боковые ходы и переходы во всех направлениях. Они прекрасно усваивали этот продукт и толстели прямо на глазах.

Мышка, не переставая грызть сыр, размышляла. Делать сразу два дела не составляло для нее труда, потому что это была умная мышка.

«В этом мире, – думала она, – никто не станет дарить тебе круг сыра просто так, ничего не попросив взамен. Очевидно, этот сыр поставлен тут не случайно. И прежде всего надо разузнать, кто положил его на порог моего дома».

Чтобы узнать это, она сделала совсем крохотную дырочку в корке и увидела синьора кота, притаившегося с банкой наготове.

– Добрый день, – сказала мышка.

Синьор кот услышал тонкий голосок, доносившийся из сыра, но ничего не увидел. И все же из вежливости ответил на приветствие, Тем более что узнал мышкин голос.

– Добрый день!

– Что вы тут делаете?

– Не видите? Рекламирую свою продукцию. Что вы об этом скажете?

– Сыр прекрасный!

– Вот видите. А теперь согласитесь – если хорош сыр, то «Подарочные мышки» будут еще лучше. Не хотите ли расположиться в этой баночке? Помочь вам войти?

– Нет, ради бога не беспокойтесь!

– Ну что вы, я рад помочь вам!

– Нет, благодарю. Я не собираюсь выходить.

Синьор кот рассердился так, что и не передать:

– Вот вы какие, мыши! Сыр едите, а взамен ничего не хотите дать! Разве так поступают? В торговле нужно быть корректным: я тебе даю одно, а ты мне – другое.

– Хорошо. Я оставлю вам корку. И мы в расчете.

– Я подам на вас в суд за обман! Вы мне ответите!

– Согласна. В тот день, который никогда не наступит.

– Нет! Сегодня же!

И, говоря так, кот схватил сыр и покатил его к дверям, не обращая внимания на испуганный писк семерых мышат, которые перекатывались внутри.

– Не бойтесь, – успокоила их мышка. – Этот сыр не будет для нас ни ловушкой, ни тюрьмой. Он станет нашей крепостью. Хотела бы я посмотреть, кому удастся вытащить нас отсюда. Спокойствие, хладнокровие и классическая музыка. Для бодрости духа споем наш гимн. – И тут же затянула первую строфу:

Да славятся мышки в сыре,
Самые храбрые в мире!

Муж мышки присоединил к ней свой голос, а затем и семеро мышат перестали плакать и тоже запели:

Да славится на весь мир
Наш пармезанский сыр!

Синьор кот выкатил круг сыра, словно автомобильную шину, из подвала и направился в суд. Люди оборачивались и с удивлением смотрели на него.

– Как странно – поющий сыр!

– Чего же удивляться – это же пармезанский. А в Парме, как известно, все очень любят оперную музыку.

– Да, они, конечно, мастера делать сыр. Только до одного не могут додуматься.

– До чего же?

– Как есть, не работая.

– Этого только ты, чудак, не знаешь! А людей, которые не работают, но едят, сколько угодно!

Кот прикатил сыр к судье и потребовал разбирательства:

– Ваша милость, мышки украли у меня сыр!

– Было бы правильнее сказать, – заметил судья, – что сыр украл мышей.

– Вот именно! Вот именно! – пропищала мышка, выглядывая из дырки в сыре. – Нас захватили в плен, ваша милость. Нас девять человек! В том числе дети младше четырнадцати лет!

– Но вы же съели почти весь мой сыр! – закричал синьор кот.

– Мы его ели, потому что нам его предложили. Это был рекламный сыр. Подарок фирмы, так сказать.

– Это верно? – спросил судья.

– К сожалению, – должен был признать синьор кот.

– Тогда я тоже его попробую, – сказал судья. – Я уважаю рекламу и люблю рекламные передачи по телевидению. А потом я прикажу выдать мышкам охранный пропуск, чтобы они могли спокойно вернуться домой. Синьор кот оплатит судебные издержки. Все!

Ударом молотка судья положил конец судебному разбирательству и облизал усы.

Мышек проводили домой, и они вею дорогу распевали свой гимн, который был написан их предком по имени Иоганн Себастьян.

А синьор кот вернулся в свой магазин, где кассирша с радостью бросилась ему навстречу:

– Маркиза де Сорианис заказала 715 баночек! Они нужны ей сегодня без двадцати восемь. Я подсчитала, что моему брату, чтобы доставить весь товар, придется съездить к ней семь раз!

– Разве я не молодец? – спросил котенок-рассылный. – Разве я не заслуживаю повышения зарплаты?

Синьор кот, не говоря ни слова, уселся на прилавок и задумался. «Вот, – вздохнул он, – благодарность публики.

Ты выкладываешься, открываешь новый магазин, покупаешь банки, наклеиваешь на них этикетки, нанимаешь людей, заботишься об интересах покупателей, и что получается? Ничего. Только расходы на сыр и судебные издержки! И все потому, что мыши не хотят понять условия торговли и совершенно не интересуются проблемами питания.

Конец света! – думал синьор кот, машинально облизывая лапу, все еще пахнущую пармезанским сыром. – Вот и делай после этого добро ближнему. Особенно мышам!

«Мыши, – размышлял синьор кот, вконец расстроенный, и хвост его свисал с прилавка, словно приспущенный в день траура флаг, – живут жалкой, бесславной жизнью. Я готов обеспечить им хорошее будущее, выставить их в витрине на всеобщее обозрение. Я предлагаю им – за свой счет – прочные жестяные, хорошо закрытые банки, с красивыми этикетками работы первоклассных художников. На них мышки выглядят даже лучше, чем в действительности. Я предлагаю в награду покупателям консервные ножи, устанавливаю вполне доступную всем цену. И вот результат. Они саботируют мое предложение и, подкупая судью пармезанским сыром, восстанавливают его против меня. Нет справедливости на этом свете! Нет ничего святого! Лучше бы я стал бандитом!»

И синьор кот на минуту представил себе, как бы это выглядело. Вот он – бандит, разбойник и пират. С черной повязкой на левом глазу. На хвосте черный флаг с черепом и скрещенными костями. Его девиз: «Там, куда ступают мои

лапы, мышцы не растут».

Он уже видел огромные заголовки в газетах, восхищенно рассказывающие о его подвигах: «Снова нападение Грозы Подвалов!», «Миллион мышей в награду тому, кто поймает Кота-бандита!», «Дрожат все хвосты в городе!»

– Синьор кот, – спросила в этот момент кассирша, – что мне делать с графиней де Фелинис и маркизой де Сорианис?

– Синьор кот, – поинтересовался брат кассирши, – для доставки товаров на дом мне взять мой трехколесный велосипед или фирма предоставит фургончик?

– Синьор кот, – снова заговорила кассирша, – приходил налоговый инспектор. Он посмотрел в кассу, увидел, что там нет ни одного сольдо, и сказал, что вернется завтра, даже если будет идти дождь.

– Синьор кот, – продолжал брат кассирши, – раз уж сегодня тут нечего делать, можно я пойду играть с друзьями в футбол? Знаете, я ведь стою на воротах. Беру самые трудные мячи. И, может быть, в будущем году стану играть в национальной сборной.

Синьор кот вздохнул. Какая ответственность! Товар, покупатели, кассирша, налоги, рассыльный, национальная сборная...

– Друзья мои, – решительно сказал кот, – перевернем страницу. Торговля «подарочными мышками» закончена. Наверное, эта идея родилась несколько преждевременно. Люди не всегда сразу оценивают гениальные идеи. Галилео

Галилей, сказав, что Земля вертится вокруг Солнца, тоже вынужден был пережить немало неприятностей. Я уж не говорю про Христофора Колумба, который хотел открыть Америку, и никто не давал ему для этого трех каравелл. Обо мне будут судить потомки.

– Да, – пропела кассирша, тая от восторга.

– Я принял решение. С подарочными мышками покончено. Теперь я буду продавать яд против мышей.

– Какая потрясающая мысль! – вздохнула кассирша.

– Если б она не была потрясающей, – сказал синьор кот, – она не пришла бы мне в голову. Начнем торговать ядом против мышей, и дела у нас пойдут отлично. В этом вопросе я дока.

– Какой же вы молодец! – промяукала кассирша.

– И тоже будем доставлять товар на дом?

– Будем.

– А как вы будете нам платить? Надеюсь, не мышиным ядом?

– Буду платить наличными.

– Тогда мне придется научиться считать, – вздохнул рас-сылный. – А пока я могу идти играть в футбол?

– Иди, иди! – великодушно разрешил кот. И, сняв с витрины старую вывеску, тут же написал новую, которая гласила: «Яд для мышей, высшего качества. Тот, кто купит сразу три банки, в награду бесплатно получит четвертую».

– Какой прекрасный почерк! – восхитилась кассирша.

– Это еще что, – ответил синьор кот, – когда я пишу на пишущей машинке, у меня еще лучше выходит.

– Вы превосходите самого себя, – сказала кошка.

– Что поделаешь, таким уж я уродился. Представляете, когда я веду машину, то мне удается обогнать даже самого себя.

– Потрясающе! Я расскажу об этом моей маме. А знаете, что она все время спрашивает о вас?

Синьор кот не сказал, знает он это или нет.

Но в конце концов все-таки узнал. И в самом деле, кот и кошка поженились и жили счастливо и дружно, ссорясь с утра и до вечера. Они царапали друг другу носы, швырялись банками с ядом, набрасывались друг на друга с консервными ножами. Мышки немало развлекались, глядя на этот спектакль. Больше того, одна из них устроила свою норку прямо в магазине, и ее друзья, родственники и знакомые приходили к ней в гости только для того, чтобы посмотреть на семейный скандал этой милой и чудесной супружеской пары.

За каждый такой «просмотр» мышка брала с гостей по десять лир.

Все говорили, что это дорого. Но платили и смотрели.

Мышка стала такой богатой, что поменяла имя и стала называться баронессой.

Мистер Каппа и «Обрученные»

Было десять часов утра. Шел урок литературы. Со старым учителем Ферретти ученики обычно вполне разумно использовали эти драгоценные пятьдесят минут. Они обменивались через парты и даже через ряды парт записками самых различных размеров на самые животрепещущие темы. Например, о немецком кино в период между двумя войнами, о футболе, о бурном росте числа мотоциклистов на японских островах, о любви, о деньгах (заклучая пари на мороженое или сдобную булочку), о книжках-картинках, сигаретах и так далее. Но все сильно изменилось с тех пор, как старого учителя сменил новый – синьор Феррини. Он сразу дал понять, что для него литература – это действительно урок литературы, а сама литература – это прежде всего «Обрученные»⁵. И вот теперь они сидели и пытели над изложением по этому роману.

Синьор Феррини, вооружившись девятихвостой плеткой, ходил по классу и заглядывал в тетради, желая убедиться, что в каждой найдет изложение двенадцатой главы бессмертного романа и что ученики не списывают друг у друга, иначе все изложения будут похожи, как зеркальные отражения.

Ученик Де Паолис дрожал мелкой дрожью – он переска-

⁵ Известный исторический роман выдающегося итальянского писателя Алессандро Манцони

зал только первый и последний абзацы главы, а промежуток между ними заполнил образцом газетной прозы, который наугад выхватил из передовой статьи газеты «Паэзе сера»⁶. Так что при внимательном чтении его изложение прозвучало бы так: «В этой главе Автор вспоминает, что урожай зерна в 1628 году оказался еще более жалким, чем в предыдущий год. Но только упорная борьба за перемены как в области политики, так и в социальной структуре общества может вновь открыть социалистам возможность войти в правительство, при условии, что...»

Убедившись, что слово Автор написано, как и полагается, с заглавной буквы, синьор Феррини хотел пройти дальше, но вдруг закричал от ужаса – он обнаружил, что ученик Де Паолис, экономя бумагу и чернила, исправил заголовок предыдущего изложения – «Глава одиннадцатая» на «Глава двенадцатая». Незадачливый ученик тут же понес наказание – получил семь ударов плеткой по брюкам. И надо отдать ему должное, даже не пикнул.

А потом суровое лицо синьора Феррини осветилось радостной улыбкой.

– Я вновь хочу воздать хвалу ученице Де Паолоттис, – торжественно заявил он, – за ее безупречное изложение, написанное, как всегда, изящным слогом. Де Паолоттис проявила себя тонким наблюдателем и аналитиком, глубоко раскрыла содержание главы, работа ее превосходна, а пунктуация без-

⁶ Газета итальянских социалистов

ошибочна! Вы же, господа, хорошо знаете, какое большое значение придавал Мандзони пунктуации.

Ученица Де Паолоттис скромно опустила глаза и очки и «потеребила косу в знак легкого смущения. Мальчики и девочки поздравили ее, преподнесли ей букеты цветов и коробки шоколадных конфет с брелоком внутри, на котором выделялся знак Зодиака – созвездие Девы. Хорошо придумано, ничего не скажешь!

Когда же синьор Феррини вернулся к учительскому столу, все увидели, как он внезапно вытаращил от ужаса глаза и побледнел от отвращения, словно притронулся к сколопендре. Он нервно скомкал листок бумаги, лежавший на столе, и сунул его в карман. Потом сказал, что у него начался приступ полиневрита, выбежал из класса, а затем и из школы, поймал такси и велел водителю ехать к мистеру Каппа, самому знаменитому и высокооплачиваемому частному детективу во всей области Лацио.

Мистер Каппа не дал ему и слова выговорить.

– Подождите! – приказал он. – Садитесь вот сюда! Шляпа – коричневая, галстук – черный... Учитель, не так ли? Нет, нет, молчите! Все вопросы только ко мне. Учитель литературы, верно? Судя по вашим тупоносим ботинкам, речь пойдет, видимо, об «Обрученных», не так ли?

– Как вы угадали?

– Я не угадал, а понял это по вашей нервозности. Итак, рассказывайте.

– Я получил анонимное письмо, в котором лучшая ученица класса Де Паолоттис обвиняется в том, что списывает изложение бессмертного романа из какой-то тайной тетради. Я в это не верю, но...

– Вполне понятно. Истина превыше всего! Надо провести расследование. Сто пятьдесят тысяч лир в качестве аванса и по сто тысяч в день на мелкие расходы. Вас это устраивает?

Синьор Феррини покачнулся. При его-то зарработке... да при нынешних ценах на ветчину... Ему придется продать даже шляпу, чтобы уплатить по счету. Но неважно – истина превыше всего. Истина любой ценой!

– Согласен! Я оплачу также и кофе, который вы будете пить.

– Благодарю вас. Встретимся через семьдесят два часа в это же время. Давайте сверим часы.

Синьор Феррини, выйдя из дома детектива, упал от волнения с лестницы и сломал зонтик, а мистер Каппа немедленно принялся за дело. Он переоделся продавцом детских энциклопедий в рассрочку и отправился к ученице Де Паолоттис, у которой как раз был брат девяти с половиной лет. Объясняя членам семьи Де Паолоттис достоинства «Малой научной библиотеки» в трехстах четырех томах и девяноста восьми словарях, детектив незаметно спрятал в цветочном горшке телекамеру, пристроил под телефоном портативный магнитофон, а счетно-решающее устройство на батарейках засунул за портрет дедушки в форме лейтенанта-берсалье-

ра. Затем он предоставил семейству Де Паолоттис восемь дней на раздумье, покупать энциклопедию или не покупать, и укрылся в подвале, в котле парового отопления (он обладал исключительной способностью легко переносить высокую температуру). Благодаря этим инструментам и вышеописанной хитрости мистер Каппа за несколько часов узнал: первое, что ученица Де Паолоттис время от времени действительно переписывает изложение из тайной тетради, которую старательно прячет в том ящике комода, где лежат колготки;

второе, что эта тетрадь была ей подарена в день рождения двоюродной сестрой, которая живет в Верхнем Бергамо в холодную погоду и в Нижнем Бергамо в теплое время года;

третье, что двоюродную сестру зовут Роберта, ей девятнадцать лет, она блондинка, рост ее 170 сантиметров, и глаза у нее зеленые. Как раз такой тип девушек, какой особенно нравится мистеру Каппа.

Не теряя времени даром, мистер Каппа на своем личном боевом самолете немедленно поспешил в Бергамо, представился синьорине Роберте, влюбил ее в себя и в обмен на обручальное кольцо добился полного признания:

– Изложение по «Обрученным»? Ну конечно, дорогой! Я обменяла эту тетрадь много лет назад на блок американских сигарет у одного паренька, который одолжил ее у своей тетушки, но так и не вернул.

– Имя!

– Да разве вспомнить! Может быть, Дамиано, а может, и Теофрасто.

– Да нет же! Как звать его тетушку?

– Анджелина Педретти. Она живет в Бусто Арсицио, проспект Мандзони, номер 3456, квартира 789. Куда ты, дорогой?

– У меня тут одно срочное дельце. Я вернусь завтра, чтобы жениться на тебе. Давай сверим наши часы.

Пренебрегая густым туманом, мистер Каппа полетел в Бусто Арсицио. Он отыскал дом Анджелины Педретти, ловко расспросил привратницу и выяснил, что «синьорина Анджелина» умерла несколько месяцев назад, отравившись грибами.

Что делать? Мистер Каппа купил газету и стал лихорадочно листать ее, отыскивая объявления. Наконец он нашел то, что искал: «МЕДИУМ высшей категории. Связь с потусторонним миром гарантируется. Вексели в оплату не принимаются».

Медиум жила в Бризигелле, в Романье, и любила сладости. За сто килограммов анисовой карамели она немедленно провела спиритический сеанс, во время которого вызвала сначала дух вождя галлов Верчинджеторидже и Карла Великого. Но они несколько не интересовали мистера Каппа. Наконец появилась синьорина Анджелина Педретти. Это она раскачивала столик. Похоже, она не прочь была пооткровенничать. Столик прямо дрожал от нетерпения. Муж женщи-

ны-медиум переводил разговор.

– «Обрученные»? Нет, я их не читала.

– Разве вы не проходили этот роман в школе?

– Вот поэтому-то я и не стала его читать.

– Но разве не вы одолжили тетрадь с изложениями вашему племяннику... то ли Дамиано, то ли Теофрасто?

– Нет, нет, совсем не Теофрасто. Его звать Габриелло.

– Так, значит, это вы писали изложения?

– Боже упаси! Эту тетрадь я получила в наследство от моей бедной бабушки.

– А, понятно. Значит, их писала ваша бабушка?

– Вовсе нет! Ей тоже подарили эту тетрадь.

– Да кто же, черт возьми!

– Один гарибальдиец, который был почти что женихом бабушки до того, как она вышла замуж за дедушку. Он воевал вместе с Гарибальди, и бабушка говорила, что это был очень красивый парень. Только дедушка был еще красивее, и к тому же у него был обувной магазин в Виджевано. Поэтому она и вышла замуж за него, а не за гарибальдийца.

Мистер Каппа не ожидал столь патриотического рассказа, но терпеливо дослушал до конца и сказал женщине-медиуму!

– Спросите-ка у синьорины Анджелины, не поможет ли она нам отыскать этого гарибальдийца и привести его сюда в качестве свидетеля.

– Попробую, – ответила синьорина Анджелина. – Но на

это потребуется время. Нас тут так много и все так перемешалось... Дайте мне хотя бы пять минут.

Мистер Каппа и женщина-медиум закурили, но не успели докурить свои сигареты, как медиум снова впала в транс и заговорила:

– Кто-то там есть, кто-то есть...

– Синьорина Анджелина, это вы? – спросил мистер Каппа.

– Нет, – отчетливо произнес чей-то баритон.

– Чудеса! – воскликнул муж женщины-медиума. – Даже столик не нужен. Духи сами говорят!

– Ты гарибальдиец? – спросила медиум.

– Я личный секретарь сенатора Алессандро Мандзони, – ответил баритон.

– Бессмертного создателя «Обрученных»! – воскликнул мистер Каппа, уронив от волнения пепел на свой жилет.

– Чудеса! – повторил муж женщины-медиума. – Оказывается, он был сенатором!

– Его превосходительство, – продолжал голос, – поручил мне передать вам, что эти изложения написал он сам, собственноручно, чтобы помочь племяннику своей жены, который был не в ладах с учителем литературы.

– Выходит, – поспешил заключить мистер Каппа с присущей ему остротой мышления, – тайная тетрадь, которую гарибальдиец подарил бабушке синьорины Анджелины и которая сейчас находится у синьорины Де Паолоттис, это не что иное, как бесценный автограф великого Мандзони?

– Ничего подобного, – ответил личный секретарь, – это лишь простая копия. Его превосходительство велел племяннику жены сделать двенадцать экземпляров изложений, а сам оригинал сжечь. Племянник подарил двенадцать копий своим лучшим друзьям, каждый из которых согласно воле дона Алессандро Мандзони сделал еще двенадцать копий. И так далее...

– Чудеса! – опять воскликнул муж женщины-медиума. – Выходит, этот синьор Мандзони изобрел непрерывную цепочку.

Мистер Каппа погрузился в долгое размышление и наконец обратился к духу:

– Если я не ошибаюсь, то сейчас в Италии должно быть по меньшей мере шестьдесят две тысячи восемьсот двадцать девять копий знаменитой тетради?

– Совершенно точно, – подтвердил дух. – Но все это должно остаться тайной. Ни слова школьному начальству и журналистам! Таково повеление Алессандро Мандзони. Договорились? Чао!

Мистер Каппа бессильно опустился на пол. Техническая сторона дела выяснена. Но факты оказались куда более серьезными, чем это следовало из анонимного письма, и затрагивали интересы куда более важных лиц, чем скромная ученица Де Паолоттис. В душе мистера Каппа шла смертельная борьба двух противоположных начал: чувства профессионального долга перед клиентом, который платит ему, и

чувства уважения к пожеланию великого писателя, который требовал хранить гробовое молчание, От столь тяжелых переживаний у него закружилась голова и начались такие боли, что даже буйвол обезумел бы от них. Тогда он принял две таблетки аспирина, и головная боль прошла.

Он расплатился с женщиной-медиумом, полетел в Бергамо и женился на Роберте, отвез ее на личном свадебном самолете в Рим и примчался в свою контору за три минуты до назначенной заранее встречи с синьором Феррини. В течение ста восьмидесяти секунд ожидания мистер Каппа непрерывно задавал себе один и тот же вопрос: «Что же я теперь скажу ему?»

Минуту спустя в дверь постучали... Но вошел не синьор Феррини, а посыльный. Он принес письмо от учителя. В письме говорилось: «Глубокоуважаемый мистер Каппа, oroшу вас прекратить расследование. Ученица Де Паолоттис в порыве благородства чистосердечно призналась мне в невинном обмане. Но я не смог наказать ее, потому что накануне ночью мне явился во сне Джузеппе Гарибальди и сурово сказал: „Как ты можешь требовать, чтобы обыкновенный ученик в нескольких строках рассказал обо всем том, о чем великий писатель смог рассказать лишь на многих страницах?“ По-моему, Герой двух континентов был, как всегда, прав. Аванс, так и быть, оставьте себе. Ваш покорный слуга Гвидоберто Феррини».

Роза и хлыст

Синьор Мамбретти, владелец фабрики запчастей для штопоров, о котором мы уже не раз говорили, купил себе сад со множеством фруктовых деревьев. Садовником он взял к себе Фортунино.

– Что за дурацкое имя дал тебе отец? – спросил синьор Мамбретти, едва услышал, как его зовут.

– В честь маэстро Верди, синьор.

– Но Верди, кажется, звали Джузеппе?

– Джузеппе – это точно. А второе его имя было Фортунино. И третье – Франческо.

– Ну, ладно, ладно, – сказал синьор Мамбретти. – Лучше поговорим о грушах. Завтра у меня обедают синьор Мамбрини и синьор Мамбрилло, и я хочу угостить их плодами из моего сада. Так что подай к столу вазу с самыми красивыми грушами.

Фортунино побледнел:

– Синьор, но сейчас еще нет никаких груш!

Мамбретти посмотрел на него с удивлением.

– Но как же так? – сказал он. – Грушевое дерево, по-моему, крепкое, здоровое...

– Это верно. Я хорошо ухаживал за ним – подкормка, инсектициды, окучивание и так далее. По всем правилам.

– Молодчина! Тогда что же это дерево делает в моем са-

ду? Надо отколотить его как следует палкой. Пробовал? А двойку ему поставил в регистрационном журнале?

– В каком журнале, синьор?

– Значит, у тебя даже нет журнала? А еще говоришь – по всем правилам! Дорогой Фортунино, с растениями надо быть строгим. Дисциплина и порядок – прежде всего! Вот смотри!

Синьор Мамбретти взял палку, спрятал ее за спиной и направился к грушевому дереву, которое, если б могло, наверное, запело бы: «Слышу шаги Командора...»

– Ну и что же это получается? – обратился синьор Мамбретти к дереву. – Капризничаем, значит? Вбили себе в голову всякую блажь?

– Но, синьор... – перебил его Фортунино.

– Молчать! Кто здесь хозяин?

– Синьор Мамбретти.

– Так-то! Молодчина! Ну и как хозяин я воспользуюсь палкой.

И он принялся колотить палкой по стволу дерева, которое тут же обронило от страха все свои цветы.

– Для первого раза, пожалуй, хватит, – сказал синьор Мамбретти, отбросил палку и вытер пот со лба. – Все хорошо в меру. Нужно быть справедливым. Вот увидишь, какие замечательные груши появятся завтра на этом дереве!

Бедный Фортунино хотел было возразить, что теперь это дерево уже не даст больше плодов ни завтра, ни через полго-

да, потому что оно осталось без цветов. Но так как говорить он был не мастер, то еще раньше, чем открыл рот, синьор Мамбретти скрылся в доме.

– Господи, – прошептал Фортунино, – что же будет завтра? Я почти уверен, что хозяин рассердится, и груше достанется новая порция палочных ударов.

Он думал об этом целый день и наконец придумал, как спасти несчастное дерево. Он пошел домой, открыл свою копилку и поспешил в город – в магазин, где продаются самые ранние фрукты и овощи и где груши бывают в любое время года. Он купил два килограмма, подождал, пока стемнеет, вернулся в сад и повесил эти прекраснейшие груши на ветки дерева одну за другой, но не как попало, а покрасивее. Один плод, сияющий своей красотой, тут, два других, совершенно одинаковых, там, а на ветке повыше сразу три груши – две крупные и одну маленькую – ну прямо счастливое семейство на прогулке!

Настало утро, и синьор Мамбретти пришел посмотреть, что происходит в саду. Он увидел на дереве груши и потерял руки от удовольствия:

– Ты видел? Видел? Дорогой Фортунино, это самые прекрасные плоды, какие давало когда-либо грушевое дерево на юг от Вероны и на север от Пистойи! И это все потому, что тут поработала палка. Собери их и отнеси моей жене. И запомни – с деревьями незачем деликатничать. От них нужно требовать слепого, полного, абсолютного повиновения! И

если они не вытягиваются в струнку, наказывать. Ты меня понял?

Славный Фортунино покраснел и опустил голову. Он не мог сказать правду, а врать ему совесть не позволяла. И он решил промолчать. Впрочем, сегодня хозяин был доволен, а завтра видно будет.

На следующее утро синьор Мамбретти снова пришел в сад и сказал, что ему нужны розы.

– И обязательно белые! – объяснил он Фортунино. – Потому что для моей сестры, а ее зовут Бьянка. Это же значит белая. Понял, как тонко задумано?

– Понял, синьор, – ответил садовник. – Только, видите ли, белые розы еще не распустились.

– Не распустились? А почему это они себе позволяют такое? Разве они не знают, что хозяин здесь я?

– Видите ли, синьор...

– Я ничего не вижу! И ничего не слышу. И ничего не хочу знать. Принеси-ка мне хлыст!

– Не хотите же вы... отхлестать это несчастное растение?

– Растение растению рознь. Это уже достаточно взрослое, чтобы понимать свои обязанности. Упрямство надо ломать в молодости! Когда любят, наказывают! Дай-ка сюда...

– О я несчастный...

– А при чем здесь ты? Я же не тебя собираюсь бить, вот еще! Я хочу только показать тебе, как можно заставить розу расцвести, когда это нужно хозяину, а не сообразно ее ка-

призам и причудам.

Пока синьор Мамбретти хлестал розу, Фортунино стоял, прикрыв глаза. Он слышал как-то поговорку: глаз не видит, сердце не болит. Но сердце у него все равно болело.

– Ну вот, все в порядке! Вот увидишь, как прекрасно расцветет завтра утром эта милая синьорина. Тут нужна воля! Понятно, Фортукино? Твердая рука! Железная хватка!

Оставшись один, Фортунино стал утешать розу, говоря ей разные ласковые слова, не сомневаясь, что она его понимает. И даже положил к ее корням пару таблеток аспирина – может быть, ей не так будет больно. Но потом опять заволновался.

– А что будет завтра?

Вся беда в том, что у него не было другой копилки, которую можно было бы открыть, и ему пришлось сесть на велосипед и поехать к свояку, чтобы одолжить у него пять тысяч лир.

– Мне очень жаль, – сказал свояк Филиппо, – но как раз сегодня утром я заплатил очередной взнос за телевизор. У меня осталась только тысяча лир. Если это тебя устроит...

– Спасибо, – вздохнул Фортунино.

Чтобы собрать пять тысяч лир, ему пришлось навестить одного за другим свояка Риккардо, свояка Радамеса (которого называли так в честь маэстро Джузеппе Верди, автора оперы «Аида»), свояченицу Бертолину, которая прочитала ему лекцию о язве желудка, тетушку Бенедетту, которая долго расспрашивала его о разнице между хреном и редькой (ведь

хрен редьки не слаще), а также тетушку Энеа (которую так называли по ошибке – ее отец думал, что Энеа – женское имя). Он едва успел в цветочный магазин, чтобы купить пять роз, доставленных с юга. Когда стемнело, он пошел в сад, подвдвзал розы к кусту и прошептал:

– Хоть бы ему хватило этих роз! Больше я не смог купить для тебя. Ты же знаешь, как растут сейчас цены. Синьор Мамбретти тоже повысил цену на запчасти для штопоров.

Но хозяину пяти роз оказалось мало.

– Я же сказал – две дюжины!

– Да нет же, вы не говорили этого, синьор!

– Что? Ты еще начинаешь спорить со мной! Забываешь свое место! А ну-ка дай сюда хлыст!

– Нет, ради бога, только не хлыст!

– Именно хлыст!

Синьор Мамбретти сам пошел за ним и начал расправляться с розой. А потом заодно, раз уж он был в саду, наказал тую за то, что она пожелтела с одной стороны, отколотил палкой кипарис за то, что у него скривилась ветка, а кедр за то, что у него слишком высоко растут шишки – их не достать даже с лестницы.

– А эта плакучая ива почему не плачет? А эта ель почему совсем не растет? А этот ливанский кедр даст наконец кедровые орешки или нет?

– Хватит, хватит! – умолял его Фортунино со слезами на глазах.

– Хватит? – вскипел синьор Мамбретти. – Действительно хватит возиться с тобой и твоим маэстро Верди! Ты уволен! Можешь получить деньги в конторе.

Теперь вместо плакучей ивы плакал Фортунино. И это было очень некстати, потому что слезы застилали ему глаза, и он не видел, куда надо идти за деньгами, все время попадал не в ту дверь, и его отовсюду выгоняли.

– Завтра я приду посмотреть на вас! – крикнул синьор Мамбретти, обращаясь к деревьям, кустарникам и цветам своего сада. – И горе вам, если вы не возьметесь за ум! Всем поставлю двойки по поведению!

Настал вечер. Пришла ночь (как раз в тот момент, когда ей и положено, – ни минутой раньше, ни минутой позже). Сад укрылся в темноте и замкнулся в тишине. Но под землей, где корни, переплетаясь, уходили на разную глубину, возник таинственный сговор. Растения договорились приступить к действиям. Не надо думать, что они – существа неодушевленные. Они очень даже могут постоять за себя.

Всю ночь переговаривались под землей корни, и им не мешали ни беготня мышей, ни кроты, ни черви.

Утром синьор Мамбретти пришел в сад, полный самых твердых намерений, гордо осмотрелся и прежде всего направился, конечно, к розе.

– Ни одного цветка, – отметил он. – Отлично. Так и должно быть. А я, выходит, дурак, способный только болтать языком. Или, быть может, я говорю по-турецки? Так вот, ты

ошиблась, дорогая! Еще никто никогда не мог устоять передо мной.

Говоря так, синьор Мамбретти угрожающе взмахнул своим хлыстом и двинулся к розе, собираясь проучить ее. Но едва он сделал шаг, как запнулся о корень, который выставила в этот момент из-под земли ива. Чтобы не упасть, он ухватился за розовый куст, и тот всадил в него длинный, как кинжал, шип, который глубоко процарапал ему руку. Ель, даже не обращаясь за помощью к ветру, стала сильно раскачивать верхние ветки и сбросила на него свою самую тяжелую – с полкилограмма – шишку. Она раскололась, орешки высыпались на землю, тут же прибежала белочка и собрала их.

Синьор Мамбретти упал и сердито закричал на ель:
– Бессовестная! Вот погоди, я тебе еще покажу!

Тогда ель сбросила ему на голову другую шишку. Затем третью. Четвертую – еще больше. Синьор Мамбретти пустился наутек. И этим тотчас же воспользовался кипарис. Своей самой низкой веткой он подставил ему ножку. Мамбретти снова оказался на земле, теперь уже на лопатках. Грушевое дерево, не имея возможности сделать что-то другое, метнуло ему в глаза дохлую цикаду.

– Так это, выходит, заговор! – вскричал синьор Мамбретти. – Вооруженное восстание! Бунт!

Вместо ответа сосна зашвырнула ему в рот горсть иголок. И синьор Мамбретти долго выплевывал их.

– Я еще покажу вам! – снова закричал он, как только смог

произнести хоть слово. – Я искореню вас, как пырей! Раскромсаю на мелкие кусочки и сожгу на костре! От вас не останется даже семян!

Тут акация протянула свои ветки и схватила его за горло, словно хотела задушить, но ограничилась тем, что заставила его замолчать и не отпускала, пока микоза щекотала его под носом.

Наконец синьор Мамбретти вырвался из ее объятий и убежал, крича:

– На помощь! На помощь! Фортунино!

– Меня здесь нет! – ответил Фортунино, который любовался спектаклем, сидя верхом на ограде. – Неужели вы не помните, что уволили меня? Так что я сейчас иду в кино.

Синьор Мамбретти вернулся домой и как следует запер двери. Потом подбежал к окну. Сад был спокоен, как никогда. Деревья как ни в чем не бывало стояли на своих местах.

– Ну и фарисеи! – проворчал синьор Мамбретти. Потом он пошел в ванную и наклеил себе по меньшей мере дюжину пластырей.

Рыболов с моста Гарибальди

Синьор Альберто, по прозвищу Альбертоне, был заядлым городским рыболовом. Он ловил рыбу в Тибре с моста Гарибальди и с других римских мостов всегда одной и той же удочкой, но не всегда на одну и ту же наживку. Потому что одни рыбы любят сушеные фиги, другим больше нравятся сверчки, а третьи предпочитают простых червячков. Но вот беда – самого Альбертоне рыбы нисколько не любили! На его приманку они не клевали ни зимой, ни летом. А ведь он просиживал на мосту целыми днями и все ждал, вдруг клюнет лещ или сжалится над его поплавком какая-нибудь скромная плотвичка и рванет его наконец с такой силой, что утащит под воду заодно и сердце упрямого рыболова. Если вам доводилось проезжать по мосту Гарибальди рано утром и возвращаться той же дорогой на закате, если ваши друзья по вашей просьбе заглядывали на мост в самое разное время дня, то вы, конечно, уже убедились, что он сидит там всегда. Его нетрудно узнать по сутулой спине. К вечеру от огорчения, что так и не удалось ничего поймать, он горбится еще больше, но это все он – заядлый рыболов Альбертоне.

В трех метрах от него сидел какой-то человек, который на вид не имел ничего общего с настоящим рыболовом и, казалось, самое большее, на что он способен, это продавать в рассрочку энциклопедии. Но едва он успевал размотать лес-

ку и забросить в воду удочку со свинцовыми грузиками, как на крючок сразу же попался какой-нибудь голец, да еще хвостом вилял от радости, что его вытащили из воды со всеми его серебристыми отблесками. Длинной он был сорок сантиметров и весил два килограмма. Но разве кто-нибудь поверит в такое!

Удачливый рыболов совал рыбу в корзину, цеплял на крючок какого-нибудь жалкого червячка, и не проходило и минуты, как он уже вытаскивал усача, тоже килограмма на два весом, и тот счастливо улыбался себе в усы.

– Этого типа рыбы, можно оказать, просто на руках носят, – пробормотал Альбертоне.

Сосед его тоже что-то бормотал всякий раз, как закидывал удочку. Альбертоне подошел поближе и услышал:

Рыбка-синьорина, пльиви к Джузеппино!

И рыба сразу же клевала. Альбертоне не выдержал.

– Простите, синьор Джузеппино, – сказал он, – я не хочу совать нос в ваши дела, но, может быть, вы мне все-таки объясните, как это у вас получается?

– О, это очень просто, – улыбнулся Джузеппино. – Вот посмотрите. – Он снова быстро забросил удочку и снова быстро проговорил заклинание:

Рыбка-синьорина, пльиви к Джузеппино!

И сразу же на крючок попался угорь, который в этой части Тибра вообще и не водится.

– Здорово у вас получается! – сказал потрясенный Альбертоне. – А можно, я попробую?

– Пожалуйста! – ответил удачливый рыбак.

И Альбертоне попробовал, но у него почему-то ничего не вышло.

– Ах да, я же забыл! – сказал удачливый рыбак. – Вас тоже зовут Джордже?

– Нет, а что?

– А то, что меня зовут Джордже, по прозвищу Джузеппино. Поэтому-то рыбы и откликаются. Знаете, с заклинаниями надо быть во всем очень точным.

Альбертоне собрал свои вещи и побежал на виа Биссолати, где находится Хроно-Тур, туристское агентство, которое проводит экскурсии в прошлое. Он объяснил дежурному, в чем дело. Тот что-то посчитал на ЭВМ, проверил расчеты на конторских счетах, запрограммировал машину времени и сказал:

– Ну вот, все в порядке! Садитесь в это кресло, и счастливого вам пути!... Минутку! А вы заплатили?

– Разумеется. Вот чек.

Дежурный нажал кнопку, и Альбертоне оказался в 1895 году – в том самом, когда родился его отец. Сам Альбертоне превратился в подкидыша, которого поместили в приют. Прошло несколько поистине адских лет, прежде чем он вы-

брался оттуда и отправился работать на шахту, где трудился и его отец. Вскоре они стали друзьями. Когда его отец женился и у него родился сын, Альбертоне посоветовал ему:

– Назови его Джорджо, по прозвищу Джузеппино! Вот увидишь, это принесет ему счастье!

Отец сначала не соглашался:

– Вообще-то своего первенца я хотел назвать Альберто. Ну да ладно, сделаю, как ты советуешь.

Словом, мальчика назвали Джорджо, по прозвищу Джузеппино. Он пошел в детский сад, в школу и так далее. В общем, в точности повторил жизненный путь Альберто, только под другим именем. Альбертоне, которого теперь звали Джорджо, по прозвищу Джузеппино, по правде говоря, очень надоело повторять все сначала. Но ему ведь нужно было добраться до сорока пяти лет и пяти месяцев, чтобы вернуться на мост Гарибальди в настоящее время. И он утешался тем, что теперь рыбы волей-неволей будут повиноваться ему.

Настал наконец тот день и час – прежний час, когда он встретился с удачливым рыболовом. И бывший Альбертоне прибежал на мост, размотал леску, насадил наживку, забросил удочку и прерывающимся от волнения голосом прошептал:

Рыбка-синьорина, плыви к Джузеппино!

Поплавок не шелохнулся.

Он подождал еще немного.

По-прежнему никакого результата.

Джузеппино опять подождал немного.

И опять ничего. Рыбы самым бессовестным образом не обращали на него никакого внимания. А в трех метрах от Альбертоне-Джорджо-Джузеппино по-прежнему сидел тот, другой рыболов и варил на спиртовке кукурузу. Потом насыживал хорошо разваренное зернышко на крючок, закидывал удочку и вытаскивал... двенадцатикилограммового карпа с покрасневшими от радости плавниками.

– Так не пойдет! – вскричал бывший Альбертоне. – Меня тоже теперь зовут Джордже, по прозвищу Джузеппино! А почему рыбы плывут только к вам? Это чудовищно несправедливо, и я подам на вас в суд!

– Как!?! – воскликнул удачливый рыболов. – Разве вы не знаете, что пароль изменился? Слушайте внимательно!

Он нацепил наживу, забросил удочку, и, пока крючок опускался ко дну, весело произнес:

Рыбка-синьорина, плыви к Филиппино!

И все в порядке. Он опять вытащил из реки карпа, должно быть родного брата первого. И если он весил не двенадцать килограммов, то двенадцать раз по сто граммов – это уж точно!

– Да кто такой этот Филиппино?

– Мой брат, – объяснил удачливый рыбак. – Он физик-атомщик, и ему некогда заниматься рыбной ловлей. А у меня времени сколько угодно, потому что я безработный.

«Черт возьми! – подумал Альбертоне. – Где бы найти брата по имени Филиппино? У меня только сестра, да и ту зовут Виттория Эмануэла. Что делать?»

Он вернулся в агентство Хроно-Тур и рассказал о своей беде дежурному специалисту. Тот немного подумал, посоветовался с вычислительной машиной, позвонил своей тетушке и сказал:

– Идите платить в кассу.

На этот раз Альбертоне надо было вернуться во времени назад на многие века и стать близким другом пра-пра-пра-прадедушки, своего пра-пра-пра-прадедушки, отправиться вместе с ним паломником в монастырь и остановиться по пути в одной остерии. Когда пра-пра-пра-прадедушка уснул, он сделал ему незаметно укол, и в результате их родственные взаимоотношения несколько изменились, но произошло это совсем незаметно, и к тому времени, когда должна была родиться Виттория Эмануэла, родился мальчик, которого называли Филиппо, или попросту Филиппино. На все это ушло немало времени, но когда Альбертоне вернулся в наши дни, у него зато оказался брат Филиппино, тридцати шести лет, который работал поваром на океанском лайнере. И все еще был не женат.

Альбертоне схватил удочку, помчался на мост Гарибальди и забросил ее так ловко и красиво, что водитель троллейбуса № 43 крикнул ему из своей кабины:

– Bravo!

Ну а он тем временем произносил новый пароль:

Рыбка-синьорина, плыви к Филиппино!

Да какое там! Все равно что со стеной разговаривать. А тот, другой, опять выловил плотвичку, но даже не снял ее с крючка. Подержал чуть-чуть в воде, и на живую приманку клюнул великолепный окунь, который вообще-то водится только к северу от Энельской плотины, и тут в Тибре оказался, по-видимому, лишь для того, чтобы доставить особое удовольствие удачливому рыболову.

– Это нечестно! – закричал Альбертоне так громко, что на площади Арджентина образовалась автомобильная пробка. – Меня зовут Джузеппино, как и вас! У меня есть брат Филиппино, как и у вас! И между прочим, чтоб заполучить его, мне пришлось пожертвовать моей любимой сестрой. А рыбы по-прежнему избегают меня так, будто у меня скарлатина. И не уверяйте меня, будто опять изменился пароль!

– Ну, конечно, изменился! Теперь надо говорить «Рыбка-синьорина, плыви к фра Мартино!»

– А это кто еще такой – фра Мартино?

– Мой кузен, монах-францисканец, и ему некогда зани-

маться рыбной ловлей, потому что он собирает пожертвования!

– Я сейчас покажу вам пожертвования!

Он схватил удачливого рыбака, поднял его над перилами моста и сбросил в Тибр, хотя его и упрекнула за это какая-то учительница-пенсионерка, которая видела все из окна троллейбуса № 75.

– Молодой человек, чему только вас учили в школе? – возмутилась она.

Альбертоне не слышал ее. И даже не видел. Он видел только, что внизу под мостом сотни рыб подхватили удачливого рыбака и понесли его к берегу, заботясь о том, чтобы даже пиджак его не намок. К сожалению, волна все-таки окатила его брюки, но какая-то рыбка сразу же высушила их феном на батарееках (в Тибре нет штепселей). Синьор Джорджо-Джузеппино поднялся по лестнице на мост как раз вовремя, чтобы освободить Альбертоне из рук полицейских, которые хотели арестовать его за бросание с моста рыбаков.

– Ничего, ничего! – сказал синьор Джорджо-Джузеппино. – Это была просто шутка, довольно грубая правда. Детская шалость, понимаете?

– Но этот человек хотел утопить вас!

– Какое там утопить! Не надо преувеличивать! Я ручаюсь за синьора Альбертоне и даже готов организовать складчину, чтобы купить ему новую удочку, потому что старая упала

в реку.

И в самом деле, Альбертоне в гневе швырнул свою удочку рыбам, которые принялись играть поплавком.

Короче говоря, все обошлось. Полицейские отправились в кино, прохожие разошлись в разные стороны, машины двинулись дальше, навстречу судьбе, и пока Альбертоне стоял, молча уставившись на пуговицы своего жилета, синьор Джорджо-Джузеппино снова принялся ловить рыбу.

Рыбка-синьорина, плыви к фра Мартино!

Рыбы так и повалили к нему. Теперь они уже плыли даже из Фьюмичино, лишь бы только попасться ему на крючок. Приплывали даже из моря – кефали и краснобородки, сольоле и вырезубы, золотые рыбки и окуни, омбрины и тунцы. Они толкались, били друг друга головами и хвостами, лишь бы первыми попасть на крючок. Чтобы вытащить из воды одного здоровенного тунца, синьору Джорджо-Джузеппино пришлось позвать на помощь двух водителей троллейбуса № 66 и двух барменов с площади Соннино. Однако, когда из-за острова Тиберино, выпуская праздничные фонтаны, появился небольшой кит, весьма похожий на Моби-Дика, синьор Джорджо-Джузеппино замахал руками и отказался ловить его.

– Никаких млекопитающих! Только рыбы! – заявил он.

Альбертоне смотрел на все это и молчал. Он сошел с ума,

но никому не сказал об этом – иначе его отправили бы в сумасшедший дом. Его всегда можно видеть то на одном мосту, то на другом, днем или ночью, потому что он по-прежнему продолжает терпеливо изучать воды Тибра. И если вы подойдете поближе, то услышите, как он бормочет:

– Рыбка-синьорина, плыви к Робертино... Рыбка-синьорина, плыви к Дженнарино... Плыви к Эрнестино... К Гоффредино... К Джокондино... К Катерино... Терезино... Аввеллино... К битве под Бородино...

Он ищет пароль, повинуюсь которому стали бы приплывать к нему эти вечно ускользающие рыбы. Он не чувствует жаркого летнего солнца. Зимой не замечает холодного северного ветра, дующего с Тибрской долины и прочищающего все мосты. А ведь даже гольцы в своих ледяных водах не отказались бы от хорошей шубы и шапки-ушанки. Он в отчаянии ищет нужное слово. Но не всегда тот, кто ищет, находит.

Волшебники на стадионе

Президент футбольного клуба «Барбарано» был в отчаянии. Его команда, несмотря на то что в ее состав входили такие безусловно выдающиеся футболисты, как Брокко I и Брокко II, и такие молодые, многообещающие игроки, как Брокко III, Брокко IV и Брокко V (которого болельщики зовут «Золотая бутса»), проигрывала каждое воскресенье и во все другие выходные дни. Посоветовавшись со своими консультантами, придворными и мажордомами, президент обнародовал в своем царстве такое заявление: «Отдам, – говорилось в этом заявлении, которое все газеты напечатали на первых страницах, – мою дочь в жены и Замок Любимой Куклы в приданое тому, кто спасет „Барбарано“ от поражения».

На следующий день к президенту явилось множество молодых людей, исполненных самых радужных надежд. Некоторые из них были тайно влюблены в Лауретту, неотразимую дочь президента футбольного клуба, – ростом она была метр семьдесят пять, глаза – зеленые, готовилась в олимпийские чемпионки и училась пользоваться проигрывателем. Молодые люди предлагали самые разнообразные, надежнейшие системы одержать победу. Например, переманить лучших игроков из других клубов: Риву, Риверу, Нетцера и Беккенбауэра; угостить противников отравленными грибами; пред-

ложить судье разрешение на охоту на кабанов. Но, чтобы купить Беккенбауэра, нужно было сначала изучить немецкий язык, а это сложно. Так что все эти способы оказались не очень практичными.

А вечером пришел последний претендент на руку Лауретты – некий Рокко из Пишарелли, которого все знали как торговца кроличьим мехом. Прежде всего он потребовал фотографию Лауретты, внимательно изучил ее и вроде бы остался доволен.

– Какое отношение вы имеете к футболу? – спросил президент.

– Ну, видите ли, мое второе имя Элениум ⁷, – объяснил Рокко.

– Что ж, это уже рекомендация. А дальше?

– А дальше сделаем так, – предложил Рокко. – В следующее воскресенье, когда начнется игра, посадите меня на скамью рядом с тренером, и, если результат вам понравится, продолжим разговор при свидетелях.

– Согласен, – ответил президент.

В воскресенье должна была состояться встреча с командой «Формелло» – той самой, которая играет в белых майках в белую полоску. Рокко вышел на поле и прошел к скамье, где сидел тренер – человек, давно разочарованный в жизни, печальный, словно песня без слов, и распространявший во-

⁷ Название транквилизатора – успокоительного лекарства

круг себя аромат увядших хризантем ⁸. Судья, как обычно, дал свисток к началу, и в первые же пятнадцать минут «Формелло» забила три гола, а еще десять не засчитали, потому что они были забиты из офсайта.

Во время перерыва Рокко прошел в раздевалку и, переходя от одного игрока к другому, что-то шепнул каждому на ухо. Президент вслед за ним тоже обошел всех игроков и поинтересовался, что же он им говорил.

– Мне он сказал: «Трижды девять – двадцать семь!» – сообщил Брокко I.

– А мне: «Шестью четыре – двадцать четыре!» – признался Брокко II.

– Таблицу умножения он знает, – задумчиво произнес президент. – Ну что ж, посмотрим.

Начался второй тайм. И уже через минуту Брокко I забил гол головой. Две минуты спустя гол забил Брокко II слева. Затем справа один за другим били прямо по воротам Брокко III, Брокко IV и Брокко V (которого болельщики зовут «Золотая бутса»). Брокко VI забил гол коленом. Брокко VII забил гол ухом. «Барбарано» победила со счетом 12:3. От волнения президент упал в обморок и даже не заметил, как болельщики подняли его на руки, и потому не сумел извлечь из этого никакой пользы.

Придя в себя, он тут же послал за Рокко, а тот уже садился на мотоцикл, чтобы уехать к себе в Пишарелли. Президент

⁸ В Италии хризантему принято приносить покойным и на кладбище

пригласил его в команду новым тренером. Прежнего отправил в изгнание в Опорто, в Португалию.

– А теперь, – попросил президент, – скажи мне, в чем твой секрет.

– Никакого секрета нет, – объяснил Рокко. – Дело в том, что торговля кроличьим мехом оставляет мне много свободного времени, так что я смог изучить парапсихологию и стал футбольным волшебником. Я могу послать мяч куда угодно одной только силой мысли. Могу запугать игроков противника, вызвав у них страшнейшие галлюцинации. Все это очень просто, как видите.

– Согласен. Однако лучше, чтобы печать об этом не знала.

– Я вполне удовольствуюсь славой, – сказал Рокко. – И Замок Любимой Куклы. Кстати, ваша дочь любит рыбу под майонезом?

– Да, а что?

– Да нет, просто для сведения. Собирать информацию – мое хобби.

В несколько недель «Барбарано» поднялась к вершине футбольной таблицы и стала победителем чемпионата. Рокко и Лауретта поженились, стали жить в Замке Любимой Куклы и раз в неделю ели рыбу под майонезом.

В ближайшие годы «Барбарано» перешла в лигу А, выиграла первенство, завоевала кубок чемпионов, кубок кубков, победила в ночном чемпионате в Тольфе и так далее. Она стала самой знаменитой командой всех времен и народов, а

Рокко – самым знаменитым в мире тренером.

– Вы, наверное, даже козла могли бы научить забивать голы? – пошутил однажды какой-то журналист.

– Разумеется, – ответил Рокко. Он велел привести козла, поставил в воротах локоть к локтю двенадцать вратарей из лиги А. И когда козел ударил по мячу, они все полетели вверх тормашками. Гол! Дело в том, что двенадцать вратарей вместо мяча увидели несущийся прямо на них рояль. Однако им было стыдно признаться в этом, потому что мгновение спустя они уже сомневались, был ли это рояль или электронный орган.

Один только раз за многие годы Рокко потерял спокойствие. Какой-то судья отметил, что Брокко V (которого болельщики зовут «Золотая бутса») оказался «вне игры», хотя на самом деле это было не так. Мгновение спустя этот судья в черных гольфах вдруг полез по штанге ворот и забрался на перекладину.

– Рокко, что ты делаешь?! – занервничал президент «Барбарано».

Рокко понял, что перестарался и злоупотребил своей парапсихологической мощью, рискуя вызвать подозрение в некоторых сомневающихся умах. Он дал судье слезть с ворот и довольствовался тем, что вызвал у него галлюцинацию анаконды: судья бегал по полю и ему все время казалось, что он вот-вот наступит на змею длиной десять метров и пятьдесят сантиметров, и, чтобы не наступить на нее, он делал со-

вершенно изумительные прыжки. Публика с восторгом аплодировала ему. «Барбарано» победила со счетом 47:0, и все ее игроки стали кавалерами Ордена Любимой Куклы.

А затем вдруг распространился слух, что где-то там, в Англо-Пруссии, появилась другая команда, которая тоже всегда побеждает со счетом 40 или 50:0, что она одолела даже команду ФРГ, и Беккенбауэр от огорчения расстался с футболом и стал владельцем банка.

Рокко переделался текстильным промышленником и, притворившись, будто едет в инспекционную поездку, отправился посмотреть встречу команды «Робур» из Англо-Пруссии и команды «Ветралло». Ему достаточно было одного взгляда, чтобы сразу же узнать в тренере знаменитого тибетского волшебника, замаскированного под бризговийца. Чтобы проверить это, он сконцентрировался, сосредоточился, собрал всю свою сверхвласть и превратил правого крайнего нападающего англо-прусской команды в кузнечика, который непрестанно стрекотал от страха, что его вот-вот раздавят. Но прошло три минуты, и кузнечик вновь превратился в правого крайнего, получил передачу и забил гол. Перемещая мяч силой мысли, Рокко сумел забить «Ветралло» еще пару голов, но третий уже не удалось – мысль тибетского волшебника, очевидно, оказалась сильнее. Не потому ли, что он думал по-тибетски – на древнем языке волшебников?

Рокко разволновался, и у него даже вскочил ячмень на глазу. Конечно же, он знал, что рано или поздно, а может

быть, даже еще раньше, две лучшие футбольные команды мира встретятся. Чтобы подготовиться к этому исключительному событию, Рокко принялся изучать тибетский язык. В три дня и три ночи он запомнил сорок тысяч слов и решил, что этого достаточно. Однако, чтобы подготовиться еще лучше, он изучил между прочим языки китайский и хинди, а также десяток диалектов племени банту.

И вот настал день суперматча. Игра должна была состояться на Олимпийском стадионе в Риме. Радиотелесвязь была установлена со ста восемнадцатью странами. Присутствовало двадцать тысяч журналистов, многие из которых были с супругами или приятельницами. На трибунах было полно всяких министров, архиепископов, торговцев кроличьими шкурками, обнищавших аристократов, временно находившихся на свободе воров, разного рода лауреатов, лысых, левшей. Оба тренера, прежде чем пройти на свои места, пожали друг другу руки и сказали: «Пусть победит сильнейший!» Разумеется, они сказали это на языке арамаико, чтобы скрыть свои истинные чувства. Во время рукопожатия пальцы тибетского волшебника превратились в змей со смертельным укусом. Рокко незамедлительно нанес ответный удар, превратив свои пальцы в дикобразов, которые, как известно, являются лучшими пожирателями змей. Разумеется, никто ничего не заметил, и фотографы делали свои снимки, тоже ничего не подозревая.

Сразу же после свистка судьи Рокко послал на поле целое

стадо динозавров, но англо-прусы, обученные своим волшебником, не сдались.

«Выходите, гигантские спруты!» – мысленно приказал Рокко. Не видимые для всех других, кроме игроков «Робура», на футбольном поле появились одиннадцать гигантских спрутов – по одному на каждого игрока. Своими щупальцами длиной в двадцать четыре метра они могли бы скрутить и кита, могли утащить под воду трансатлантический лайнер и разломать на куски, как она того и заслуживает, атомную подводную лодку. Но англо-пруссские игроки, подготовленные своим волшебником, показали спрутам язык, и те, ужасно обидевшись, ушли в ничто.

В этот момент Брокко I увидел вдруг... Белоснежку.

– Извините, вам не повстречались тут мои гномики? – обратилась она к нему.

Брокко I невероятно изумился и потратил на ответ драгоценное время.

– Нет, синьорина, – сказал он, – мне очень жаль, но я их не видел. Только будьте осторожны, здесь нельзя находиться – тут идет футбольный матч тысячелетия!

– Что вы говорите? А я и не знала! – ответила Белоснежка. – Тогда будьте добры, объясните мне, почему все бьют ногами этот несчастный мяч, который не сделал никому ничего плохого...

Пока Брокко I объяснял Белоснежке, что такое футбол, англо-прусы отняли у него мяч и начали стремительную

атаку на ворота «Барбарано». Вратарь готов был парировать удар, как вдруг увидел, что навстречу ему бежит, запыхавшись, Золушка.

– Синьорина, – крикнул ей вратарь, – вы потеряли туфельку!

– Пустяки, – ответила Золушка, – у меня еще одна есть!

Тем временем центральный нападающий англопруссов так мощно пробил по воротам, что мяч мог бы расколоть и стену Колизея. К счастью, собрав всю свою волю, Рокко удалось силой мысли отклонить мяч и направить в штангу.

«Вот, значит, какова твоя тактика, – подумал Рокко, мысленно обращаясь к тибетскому волшебнику. – Прекрасно! Я отвечу сказкой на сказку!»

Минуту спустя англо-пруссы увидели, что на поле появилась Красная Шапочка и за нею гонится злой Волк. Самые благородные чувства вынудили их помочь бедной девочке – они бросились на Волка. «Барбарано» воспользовалась этим и забила гол. 1:0! Семь тысяч двести восемнадцать болельщиков упали от волнения в обморок, и их унесли на носилках.

Тибетский волшебник ответил Девочкой с голубыми волосами, которую вот-вот схватит Карабас-Барабас. Игроки «Барбарано» отвлеклись, спасая ей жизнь, и англо-пруссы сравняли счет. 1:1! Упали в обморок еще четыре тысячи болельщиков и триста полицейских.

С этого момента волшебники уже перестали сдерживать

себя, и футбольное поле заполнилось колдуньями, ведьмами, драконами, чертями, домовыми, мачехами, падчерицами, феями, принцессами на горошине, блуждающими огоньками, говорящими лошадьми, ворами, разбойниками, бременскими музыкантами, верблюдами с погонщиками – короче говоря, чудовищами минувших столетий и наших дней – прежде всего персонажами мультфильмов, и даже героями будущего. Но зрители ничего этого не заметили. Они видели только, что двадцать два футболиста и судья как безумные мечутся по полю, а мяч лежит себе в стороне, забытый и всеми покинутый. Вся беда была в том, что обоим волшебникам никак не удавалось убрать с поля эти призраки, вызванные силой их мысли. На поле стало уже невероятно тесно, негде было бегать. И футболисты уселись на землю, чтобы перевести дыхание. Стадион взорвался возмущенными криками и свистом.

И вдруг произошло что-то странное. Рокко и тибетский волшебник в один и тот же момент подумали о дудочнике Гаммелине, причем подумали с такой силою, что тот не только появился в центре поля, но даже стал видимым для всех зрителей, а также для министров, журналистов и лысых.

Что же сделал этот дудочник, оказавшийся в центре внимания?

Наступила необыкновенная тишина, и, будь на стадионе деревья, слышно было бы, как опадают с них листья; будь, конечно, еще и холодный ветер, который обрывал бы эти ли-

ства. Но слышно было совсем другое... Слышно было, как дудочник заиграл на своей дудочке... И что же он заиграл? Невероятно! Но все услышали шутовскую мелодию из знаменитой оркестровой сюиты Иоганна Себастьяна Баха!

Дудочник сыграл партию флейты семнадцать раз. Дело в том, что она довольно короткая и, чтобы получить от нее удовольствие, мало прослушать ее только шестнадцать раз.

Закончив играть, дудочник направился к выходу. Футболисты спокойно последовали за ним. И судья тоже пошел за ним. И оба волшебника тоже двинулись следом. И зрители – тоже. Все разошлись по домам, забыв про футбольный матч тысячелетия, забыв про футбол (только на три месяца), и принялись учиться играть на флейте.

Десять килограммов Луны

Помню ли я первых людей, высадившихся на Луну? Еще бы! Прекрасно помню. Вернее, я не могу сказать, в каком году это было и в каком месяце, но отлично помню, что во вторник утром в квартиру ко мне позвонили, я открыл дверь и увидел перед собой крайне взволнованного командора Ципа.

– Невероятное дело! – воскликнул он и рухнул на диван.

Командор Цип весил не меньше центнера, и пружины дивана жалобно застонали.

– Что случилось? – встревожился я.

– Неслыханное дело! Самое грандиозное за всю историю! Сколько книг в вашей библиотеке? Две тысячи. Считайте, что у вас две тысячи томов крупных банкнот. Я сразу же побежал к вам, как только узнал об этом. И не только потому, что мы соседи, и не потому, что вы одолжили мне градусник, когда мой сын заболел корью, а потому, что вы умный человек. А это дело исключительно для умных людей. Дуракам тут вход воспрещен, ясно?

– Не мучайте меня, командор, объясните же наконец, в чем дело?

Командор надел на себя маску таинственности, подозрительно осмотрелся, заглянул под письменный стол, убедился, что никого нет и никто не подслушивает, выглянул в ок-

но – непонятно зачем, ведь я живу на четвертом этаже и за многие годы в это окно только однажды влетела чья-то потерявшаяся канарейка, которую я тут же передал привратнице.

Наконец командор Цип снова уселся на диван и крайне осторожно извлек из кармана пиджака какой-то пакетик из простой оберточной бумаги, перевязанный шпагатом.

– Я ношу его так, – сказал он со вздохом, – чтобы все думали, будто тут пара сосисок или бифштекс – одним словом, завтрак. А знаете, что это?

– Нет, командор. Но уже сгораю от желания узнать.

– Вот – смотрите и судите сами. Вы ведь умный человек – умный!

В пакете лежало что-то очень похожее на кусок мела или глины размером не больше кулака. Я хотел было рассмотреть этот предмет получше, но командор уже забрал пакетик и спрятал в карман.

– Видали?

– Нет.

– Как нет? Что у вас глаз нет, что ли?

– Ну, положим, видел. Только не понял.

– Жаль. А я думал, что умные люди могут обойтись без лишних слов. То, что я вам показал, друг мой, не что иное, как... **КУСОК ЛУНЫ!**

Говоря это, командор Цип невольно повысил голос, но тут же спохватился и предупредил меня:

– Тс-с! Молчите, ради бога! Все это под строжайшим сек-

ретом. Я получил этот образец от одного очень надежного человека – двоюродного брата зятя второго привратника в доме, где живет полковник Ноп.

– Космонавт? Первый человек, высадившийся на Луну?

– Именно! И никто не знает, что он привез из своего необыкновенного путешествия целых десять килограммов лунной породы – десять килограммов Луны. Вы меня поняли? И он готов недорого продать все это. Вы понимаете, ему же неудобно самому заниматься торговлей и вести все дело.

– Понимаю, что неудобно, но не понимаю, о каком деле идет речь.

– В таком случае, у вас нет не только глаз, но и никакого воображения. Вы когда-нибудь бывали в Пизе?

Этот вопрос подействовал на меня словно удар кулака в челюсть – скажу честно, я не ожидал его.

– Вы видели когда-нибудь, – продолжал он допытывать меня, – с какой жадностью туристы набрасываются на сувениры, изображающие Пизанскую башню? Их ценят на вес золота! Хотя стоит эта ерунда гроши. А теперь представьте себе, что будет, если мы выбросим на рынок лунные сувениры – маленькие полулуния весом всего в два-три грамма, не больше, но сделанные из настоящего лунного камня и со стопроцентной гарантией...

– Двоюродного зятя второго брата привратника?

– Нет, уж, пожалуйста, не путайте! Речь идет о двоюродном брате зятя, а не наоборот. Вот посмотрите, почитайте!

Это заключение профессора Рапа, известного во всем мире английского астронома. Здесь подтверждается, что проданный мне образец действительно состоит из породы, взятой с лунной поверхности... А вот справка доктора Брека, американского геолога... Это письмо профессора Проппа из Московской Академии наук... Все эти господа, лучшие умы планеты, заверяют, что это КУСОК ЛУНЫ!

И командор Цип швырнул мне на колени все эти бумаги с печатями, гербовыми марками, математическими и химическими формулами. Но тут же быстро собрал их, сунул в карман, торжествующе посмотрел на меня и сказал:

– Десять миллионов, и весь кусок наш! По миллиону за килограмм Луны. Да ведь это же просто даром, вы не считаете? Я уже отдал задаток в двести тысяч лир. И знаете ли, я не дурак – я получил взамен этот образец. И вот послушайте, что я подсчитал. Продавая сувениры по двадцать тысяч лир за штуку, мы сможем получить сто миллионов лир. Чистая прибыль составит девяносто миллионов. Совсем маленький кусочек Луны за двадцать тысяч лир... Да эти сувениры пойдут нарасхват, уверяю вас! А пока не будем терять связи с...

– Привратником второго зятя брата...

– Пожалуйста, постарайтесь запомнить: речь идет о двоюродном брате зятя второго привратника. А если понадобится, то свяжемся и с самим полковником Нопом, предложим ему проценты, он обеспечит нам новые поставки, и у нас будет полная монополия, понимаете! Мы сможем продавать

Луну центнерами, и вам придется выбросить все эти книги, чтобы освободить место для денег, вы меня хорошо поняли?

И он еще долго продолжал в таком духе, рисуя дело во всех подробностях. «Лунные сувениры» будут продаваться во всех книжных магазинах, на всех вокзалах, а также в аптеках и даже у входа на кладбище. Люди будут выстраиваться за ними в очередь. К каждому сувениру будет приложена копия свидетельств, писем и заверений, подписанных Ранем, Бреком и Проппом.

– Ладно, – прервал я его, – но я-то чем могу быть вам полезен?

Командор Цип с изумлением вытаращил глаза.

– Друг мой, – сказал он, – я очень люблю вас, но позвольте вам сказать, что как нет у вас глаз, чтобы видеть, точно так же нет и ушей, чтобы слышать! Разве я не сказал вам, что у меня, к сожалению, сейчас довольно затруднительное положение с деньгами?

– Нет, командор, об этом вы ничего не сказали мне.

– Возможно, возможно. Так или иначе, я говорю вам об этом теперь. Я могу собрать только пять миллионов. Другие пять должны дать вы. Тогда у нас все будет делиться поровну. Я охотно уступил бы вам и большую долю, но вы же понимаете, мне надо думать о детях, о семье. Пять миллионов даю я, пять – вы.

Я поостерегся признаться, что у меня нет не только пяти миллионов, но и пяти тысяч лир. Как раз в это утро я упла-

тил за квартиру, отдав последние остатки семейного бюджета. Мне пришла в голову другая мысль, но и тут я решил воздержаться от каких бы то ни было заявлений, а просто предложил:

– Пойдемте к привратнику брата...

– Пойдемте! – подхватил командор Цип, вскакивая с дивана.

На радостях он даже не заметил, что я опять что-то перепутал.

– Он ждет нас ровно в час у Траянской колонны.

– Прекрасное место для свиданий!

– Правда? Мы будем походить на обычных туристов. И никто, посмотрев на нас, не догадается, что у одного из нас лежит в кармане кусок Луны.

Было двенадцать пятьдесят, когда мы добрались до знаменитого монумента. Десять минут ожидания показались командору Ципу долгими, как десять столетий. Он буквально танцевал от нетерпения, и пакетик с лунной породой вдруг выскользнул у него из кармана и упал ему прямо на ногу.

– Ой! – невольно вскричал он, но тут же поправился. – Надо же, как удачно упал! Просто повезло!

– Bravo! Я вижу, вам нипочем даже такой удар камнем.

– Да что вы! Ведь упали он на землю... Он разбился бы!

– Все равно, чтобы сделать сувениры, его придется разбить, – сказал я.

Но командор Цип уже не слушал меня.

– Вот наш человек! – воскликнул он, указывая на кого-то в толпе прохожих.

Навстречу нам шел представительный синьор в нарядном костюме. Широкие поля соломенной шляпы закрывали его лоб, а глаза были скрыты за стеклами больших темных очков. Издали его можно было принять за адвоката, которому захотелось немного пройтись пешком, или за служащего префектуры, который шел в кафе выпить чашечку кофе. Он мог ввести в заблуждение кого угодно, только не меня. По той простой причине, что я его хорошо знал.

– Здравствуйте! – радостно приветствовал его командор Цип.

– Добрый день, добрый день, – церемонно ответил этот субъект, протягивая для приветствия обе руки. – Итак, все в порядке?

– В полном порядке! – ответил Цип. – Я привел своего друга, Он в курсе дела. Позвольте, я представлю вам его – доктор...

– Не надо, командор, – перебил я его, – мы уже знакомы.

– В самом деле? – удивился синьор в темных очках и почему-то вдруг забеспокоился. – По правде говоря, я что-то не припоминаю, чтобы имел честь...

– Не припоминаете? Впрочем, это понятно – вы же так заняты... У вас так много разных дел...

– Ну, значит, все в порядке! – обрадовался командор Цип, преисполненный энтузиазма. – Раз вы уже знакомы, можно

считать, что дело сделано.

– Да, – ответил я, – дело завершено. И синьор вернет вам сейчас ваши двести тысяч лир...

– Как? Что? – изумился командор Цип. – Что вы такое говорите?

– А то, что этот синьор не далее как полгода назад и мне предлагал превосходнейшую сделку. Представляете, командор, он предлагал купить у него за сущие пустяки – всего за каких-нибудь полмиллиона – подкову коня императора Калигулы. Знаете, того самого коня, которого хозяин ввел в сенат и сделал сенатором... Синьор показал мне одну из его подков и дюжину разного рода документов, подписанных немецкими, французскими, чехословацкими и норвежскими учеными. Синьор, наверное, довольно близорук, потому что спустя два месяца он снова подошел ко мне и предложил купить у него мотыгу, которой Ромул, мир праху его, при известных обстоятельствах разбил голову своему брату Рему. Так что, как видите, этот синьор – крупный специалист по продаже разного рода сенсационных редкостей. И янисколько не удивлюсь, если он сейчас достанет из кармана яблоко, которым Ева соблазнила Адама, и предложит купить его по дешевке.

Синьор в темных очках повернулся и хотел было удалиться, но я успел ухватить его за рукав.

– Ну а теперь, – сказал я, – будьте благоразумны – верните деньги командору. И заберите этот кусок известки, который

вы всучили ему.

Командор Цип выбрал именно этот момент для того, чтобы упасть в обморок. Видимо, слишком много волнений досталось бедняге в это утро.

Мы наклонились, чтобы поднять его, и пока он потихоньку приходил в себя, продавец Луны – в общем-то, наверное, добрый малый – объяснил мне:

– Я ведь только хотел пошутить! Клянусь вам, я пошутил. Ну можно ли верить первому встречному, что он продает кусок Луны? А он поверил! Вот я и догадался, что он такой же командор, как я. Никогда не встречал таких... таких наивных командоров.

– А он вовсе и не командор, – объяснил я. – Просто его так стали называть, потому что он очень толстый, вот кличка и приклеилась.

– Так, значит, он тоже из тех, кто торгует лунной породой! Ну, держите, вот его деньги. Тысячи лир не хватает. Я истратил их час назад на обед.

И я оставил ему еще тысячу – на ужин.

Могущество пустых банок

Семейство Дзербини провело выходной день в горах и собралось возвращаться в город по дороге через Чивитавеккья. Синьор Дзербини, большой любитель природы и порядка, посоветовал остальным Дзербини – супруге Оттавии, сыновьям Анджело и Пьеро, дочери Розелле, а также ее жениху Пьерлуиджи – не оставлять после себя мусора:

– Только не сгребайте в кучу, как обычно, а аккуратно разложите его повсюду. Посмотрите на этот куст – вы не оставили возле него ни одного бумажного стаканчика! Да, да, пусть каждое дерево получит свое! Не будем пристрастны. Грязные бумажные салфетки положите вон туда, под тот дуб. А пустые бутылки – под этот каштан. Вот так! Прекрасно получилось!

Пустых бутылок было три – из-под пива, оранжада и минеральной воды. Возле каштана они составили чудесный натюрморт. Анджело и Пьеро охотно поиграли бы в тир, кидая в них камнями, но, к сожалению, уже не было времени. Нужно было садиться в машину, не забыть при этом приемник, громкими гудками попрощаться с лесом и двигаться в путь. И они поехали. Вскоре стали спускаться с горы. Анджело и Пьеро сидели сзади и, глядя в окошко, строили рожицы едущим за ними шоферам, как вдруг с изумлением обнаружили, что бутылка из-под пива вовсе не осталась под каштаном, а

ловко скачет за их машиной по шоссе, совсем рядом с бампером.

– Смотри, папа! – дружно воскликнули братья. – Бутылка из-под пива бежит за нами!

– Я посмотрю в чем дело, – сказала синьора Оттавиа мужу. – Не отвлекайся от руля.

Она обернулась и увидела, что к пустой бутылке из-под пива присоединились бутылки из-под оранжада и минеральной воды. Это милое трио прыгало, пританцовывало и старалось не отстать от машины.

– Ну прямо как собачки, – заметила Розелла, и жених согласился с ней.

– Ну-ка, папа, прибавь газу! Давай оторвемся от них! – предложили Анджело и Пьеро.

Но синьор Дзербини не мог прибавить скорость, потому что впереди шла машина, за которой тоже, постукивая по асфальту, бежала пустая бутылка из-под пива. И с нею за компанию спешили банки из-под мясных консервов и персикового компота. Пустые, разумеется. А следом за великолепной машиной самой последней марки, которая только что обогнала скромную малолитражку синьора Дзербини, презрительно фыркнув на нее выхлопной трубой, прихрамывая и перекатываясь, подскакивая и кувыркаясь, неслось сразу несколько бутылок из-под шампанского и минеральной воды, а также банки из-под сардин и черной икры, дюжина пластмассовых тарелок и тому подобное. Все вме-

сте они производили чудовищный грохот – не хуже группы ударников!

– Видите, – заметил синьор Дзербини, – за всеми бегут, не только за нами. Однако, если б полетела шина, я думаю, было бы хуже.

По виа Аурелиа тянулась уже целая вереница машин в сопровождении пустых пластмассовых и стеклянных бутылок и жестяных консервных банок – каждая со своим особым стуком и ритмом. Одни бежали совсем мелкими шажками, другие делали огромные прыжки, и всех сильно заносило на поворотах. В целом получалось довольно забавное зрелище, и синьор Дзербини даже вспомнил, что мальчиком играл на медных тарелках в «джазе оглашенных», в том самом, в котором еще раньше играл на мусорном ведре и на печной трубе его дядя.

Теперь Анджело и Пьеро попросили отца замедлить ход. Им хотелось посмотреть на пролетавшие мимо роскошные гоночные машины, за которыми мчались, не утрачивая своей элегантности, небольшие оплетенные соломкой бутылки, огромные пяти- и десятилитровые бутылки и разные другие достойные внимания сосуды.

Некоторое затруднение возникло дома – у лифта. Пустые бутылки, принадлежавшие семейству Дзербини, первыми прошли в кабину, не пропустив вперед даже синьору Оттавию, и пока поднимались вверх, ни минуты не стояли спокойно. Они отдавили ноги ребятам, порвали колготки Розел-

ле, залезли в отвороты брюк Пьерлунджи. Словом, ясно было, что прогулкой они остались недовольны. Войдя в квартиру, бутылки принялись носиться по коридору, а затем забрались в спальню.

Пивная бутылка залезла под подушку синьора Дзербини, бутылка из-под оранжада устроилась под ковриком на полу, а бутылка из-под минеральной воды ушла в ванную. О вкусах, как говорится, не спорят.

Ребят все это очень забавляло. Взрослых уже не очень. Розелла немного успокоилась после разговора по телефону с Пьерлуиджи. Он позвонил ей, чтобы пожелать спокойной ночи, и заодно сообщил:

– Знаешь, в моей постели оказалась банка из-под очищенных помидоров! А ведь я никогда не ем макароны с томатным соусом!

Банки и бутылки заснули быстро. Спали не толкаясь и не храпели. Словом, никому не мешали. Утром они раньше всех пошли в ванную и не бросили полотенца где попало, а повесили на место. Вскоре взрослые и дети разошлись по своим делам – кто в школу, кто на работу. А синьора Оттавиа отправилась на рынок. Бутылки остались дома. Только теперь пустых емкостей было уже четыре, потому что из мусорного ведра выскочила банка из-под молотого кофе, с новенькой этикеткой, и сразу же принялась наводить порядок в раковине. Она с грохотом переставляла тарелки и стаканы, но ничего не разбила.

«Пожалуй, сегодня я не буду покупать продукты в банках и бутылках», – решила синьора Оттавиа.

По дороге ей то и дело встречались пустые банки и бутылки, которые шли по своим делам, строго соблюдая правила уличного движения: улицу они переходили только на зеленый свет. Вдруг синьора Оттавиа увидела, что какой-то синьор сунул в урну коробку из-под обуви. Но едва он отвернулся, как коробка выскочила из урны и – топ-топ-топ! – поспешила следом за ним.

– Слава богу, хоть тут ни для кого нет привилегий! – облегченно вздохнула синьора Оттавиа.

Во время обеда три бутылки и кофейная банка семейства Дзербини сидели на балконе – дышали свежим воздухом.

– Интересно, что они собираются делать дальше? – спросила синьора Оттавиа.

– По-моему, толстеть, – ответил синьор Дзербини.

– То есть?

– А ты посмотри! Видишь, бутылка из-под пива стала двухлитровой бутылкой. Сколько кофе было в этой банке?

– Полкило...

– Ну вот! А теперь в ней уместится пять кило, если не больше.

– Отчего же они так растут? Чем они питаются? – удивились Анджело и Пьеро, проявив научный интерес к проблеме.

– Очевидно, пустотой. Ведь они же пустые! – объяснил

синьор Дзербини.

Вечерние газеты подтвердили его догадку. Они привели заявление профессора Банки-Банкини, специалиста по таре и упаковке, доцента коробководения и консервологии, в котором говорилось:

«Речь идет о совершенно нормальном явлении. По причине, которая нам неведома и которую мы называем „причиной икс“, пустые сосуды определенно стремятся стать еще более пустыми. Для этого они, разумеется, должны увеличиться в объеме. Нас крайне интересует, лопнут они в конце концов или нет».

– О боже! – воскликнула синьора Оттавиа, заметив, что бутылка из-под минеральной воды стала сзади нее и, заглядывая через плечо, читает газету.

А к вечеру эта бутылка стала выше холодильника. Две другие почти догнали ее в росте. Банка из-под кофе раздулась, как шкаф, и заполнила собой половину детской комнаты, куда заглянула из любопытства.

– Профессор сказал, что это совершенно нормальное явление, – успокоил жену синьор Дзербини. – Иными словами, нефеноменальный феномен, ясно? Впрочем, ты ведь не разбираешься в феноменологии.

– Я не разбираюсь, спору нет, – вздохнула синьора Оттавиа. – Но ты зато отлично разбираешься. Вот и скажи мне, где мы будем спать сегодня ночью?

Говоря это, синьора Оттавиа повела мужа в спальню и по-

казала на кровать. На ней удобно устроились бутылки из-под пива и оранжада – словно две горы, накрытые одеялом, а на подушках сладко спали два горла без голов, вернее – без пробок.

– Ничего, ничего, – опять успокоил жену глава семьи. – В тесноте, да не в обиде! Тут и для нас места хватит. Нельзя же в конце концов думать только о себе.

За неделю банка из-под кофе так растолстела, что заняла всю детскую комнату. Пришлось прямо в нее поставить кровати и тумбочки. Анджело и Пьеро забавлялись игрой в консервированный зеленый горошек.

В комнате Розеллы вырос такой большой тюбик из-под крема, что в нем легко уместились диван-кровать, трюмо, многотомное издание «Мастера живописи», три большие вазы с цветами, рекламная афиша «Битлзы», проигрыватель, восточные туфельки, которые жених привез Розелле из Сарая, а также большая корзина, где хранились куклы и иногда спал кот.

На кухне бутылки из-под минеральной воды хватило ума расти не вширь, а только в длину, и теперь она торчала из окна, словно пушечное дуло. Из многих окон соседних домов тоже торчали такие стеклянные дула, так что удивляться не приходилось.

Бутылки, спавшие в постели супругов Дзербини, тоже росли в горизонтальном направлении и нисколько не мешали им двигаться по комнате. Кроме того, в этом оказалось

и свое преимущество – каждый мог теперь спать в своей бутылке. Синьора Оттавиа выбрала, разумеется, бутылку из-под оранжада – она терпеть не могла запах пива. Очень интересно было бы посмотреть на них ночью, когда они лежали в своих бутылках, словно модели парусников, сделанные каким-нибудь старым морским волком или каторжником, трудившимся над ними с бесконечным терпением. Но посмотреть нельзя – ведь на ночь они гасят свет.

Нечто подобное происходило во всех других домах в городе. Люди быстро научились залезать в бутылки и вылезать из них, а также из банок, в которых прежде было варенье или свежемороженые фрукты. Адвокаты принимали теперь клиентов, сидя в коробках из-под обуви или в книжных футлярах. В каждой семье нашлись свои пустые емкости, и каждая пустая емкость имела свою семью. Жить в банке или в коробке оказалось вполне удобно.

Емкости, которым не нашлось места в домах, что вполне понятно при нынешнем жилищном кризисе, расположились на площадях, улицах, в садах и скверах, заняли окрестные холмы. Огромная банка из-под мясных консервов накрыла памятник Гарибальди. Закрученная консервным ножом крышка этой банки немного мешала движению транспорта. Но городские власти, как всегда, позаботились о людях. Они построили над крышкой легкий деревянный мостик, и машины без труда преодолевали это препятствие. Розелла встречалась теперь со своим женихом в банке из-под

соленых грибов – там стояла зеленая скамеечка. Мечтать, как известно, можно где угодно, было бы о чем. А запах грибов даже приятен.

Впрочем, кому какое дело до мелких забот семейства Дзербини? У каждого из ста тысяч жителей города были такие же заботы. Могущество пустых банок ставило другие, куда более важные проблемы. Однажды утром огромная коробка из-под макарон «Мамбретти» («Если они не „Мамбретти“, то это уже не спагетти!») одним махом проглотила Колизей. В полдень того же дня купол святого Петра исчез в большой железной банке, на которой даже невооруженным глазом и на большом расстоянии можно было прочитать: «Мармелад». Газеты сообщили, что синьора Сеттимиа Дзерботти родила двух близнецов в банке, и муж на радостях подарил ей золотой консервный нож. Телевидение передавало прямые репортажи о том, как консервные банки заглывали гору Червино, Эйфелеву башню и Виндзорский замок. Как всегда, превосходно комментировал события Тито Жестянкини.

Тем временем один западногерманский астроном обменивался шифрованными телеграммами со своим американским коллегой. Оба заметили какой-то странный предмет, который, похоже, двигался из глубин космоса по направлению к Земле.

– Не комета ли это, профессор Бокс?

– Не думаю, профессор Шахермахер, хвоста ведь нет!

– Это верно. Однако какая странная форма... Похоже на...

– На что, профессор Шахермахер?

– А, вот на что! На коробку! На очень большую коробку!

– Действительно! Прямо какая-то суперкоробка! В ней уместится, пожалуй, не только Земля, но и Луна!

– Кстати, профессор Бокс, вы получили коробку из-под сигар, которую я вам послал?

– Да, спасибо! В ней очень удобно спать. А вы получили мою банку из-под крабов?

– Ну как же! Я устроил в ней библиотеку и поставил стереопроектор.

– Тогда спокойной ночи, профессор Шахермахер!

– Спокойной ночи, профессор Бокс!

Профессор Угрозный, или смерть Юлия Цезаря

Сегодня профессор Угрозный был выше своего обычного роста. Такое с ним часто случалось, особенно в те дни, когда он вел опрос. Студенты наловчились уже довольно точно определять его рост на глаз: «Ого! Он вырос по крайней мере на четверть метра!» Даже фиолетовые носки вылезли из-под коричневых брюк, а над носками виднелась белая полоска кожи, которую обычно стыдливо прикрывают.

– Ну вот, – вздохнули студенты, – начинается! Надо было сегодня пропустить занятия...

Профессор Угрозный полистал свои бумаги и объявил:

– Я созвал вас, чтобы вырвать у вас истину, и никому не удастся уйти отсюда ни живым, ни мертвым, пока я не выведу все. Ясно? Так вот... Посмотрим-ка списки ответчиков... Альбани, Альберти, Альбини, Альбони, Альбуччи... Ну ладно, попрошу сюда Цурлетти.

Студент Цурлетти, последний по алфавитному списку, уцепился за стол, пытаясь отдалить удар судьбы, прикрыл глаза и постарался представить себе, будто занимается подводной охотой у острова Эльба. Наконец он поднялся – медленно, точно многотонный корабль в шлюзах Панамского канала, и неохотно направился к кафедре, делая шаг вперед и

тотчас же два назад. Профессор Угрозный просверлил его убийственным взглядом и осыпал градом ехидных реплик:

– Дорогой Цурлетти, я требую признания в ваших же интересах. И чем быстрее вы ответите, тем скорее обретете свободу. Кроме того, вы же знаете, что у меня достаточно средств, чтобы развязать вам язык. Отвечайте быстро, не утаивая: когда, как, кем, где и почему был убит Юлий Цезарь? Уточните, как был одет в этот момент Брут, какой длины была борода у Кассия и где находился во время убийства Марк Антоний? Не забудьте сказать, какого размера обувь носила супруга диктатора, а также сколько и каких монет она потратила в то утро, покупая на базаре сыр.

От этой лавины вопросов студент Цурлетти закачался... У него задрожали уши... Но Угрозный был неумолим.

– Сознвайтесь! – грозно потребовал он и вырос еще на пять сантиметров.

– Я требую адвоката... – пролепетал Цурлетти.

– Не выйдет! Здесь не квестура и не трибунал. На адвоката у вас такое же право, как на бесплатный билет до Азорских островов. Ну-ка отвечайте незамедлительно, какая была погода в день преступления?

– Не помню...

– Еще бы! Уверен, вы не помните даже, присутствовал ли там Цицерон и запасся ли он зонтиком или слуховой трубкой, прибыл он в коляске или на такси...

– Не помню... – снова пролепетал Цурлетти, но наконец

пришел в себя. Он почувствовал поддержку товарищей, которые, видя, какие титанические усилия ему нужны, чтобы выдержать натиск инквизитора, знаками подбадривали его. Он вскинул голову и заявил:

– Вы не выжмете из меня ни слова!

Аудитория взорвалась аплодисментами.

– Тихо! – возмутился Угрозный. – Или я прикажу очистить помещение!

Но тут последние силы покинули Цурлетти, и он упал в обморок. Угрозный велел позвать служителя, и тот вылил на несчастного ведро воды. Цурлетти открыл глаза и жадно слизал капли:

– Господи, вода-то соленая!

Муки его достигли предела.

Профессор Угрозный тем временем вытянулся до самого потолка и набил себе шишку.

– Признавайся, разбойник! Иначе я возьму твою семью в заложники!

– Ах, только не это, только не это...

– Нет, будет именно это! Служитель!

Сейчас же появился служитель. Он втолкнул отца Цурлетти, почтового служащего тридцати восьми лет. Руки у него были связаны за спиной, голова опущена. Едва слышным голосом – его не хватило бы даже, чтобы произнести «Алло!» – в телефонную трубку, – он сказал сыну:

– Признайся, дорогой Альдуччо! Сделай это ради от-

ца твоего! Ради матери, что обливается слезами! Ради сестер-монашек...

– Хватит! – загремел профессор Угрозный. – Уходите!

Цурлетти-отец ушел, постарев прямо на глазах. Пряди седых волос бесшумно сыпались с его головы.

Студент Цурлетти громко всхлипнул. Тогда поднялся со своей скамьи великодушный, как всегда, студент Цурлини и твердо заявил:

– Профессор, я согласен отвечать!

– Наконец-то, – облегченно вздохнул профессор. – Наконец-то вы все скажете мне.

Студенты пришли в ужас при мысли, что вскормили у себя на груди фискала. Они еще не знали, на что способен великодушный Цурлини.

– Юлий Цезарь, – произнес он, притворяясь, будто краснеет от стыда, – скончался, получив двадцать четыре удара кинжалом.

Профессор Угрозный так изумился, что не в силах был даже шевельнуть губами. Его рост мгновенно уменьшился на несколько дециметров.

– Как? – пробормотал он. – Разве их было не двадцать три?

– Двадцать четыре, ваша честь! – не колеблясь, повторил Цурлини.

– Но у меня есть доказательства! – возразил Угрозный. – В моем сейфе хранится ода нашего прославленного Поэта,

где он описывает переживания статуи Помпея в тот миг, когда Цезарь упал, сраженный кинжалами заговорщиков. Вот точная цитата, прямо из подлинника:

Недвижный мраморный Помпей
Шептал неслышно: «Ах, злодей!
Он ранен. Боже! Посмотри,
Ты видишь, Цезарь, двадцать три!»

Вы слышите – двадцать три! – повторил профессор. – И нечего наводить тень на плетень своими выдумками!...

Но студенты, сообразив, в чем дело, поддержали Цурлини и хором закричали: «Двадцать четыре, двадцать четыре!...»

Теперь наступила очередь Угрозного испытать муки сомнения. Рост его стремительно уменьшился. Он стал ниже преподавательницы математики. Да что там – его лоб оказался уже на уровне кафедры, и, чтобы видеть студентов, ему пришлось привстать на цыпочки.

Это зрелище не могло не тронуть золотое сердце студента Альберта, о котором все говорили, что в Новый год он получит премию за доброту.

– Профессор, – робко заговорил он. – Показания статуи Помпея можно легко проверить. Достаточно провести учебную экскурсию в Древний Рим, поприсутствовать при убийстве Цезаря и самим сосчитать раны, которые он получит.

Угрозный охотно схватился за якорь спасения. Он немедленно связался по телефону с агентством «Хроно-Тур», и че-

рез минуту студенты уже садились в машину времени, а пилот настраивал приборы на март 44 года до нашей эры. Достаточно было всего нескольких минут, чтобы пересечь века, которые не создают никакого трения ни, в воздухе, ни в воде. Студенты вместе с профессором оказались в толпе возле Сената, где ожидалось прибытие сенаторов.

– А Юлий Цезарь уже прибыл? – спросил Угрозный какого-то незнакомца, которого звали Кай.

Тот не понял его и обратился к своему приятелю:

– Что надо этому чудаку?

Угрозный вспомнил, что в античном Риме говорили на латинском языке, и повторил вопрос по-латыни. Но древние по-прежнему ничего не понимали и только усмехались:

– Интересно, откуда взялись эти дикари? Явились в Рим и даже не потрудились выучить ни одного слова по-римски!

Очевидно, школьная латынь не годилась для общения с античными римлянами и помогала не больше, чем миланский диалект или каракалпакский язык. Студенты откровенно посмеивались. Не все, однако. Цурлини был весьма озабочен. Он солгал, чтобы спасти Цурлетти, а сейчас все узнают, что кинжальных ударов было на самом деле двадцать три. Он будет выглядеть лгуном и обманщиком. Что делать? Вот Угрозный уже нарисовал в блокноте двадцать четыре кружочка и держал карандаш наготове. С каждым ударом он будет зачеркивать кружочек... Мамбретти, известный шутник, надул двадцать четыре воздушных шарика. Он будет

прокалывать их по одному с каждым ударом и записывать звук лопающихся шариков на магнитофонную ленту... Зубрилы прихватили с собой японский калькулятор на транзисторах... Брагулья приготовил кинокамеру с двойным фильтром и телеобъективом, чтобы снять происходящее на цветную пленку.

«Что же делать?» – думал Цурлини.

Но тут на сцену ввалилась целая толпа американских туристов. Они очень шумели, жевали резинку и подняли такой гвалт, что заглушили даже сигнал трубы, объявивший о прибытии Цезаря. Внезапно возникла группа итальянских телевизионщиков. Они намерены были снимать документальный фильм для рекламы кухонных ножей. Режиссер энергично распоряжался:

– Эй вы, заговорщики, давайте левее!

Переводчик повторял его приказы на древнеримском языке. Сенаторы протискивались вперед, чтобы попасть в кадр, и махали ручкой: «Чао, чао!» Юлию Цезарю все это порядком надоело, но он ничего не мог сделать. Теперь он больше не командовал здесь. Режиссер приказал слегка попудрить его, а то он слишком бликовал. А затем события стали разворачиваться еще стремительнее. Заговорщики выхватили кинжалы и нанесли Цезарю ужасные удары. Но режиссер остался недоволен.

– Стоп! Стоп! Зачем так столпились? Не видно даже, как льется кровь. Все сначала!

– Какая досада! – проворчал Мамбретти. – Напрасно истратил тринадцать шариков.

– Мотор! – раздался голос. – «Смерть Юлия Цезаря». Дубль два.

– Начали! – скомандовал режиссер.

Заговорщики вновь нанесли удары. И опять все было испорчено, потому что кто-то из американских туристов выплюнул на землю жевательную резинку. Брут поскользнулся на ней, упал у ног какой-то дамы из Филадельфии, и та, испугавшись, уронила сумочку. Все сначала!

«Черт побери, надо же!» – ругался про себя Цурлини.

Но тут его мучениям неожиданно пришел конец. Студенты вновь оказались в машине времени и направились в двадцатый век.

– Предательство! – вскричал профессор Угрозный.

– Ошибаетесь, – ответил пилот. – Контракт был заключен на час, и время истекло. Наша фирма не виновата, если вы не увидели все, что хотели. Требуйте возмещения убытков от телевидения. Так или иначе, у меня есть для вас приятная новость. Фирма «Хроно-Тур» предлагает вам в качестве подарка пятиминутную остановку в средних веках, где вы можете присутствовать при изобретении пуговиц.

– Пуговиц? – удивился Угрозный. – Вы предлагаете мне пуговицы вместо кинжалов? Но какое нам дело до ваших пуговиц?

– Ну как же, это очень нужная вещь, – спокойно объяснил

пилот. – Не будь пуговиц, вы потеряли бы свои брюки.

– Хватит! – зарычал Угрозный. – Немедленно доставьте нас в наши дни.

– Что касается меня, так я с большим удовольствием, – ответил пилот. – Раньше освобожусь и успею побриться, прежде чем идти в кино.

– А что вы собираетесь смотреть? – спросили студенты.

– «Фантомас разбушевался».

– Потрясающе! – вскричали студенты. – Профессор, а что, если и нам махнуть вместе с ним?

Профессор Угрозный явно колебался. Что-то в это утро было сделано неверно. Но что именно? Может быть, в таинственной полутьме кинозала он сможет поразмышлять над этим и найдет верный ответ...

– Ладно, идем на Фантомаса, – вздохнул он.

Цурлетти и Цурлини обнялись. Остальные издали восторженные крики.

Альберти, золотое сердце, как раз в этот момент, когда они пересекли границу прошлого века, потихоньку выбросил из машины свой охотничий нож, которым собирался продырявить Цезарю двадцать четвертую рану, чтобы не обнаружилась ложь Цурлини. Замечательный человек, этот Альберти! И если в Новый год ему вручат премию за доброту, это будет очень хорошо, просто прекрасно!

Пришельцы и Пизанская башня

Однажды утром синьор Карлетто Палладино пришел, как всегда, к подножию Пизанской башни продавать сувениры. И вдруг, взглянув случайно на небо, увидел, что высоко в воздухе висит огромный золотисто-серебристый космический корабль, а от него отделяется какой-то предмет, скорее всего вертолет, и опускается прямо на знаменитую Пизанскую Площадь Чудес.

– Смотрите! – воскликнул синьор Карлетто. – Космические пришельцы!

– Спасайся кто может! – закричали туристы на всех языках.

Но сам синьор Карлетто и не подумал бежать. Как же он может бросить свой лоток, на котором аккуратными рядами стоят десятки миниатюрных копий Падающей башни, сделанных из гипса, мрамора и алебаstra.

– Сувенир! Купите сувенир! – закричал он, предлагая космическим пришельцам свой товар, и они приветливо замахали ему сразу двенадцатью руками, хотя из космического корабля вышло всего трое. У каждого, оказывается, было по четыре руки.

– Бегите сюда, синьор Карлетто! – звали его издали другие продавцы сувениров, притворяясь, будто тревожатся за него. На самом же деле они досадовали, что у него, возмож-

но, купят сувениры, а у них нет. Но подойти ближе, чтобы предложить гостям свои статуэтки, они не решались.

– Сувенир! Купите сувенир!

– Ладно, пизанец, подожди! – ответил вдруг ему космический голос. – Сначала надо познакомиться.

– Карлетто Палладино, к вашим услугам.

– Дамы и господа, – продолжал голос с великолепным итальянским произношением. – Просим извинить нас за беспокойство. Мы прилетели с планеты Карп, которая находится от вас на расстоянии тридцати семи световых лет и двадцати семи сантиметров. Мы пробудем здесь всего несколько минут. Не бойтесь нас, потому что мы тут в командировке по торговым делам.

– Я-то сразу это понял, – заметил синьор Карлетто. – Деловые люди всегда быстро находят общий язык.

Усиленный невидимым громкоговорителем космический голос несколько раз повторил обращение, и вскоре туристы, продавцы сувениров, ребятишки и любопытные выглянули из укрытий, куда спрятались поначалу, и, постепенно набираясь храбрости, стали подходить ближе. С воем сирен подлетели машины полиции, карабинеров, пожарных и городских стражников, чтобы поддержать общественный порядок. Прибыл и мэр города – верхом на белой лошади.

– Дорогие гости! – произнес он, после того как трижды протрубили фанфары. – Мы рады приветствовать вас в древнем и прославленном городе Пиза у подножия древней и

прославленной колокольни. Если б мы знали заранее о вашем визите, мы устроили бы вам встречу, достойную древней и прославленной планеты Карп. К сожалению...

– Спасибо, – перебил его один из космических пришельцев, двигая двумя из своих четырех рук. – Вы не беспокойтесь. Дела у нас самое большее на четверть часа.

– Не хотите ли вымыть руки? – предложил мэр. – Я как раз принес вам несколько гостевых билетов в дневную гостиницу.

Космические пришельцы, не обращая на него никакого внимания, направились к колокольне и, подойдя ближе, потрогали ее, словно проверяя, действительно ли она существует. Потом они заговорили о чем-то между собой на языке, очень напоминающем каракалпакский, но в то же время и не очень отличающемся от кабардино-балкарского. Судя по лицам, видневшимся в скафандрах, гости, как все настоящие карпианцы, очень походили на краснокожих индейцев.

Мэр опять обратился к ним с любезным предложением:

– Не хотите ли встретиться с нашим правительством, с нашими учеными и прессой?

– Зачем? – удивился главный из трех пришельцев. – Зачем мы будем беспокоить столько важных людей? Мы заберем башню и улетим.

– Заберете... что?

– Башню.

– Извините, синьор карпианец, я, наверное, плохо вас по-

нял. Должно быть, вы хотите сказать, что вас интересует башня. Вернее, что вы и ваши друзья хотите подняться наверх, полюбоваться панорамой и заодно, чтобы не терять время, провести несколько научных экспериментов с падением тела?

– Нет, – снова терпеливо разъяснил карпианец, – мы прилетели сюда для того, чтобы ЗАБРАТЬ башню. Нам надо отвезти ее на нашу планету. Видите вон ту синьору? – И он показал на одного из своих спутников. – Это синьора Болл-Болл, которая живет в городе Бульон, в нескольких километрах от столицы Северной Карпианской республики.

Космическая синьора, услышав свое имя, живо обернулась и встала в позу, думая, что ее собираются фотографировать. Мэр извинился, что не умеет фотографировать, и снова заговорил о главном:

– При чем тут синьора Болл-Болл? Речь идет о том, что без разрешения начальника управления по охране памятников искусства вы не смеее даже пальцем тронуть башню, не то что забрать ее!

– Вы не поняли меня, – объяснил главный карпианец, – синьора Болл-Болл выиграла Пизанскую башню в нашем конкурсе покупателей. Постоянно покупая знаменитые бульонные кубики «Брик», она набрала миллион очков, и ей полагается вторая премия, то есть ваша Падающая башня.

– Вот как! – воскликнул мэр. – Неплохо придумано!

– Вообще-то мы немножко иначе выражаем эту мысль. У

нас говорят; «Какой шик, этот бульон „Брик“!»

– Д-да... А первая премия что собой представляет?

– Какой-то остров в Средиземном море.

– Ничего себе! У вас, я вижу, особое пристрастие к нашей Земле.

– Да, ваша планета у нас очень популярна. Наши летающие тарелки отсняли ее вдоль и поперек, и многие фирмы, производящие бульонные кубики, намеревались предлагать разные земные вещи в качестве призов на своих конкурсах. Но фирма «Брик» сумела добиться у правительства монополии на это.

– Теперь я вас понял как нельзя лучше! – воскликнул мэр. – Я понял, что Пизанская башня, по вашему мнению, ничья! И ее может взять каждый, кто захочет.

– Синьора Болл-Болл поставит ее у себя в саду. Она будет иметь, конечно, успех, большой успех. К ней станут съезжаться карпианцы со всей планеты, чтобы посмотреть на башню.

– Моя бабушка! – вскричал мэр. – Видите, на этом снимке моя бабушка. Я дарю вам его! Пусть синьора Болл-Болл поместит его в своем саду, чтобы похвастаться перед приятельницами. Но башню трогать нельзя! Вы меня поняли?

– Видите? – спросил глава космических пришельцев, указывая на одну из пуговиц своего костюма. – Вы это видите? Стоит нажать, и вся ваша Пиза, вместе с башней разумеется, взлетит на воздух и больше никогда не вернется на Землю.

Мэр окаменел от изумления. Толпа вокруг тоже замерла в жутком испуге. Слышно было только, как на другом конце площади какая-то женщина звала:

– Джорджина! Ренато! Джорджина! Ренато!

А синьор Карлетто Палладино подумал про себя: «Вот как очень вежливо можно добиться чего угодно!»

Он не успел закончить эту важную мысль, как башня... исчезла, и на ее месте осталась ямка, в которую со свистом устремился воздух.

– Видели? – спросил глава космических пришельцев. – Все очень просто.

– Что вы наделали? – вскричал мэр.

– Да вот же она, – сказал карпианец. – Мы только немного уменьшили ее, чтобы легче было транспортировать. А потом, когда установим в саду синьоры Болл-Болл, снова увеличим до нормальных размеров.

И действительно, на том месте, где только что высилась Падающая башня, стояла совсем крохотная башенка, совершенно такая же, как на лотке синьора Карлетто Палладино.

Толпа испустила долгое: «О-о-ох!» И в то же время с другого конца площади снова донесся голос женщины, которая звала своих детей:

– Ренато! Джорджина!

Синьора Болл-Болл наклонилась было, чтобы взять мини-башню и положить ее в сумочку, но тут кто-то, а точнее синьор Карлетто Палладино, опередил ее, кинувшись на

жалкие остатки древнего и прославленного памятника, подобно тому как собаки (во всяком случае, так говорят) бросаются на могилу хозяина. От неожиданности и удивления карпианцы замерли на мгновение, но затем всеми своими многочисленными руками легко подхватили синьора Карлетто, приподняли и отставили подальше.

– Ну вот, все в порядке, – сказал глава пришельцев. – Теперь у нас есть башня, а вам остаются многие другие красивые вещи. Дело, по поводу которого мы прилетели сюда в командировку за счет фирмы «Брик», закончено. Нам остается только поблагодарить вас и попрощаться.

– Идите вы к черту! – вскипел мэр. – Пираты! Вы еще пожалеете об этом! Рано или поздно у нас тоже будут летающие тарелки...

– А бульонные кубики и конкурсы покупателей уже есть! – добавил кто-то из толпы.

– Вы еще пожалеете об этом! – повторил мэр.

Громко щелкнул замок сумочки, которую синьора Болл-Болл захлопнула с чисто карпианским темпераментом. Громко заржала лошадь мэра, но неясно было, что она хочет этим сказать. А затем все услышали робкий голос синьора Карлетто:

– Извините, синьор карпианец...

– Ну что еще?

– У меня к вам просьба...

– Прощение? Тогда, пожалуйста, с гербовой маркой.

– Но это совсем пустяк! Поскольку синьора Болл-Болл уже получила свою премию... Может быть, вы...

– Что еще?

– Видите ли, у меня тут есть небольшая модель нашей прекрасной колокольни. Мраморная безделушка, как видите. Вам ведь никакого труда не составит увеличить ее до натуральной величины. А у нас таким образом останется приятное воспоминание о нашей башне.

– Но это же будет подделка, не имеющая никакой историко-художественно-падающей ценности? – удивился глава пришельцев. – Это все равно что пить цикорий вместо кофе.

– И все-таки, – настаивал синьор Карлетто, – нас это устроит.

Глава пришельцев объяснил странную просьбу своему коллеге и синьоре Болл-Болл, и те рассмеялись.

– Что за глупость! – возмутился мэр. – Не нужен нам никакой цикорий!

– Подождите, синьор мэр, подождите! – попросил его синьор Карлетто.

– Ладно, – согласился глава пришельцев, – давай сюда!

Синьор Палладино вручил ему свою модель. Глава пришельцев поставил ее на то место, где прежде высилась башня, направил на нее пуговицу своего костюма (другую, не ту, которая взрывает) и... Вот она! Готова! Пизанская башня снова оказалась на своем месте.

– Тоже еще! – продолжал возмущаться мэр. – За версту

видно, что фальшива, как Иуда. Сегодня же прикажу снести этот позор.

– Как вам угодно, – ответил глава пришельцев. – Ну, а мы полетели. До свидания, и привет семье!

Карпианцы сели в свой вертолет, вернулись в золотисто-серебристый космический корабль, и в тот же момент в небе остался лишь одинокий воробышко, который подлетел к башне и уселся на самом верху.

А затем произошла совсем странная вещь. На виду у всей этой огорченной толпы, прямо перед рыдающим мэром синьор Карлетто Палладино затанцевал тарантеллу.

– Бедняжка, – сказал кто-то. – Он сошел с ума от огорчения.

– Это вы сошли с ума! – вскричал синьор Карлетто. – Глупцы и недоумки – вот вы кто! И такие же невнимательные, как лошадь мэра. Вы и не заметили, как я подменил башню под самым носом у карпианцев?

– Но когда?

– Когда упал на маленькую башню, притворившись, будто кидаюсь, словно собака, на могилу хозяина. Я подменил ее одним из моих сувениров. В сумочке синьоры Болл-Болл лежит фальшивая башня! А настоящая – вот она! И они даже снова увеличили ее до прежних размеров. И еще посмеялись над этим. Да посмотрите, посмотрите! Почитайте надписи, которые вы нацарапали на ней...

– Это верно! Верно! – закричала какая-то женщина. – Вот

имена моих детей – Джорджины и Ренато. Они написали их шариковой ручкой как раз сегодня утром!

– Ай да молодцы! – заявил городской стражник, внимательно осмотрев надпись. – И в самом деле шариковой ручкой. А вы, синьора, штраф уплатите сейчас или счет прислать домой?

Но штраф на этот раз великодушно оплатил из своего кармана синьор мэр. А синьора Карлетто Палладино все стали перевозносить до небес. Впрочем, для него это была только пустая трата времени, потому что он терял покупателей, – ведь туристы покупали сувениры у его конкурентов.

Для кого прядут три старушки

Ох и зловредные же были боги в древних мифах! Однажды, например, Зевс обидел Аполлона, просто так, из прихоти. Аполлон не забыл этого и, как только представился случай, отомстил ему – убил нескольких циклопов, одноглазых чудовищ.

Спрашивается, что общего между маслом и железной дорогой и какое отношение имеют циклопы к Зевсу?

Имеют! И самое прямое! Ведь они поставляют ему молнии. Зевс надышаться на них не мог. Ведь не было другой фирмы, которая производила бы молнии такого же отличного качества, как эта. Когда же ему сказали, что из-за Аполлона приостановилось их производство, Зевс не на шутку разгневался и послал ему обвинение в преступлении. Пришлось Аполлону предстать перед Зевсом – все-таки как-никак царь богов.

– Так, мол, и так, – сказал Зевс. – В наказание отправишься в ссылку. На землю. На семь лет. И все это время будешь прислуживать, словно раб, Адмету, королю Фессалии.

Аполлон не стал спорить с Зевсом. Он был парень сильный, здоровый, умел расположить к себе. С Адметом они жили в согласии и даже подружились. А спустя семь лет Аполлон вернулся на Олимп. Идет он домой, а его приветствуют с балкона какие-то старушки, которые сидят там и

прядут пряжу.

– Как поживает ваш ревматизм? – вежливо осведомился он.

– Не жалуемся, – ответили три старушки – три Парки. (Догадались? Ну да, те самые богини, от которых зависит судьба каждого человека на земле – с самого рождения до смерти. Каждому человеку они прядут нить его судьбы, а когда обрезают ее, то человек, значит, уже может писать завещание.)

– Вижу, работа у вас продвинулась, – заметил Аполлон.

– Что верно, то верно. Эту нить мы уже, пожалуй, закончили. А знаешь, кстати, чья она?

– Нет.

– Короля Адмета. Нам осталось прясть всего два или три дня.

«Черт возьми! – подумал Аполлон. – Вот не повезло бедняге. Я оставил его в добром здравии, а он, оказывается, вот-вот умрет».

– Послушайте, – сказал он старушкам, – Адмет мой друг. Не могли бы вы дать ему пожить еще несколько лет?

– Каким же это образом? – удивились Парки. – Мы ничего не имеем против него. Прекрасный человек! Но раз пора, значит, пора. Смерть должна взять свое.

– Но ведь он не так уж и стар!

– Дело не в возрасте, сокровище наше! А ты что, очень дружен с ним?

– Ну да, я же сказал вам, что мы большие друзья!

– Пожалуй, мы могли бы сделать так. Мы могли бы оставить его нить на некоторое время в покое и не рвать ее, но при одном условии – если найдется человек, который согласится умереть вместо него. Согласен?

– Еще бы! Спасибо большое!

– Не за что!

Аполлон даже не забежал домой посмотреть почту, а сразу же вернулся на землю и поспешил к Адмету, Тот как раз собирался в театр.

– Послушай, Адмет, – сказал он. – Так, мол, и так и так далее. Словом, ты был на волосок от смерти, но теперь зато надо устроить другие похороны. Найдешь кого-нибудь, кто согласится лечь вместо тебя в гроб?

– Да уж наверное, – ответил Адмет, наливая себе рюмочку вина покрепче, чтобы прийти в себя от испуга. – Король я или не король? Моя жизнь слишком важна для государства! Черт возьми, ты, однако, заставил меня поволноваться!

– Что поделаешь! Се ля ви! ⁹

– Нет, нет! Тут как раз наоборот...

– Ну ладно, чао!

– Чао, Аполлон, чао! Даже не знаю, как и благодарить тебя. Пошлю тебе ящик того вина, которое так нравилось тебе когда-то.

«Черт возьми! – подумал Адмет, едва остался один. – На-

⁹ Такова жизнь! (фр.)

до же, как получается! Хорошо еще, что у меня есть знакомства в верхах!»

И он велел позвать своего самого верного слугу, рассказал ему, как обстоят дела, дружески хлопнул его по плечу и велел приготовиться.

– К чему, ваше величество?

– И ты еще спрашиваешь? К смерти, разумеется. Не откажешь ведь ты мне в этой услуге?! Разве я был плохим хозяином для тебя? Разве не платил тебе всегда сверхурочные, не давал ссуды и тринадцатую зарплату?

– Конечно, конечно.

– Вот и я так думаю. Так что поторопись, не теряй времени даром. Ты подумай о смерти, а я позабочусь обо всем остальном – похороны по первому разряду, мраморное надгробие, пенсия вдове, стипендия сыну... Согласен?

– Согласен, ваше величество. Завтра утром буду готов.

– Почему завтра утром? Никогда не надо откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня!

– Мне нужно написать письма, сделать кое-какие распоряжения...

– Ну ладно, завтра утром. Только пораньше.

– На рассвете, сир, на рассвете.

Однако на рассвете верный слуга был уже далеко в море, на финикийском корабле, который увозил его в Сардинию. И нельзя было даже напечатать его фотографию в газетах под рубрикой «Кто его видел?», потому что газеты тогда еще не

были изобретены. И фотография тоже.

Для Адмета это был тяжелый удар. Он даже заплакал. Вот и доверяйся после этого верному слуге в трудную минуту.

Адмет велел подать карету и отправился к родителям, которые жили за городом в прелестной вилле с паровым отоплением и прочими удобствами.

– Что ж, – сказал он, – вы единственные люди, кто по-настоящему любит меня.

– О да, в этом ты можешь не сомневаться!

– Вы единственные, к кому я могу обратиться с любой просьбой!

– Хочешь попробовать эту прекрасную редиску с нашего огорода? – осторожно спросили старики.

Когда же они узнали, что ему нужно, у них начался нервный тик.

– Адметик, – сказали они, – мы дали тебе жизнь, а теперь ты хочешь взамен взять нашу. Вот так благодарность!

– Но вы ведь одной ногой и так уже стоите в могиле!

– Вот придет наш час, тогда и умрем. А пока еще рано. И тогда мы не станем просить тебя умереть вместо нас.

– Понимаю, понимаю. Очень вы меня любите, конечно, очень...

– И он еще недоволен! Это после того, как мы оставили ему трон и виноградник.

Адмет машинально взял редиску с тарелки, которую мать поставила перед ним, и положил ее в рот. Потом выплюнул

ее, вскочил в карету и вернулся в свое королевство.

Одного за другим стал он вызывать своих министров, генералов, адмиралов, придворных, мажордомов, адвокатов, нотариусов, астрологов, драматургов, богословов, музыкантов, поваров, егерей... И все они один за другим отвечали:

– Ваше величество, я бы со всей радостью умер за вас, но у меня три старые тетушки! Что будет с ними?!

– Сир, хоть сию минуту, немедленно! Но я только вчера ушел в отпуск...

– Хозяин, поймите бога ради, я же должен закончить свои воспоминания...

– Подлецы! – вскричал Адмет, топая ногами. – Выходит, все вы так боитесь смерти? Я прикажу отрубить вам головы! Мне это все равно не поможет, потому что только доброволец может спасти меня, зато я по крайней мере умру не один... И мы всей компанией отправимся в ад.

Придворные заплакали, застучали от страха зубами. Адмет приказал сунуть всех до одного в самую мрачную камеру, а палачу велел наточить топор. Сам же тем временем пошел к жене выпить апельсинового соку, чтобы утолить жажду.

– Альчести, дорогая, – сказал он ей с обреченным видом, – нам придется проститься раз и навсегда. Так, мол, и так. Парки и так далее. Аполлон – настоящий друг и тому подобное. Все очень любят меня, но никто не соглашается умереть вместо меня.

– Из-за этого ты так расстраиваешься? А меня почему не спросил?

– Тебя?

– Ну конечно! Я умру вместо тебя. Это так просто.

– Ты с ума сошла, Альчести! Я не перенесу этого! Ты не представляешь, как я буду плакать на твоих похоронах!

– Поплачешь, а потом все пройдет.

– Нет, не пройдет.

– Да уж поверь мне, пройдет, и ты еще будешь долго жить, счастливый и довольный.

– Думаешь?

– Уверяю тебя!

– Ну тогда... Если так... Раз ты так хочешь...

Они расцеловались на прощание. Альчести ушла в свою комнату и умерла. Королевство огласилось плачем и криками. Адмет рыдал громче всех. Тем не менее выпустил на свободу министров, поваров и всю прочую компанию, велел звонить по усопшей и приспустить флаги, вызвал представителя похоронного бюро и договорился с ним о похоронах. И когда он обсуждал, какие должны быть ручки у гроба, слуга объявил ему, что пришел гость.

– Геракл, друг мой!

– Чао, Адмет! Я тут шел мимо, по пути в сады Гесперид, где мне надо украсть золотые яблоки, и решил заглянуть к тебе ненадолго.

– И прекрасно сделал! Я б тебе не простил, если б ты не

зашел ко мне.

– Кстати, – сказал Геракл, – я вижу, у вас траур.

– Да, – ответил Адмет торопливо, – умерла тут одна женщина. Но тебе незачем огорчаться. Гость для нас дороже всего. Я велю приготовить тебе хорошую ванну, а потом мы поужинаем и вспомним старые добрые времена.

Легендарный гигант отправился принимать ванну, Это было весьма кстати. Постоянно совершая свои героические подвиги, убивая чудовищ, чистя Авгиевы конюшни и делая разного рода другие тяжелые и трудные работы, он, конечно, не часто имел возможность принять душ. Он с удовольствием потирал себе спину щеткой и напевал любимую песенку:

О, Геракл,
Мой Геракл,
Ты силен, как Геракл,
Ты...

– Господин, – шепнул ему слуга, – вам бы не следовало петь, ведь умерла наша добрая хозяйка.

– Что? Кто умер?

Словом, Геракл все узнал и очень удивился, что Адмет не сказал ему, как обстоят дела. Бедная Альчести! И бедный Адмет! Он чуть не расплакался, когда подумал...

– А зачем, собственно, плакать! – воскликнул он, выскокив из ванны. – Тут надо действовать, а не плакать! Эй, кто там... Слуга! Где моя палица? Кажется, я оставил ее в при-

хожей, рядом с зонтиком.

Геракл схватил свою палицу, побежал на кладбище и спрятался у могилы, где должны были похоронить Альчести. И когда увидел Смерть, бесстрашно набросился на нее и давай дубасить своей палицей. Смерть защищалась ударами косы, но так как она была умна, то быстро поняла, что Геракл сильнее ее, и пошла на попятную.

Геракл радостно рассмеялся и, напевая песенку, вернулся в королевство. Люди неодобрительно смотрели на него: кто же поет, когда в стране траур! Но он знал, что делает.

– Адмет! Адмет! Все в порядке.

– Что в порядке?

– Я прогнал эту старуху с косой! Альчести будет жить!

Адмет побледнел так, что белее уже и нельзя быть. И страх вновь обрушился на него. Он услышал чьи-то шаги. Обернулся... Это была Альчести! Живая! Она шла к нему с таким видом, будто хотела попросить прощения...

– Так вы недовольны? – растерялся Геракл. – В чем дело? Давайте же веселиться!

Но где там! Казалось, похороны только начались, Адмет упал в кресло и задрожал так, что на него было жалко смотреть. Альчести стояла, виновато опустив глаза.

– Ну так я же... – сказал Геракл, вытирая со лба пот. – Я же хотел порадовать вас, а выходит вроде наоборот... Да, в наши дни не всегда угадаешь, как вести себя с друзьями! Ну ладно, я, пожалуй, пошел... Пишите, если что...

И он ушел недовольный, помахивая своей палицей. Адмет прислушался. Ему показалось, он слышит какой-то очень далекий шум... Где-то далеко, на своем балконе три старушки прядут... Прядут. Интересно для кого...